КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I.

ІЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ II.

ІЮНЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 29-го мая 1882 года.

Почаевская Успенская Лавра

въ концѣ іюля 1855 года.

Болѣе 26½ лѣтъ тому назадъ, въ послѣднихъ числахъ іюля 1855 г., я имѣлъ случай впервые быть въ почаевской успенской Лаврѣ, и хочу здѣсь разсказать, въ какомъ видѣ я нашелъ ее и какое впечатлѣніе она произвела на меня тогда—24 года безъ малаго по обращеніи ея, въ октябрѣ 1831 г., изъ уніи въ православіе и 16 лѣтъ послѣ общаго возсоединенія уніатовъ западно-русскаго края въ 1839 г. съ древне-русскимъ православіемъ. Къ сожалѣнію, я, по обстоятельствамъ, могъ пробыть въ Лаврѣ только очень короткое время, не болѣе 4-хъ сутокъ. За то, дорожа временемъ, я каждый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, присутствуя на всѣхъ церковныхъ службахъ, въ промежуткахъ между ними обозрѣвалъ всѣ святыни, примѣчательности и рѣдкости лавры (которыхъ нашелъ не мало), а по вечерамъ знакомился съ исторіей ея, съ древнѣйшихъ временъ, изъ нѣкоторыхъ книгъ и рукописей лаврской библіотеки. Такимъ образомъ, не смотря на краткость пребыванія моего въ Лаврѣ, я успѣлъ достаточно ознакомиться съ ея исторіей и современнымъ положеніемъ. Полной, печатной исторіи ея тогда еще не было: она появилась лишь 23 года послѣ того—въ 1878 г., бывъ составлена намѣстникомъ лавры, архимандритомъ *Амвросіемъ*, по подлиннымъ документамъ, хранящимся въ лаврскомъ архивѣ, и напечатана въ лаврской типографіи, подъ заглавіемъ: „Сказаніе о почаевской успенской Лаврѣ“. По этому „Сказанію“ я провѣрилъ мои воспоминанія 1855 года, и предлагаю ихъ здѣсь въ краткомъ изложеніи. Но предварительно не могу отказать себѣ въ удовольствіи посвятить нѣсколько строкъ историческому и благодатному волынскому краю, по которому я про-

ѣхалъ съ крайняго востока до крайняго запада—отъ Житоміра до Почаева и обратно. Я бывалъ въ немъ, зналъ и полюбилъ его и прежде, теперь съ истинно отраднымъ чувствомъ снова увидѣлъ его и насладился его красотами. Дѣйствительно—чудный край, вмѣстѣ съ кіевскимъ—колыбель древней Руси, и до-исторической, и языческой, и христіанской,—край, прошедшій чрезъ многовѣковыя историческія невзгоды, природою же надѣленный обильными дарами и красотами.

Изъ Житоміра въ Лавру (300 верстъ) я ѣхалъ по большой почтовой дорогѣ чрезъ Новгородъ-Волынскій на р. Случѣ, Острогъ на р. Горыни и Кременецъ на ручьѣ въ 5 верстахъ отъ р. Иквы. Все это города, основаніе которыхъ относится къ глубокой древности, и въ каждомъ слѣды первыхъ временъ христіанства въ Россіи. Въ Луцкѣ же и Владимірѣ (которые, къ сожалѣнію, лежали въ сторонѣ отъ моего пути), въ особенности, еще доселѣ остаются слѣды ревности равноапостольнаго в. к. Владиміра къ созиданію церквей. А въ Кременцѣ, Почаевѣ и ихъ окрестностяхъ сохраняются и слѣды перваго пещернаго отшельничества, даже болѣе ранняго, кажется, нежели кіево-печерское [1]).

Отъ Житоміра до Острога я ѣхалъ по средней части Волыни—равнинной, живописной, плодородной и хорошо населенной. Но съ поворотомъ на югъ къ Острогу и далѣе къ Кременцу—въ юго-западную часть края, характеръ мѣстности измѣняется, постепенно становясь болѣе и болѣе гористымъ и живописнымъ. Здѣсь край прорѣзывается съ сѣверо-запада на юго-востокъ отраслью Карпатскихъ горъ, достигающихъ въ иныхъ мѣстахъ до 190 саженей и болѣе, а у Кременца, высшаго пункта—даже 1328 ф. надъ поверхностью моря. Здѣсь плотность населенія, множество рѣкъ, рѣчекъ, горныхъ ручьевъ, высокихъ холмовъ и горныхъ грядъ, поросшихъ разнороднымъ и роскошнымъ лиственнымъ, большею частію дубовымъ, лѣсомъ—придаютъ мѣстности необыкновенно живописный характеръ [2]). Кременецъ, особенно, лежитъ въ самой возвышенной и живописной мѣстности, въ глубокомъ горномъ ущельѣ горъ, высящихся по ту и другую сторону, то уступами (по правую

---

[1]) Церк. ист. Иннокентія, отд. II, стр. 99.

[2]) *Столпянскій*: Девять губерній западно-русскаго края. Спб. 1866 г.

сторону), то отдѣльными высотами (по лѣвую). Не даромъ Кременецъ-Волынскій носитъ это названіе, происходящее отъ слова „кремень", подобно тому, какъ Каменецъ-Подольскій—отъ слова „камень": какъ первый сооруженъ на кремнѣ, такъ и второй на камнѣ—высокой каменистой горѣ. И что̀ за древность Кременца!—основаніе его относятъ еще къ VIII вѣку по Р. Х., а принадлежность его — славянскому племени дулебовъ! — Въ XIII вѣкѣ онъ прославился своею неприступностью и отраженіемъ осадъ: Батыя—въ 1241 г. и татарскаго полководца Куремсы въ 1255 г. Нынѣ, на уступѣ правыхъ нагорныхъ высотъ, расположено обширное каменное зданіе волынской духовной семинаріи, до осени 1831 года служившее помѣщеніемъ столь извѣстнаго кременецкаго лицея или польско-іезуитскаго коллегіума. А на средней изъ лѣвыхъ, нагорныхъ высотъ хорошо сохранились развалины каменныхъ замка и башенъ, сооруженныхъ польскою королевой *Боной*, построившею множество такихъ крѣпостей въ Польшѣ. Самый городъ расположенъ улицой вдоль ущелья.

Отъ Кременца до Лавры (24 версты) дорога пролегаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ по равнинной, отчасти холмистой, и очень живописной мѣстности, среди роскошной лѣсной растительности. За 4 версты до Лавры, по обѣ стороны дороги — густой лиственный лѣсъ; съ приближеніемъ къ Лаврѣ онъ рѣдѣетъ и за нимъ начинается лаврская роща, состоящая большею частію изъ вѣковыхъ дубовъ. Лѣсъ и роща еще скрываютъ видъ Лавры; но проѣхавъ чрезъ расположенное у подошвы почаевской горы, съ трехъ сторонъ, м. Новый-Почаевъ (м. Старый-Почаевъ лежитъ въ 3 верстахъ къ юго-западу), при поворотѣ на право въ поперечную аллею старыхъ и высокихъ деревьевъ—Лавра открывается, во всей своей красѣ, на вершинѣ почаевской горы, вышиною до 35 саженей. Аллеей, идущей въ гору, въѣзжаешь въ св. ворота лаврской ограды, и тотчасъ по въѣздѣ въ нихъ, на лѣво—каменный, 2-хъ-этажный архіерейскій домъ, а на право—каменная-же, одно-этажная гостинница съ открытою галлереей — балкономъ, откуда прекрасный видъ на окрестности и кременецкія горы. Въ ней я и остановился, и прежде всего посѣтивъ пребывавшаго тогда въ Лаврѣ, священно-архимандрита ея, варшавскаго и волынскаго архіепископа *Арсенія* (съ 1858 г. митрополита кіевскаго, умершаго въ 1876 г.),

я поспѣшилъ въ соборъ Успенія Божіей Матери, поклониться тремъ главнымъ святынямъ его: стопѣ Божіей Матери и чудотворной почаевской иконѣ ея—въ самомъ соборѣ, а внизу его, въ пещерной церкви св. великомученицы Варвары — мощамъ св. препод. *Іова*, игумена почаевской обители, почившаго 28 октября 1651 г., за 69 лѣтъ до окончательнаго завладѣнія ею базиліановъ-уніатовъ въ 1720 г.

Лаврскій успенскій соборъ поразилъ меня своими: громадностью, красотою и величественнымъ видомъ, снаружи и внутри, своею особенною, смѣлою и прочною архитектурой въ итальянскомъ стилѣ польско-католическихъ церковныхъ построекъ 2-й половины XVIII вѣка. Онъ стоитъ на самомъ утесѣ горы, возвышающейся до 35 саженей надъ окрестною поверхностью земли. Предъ входомъ въ него съ „южной“ стороны (алтаремъ онъ построенъ на сѣверъ)—съ трехъ сторонъ площадка, огражденная на краю глубокаго южнаго обрыва желѣзною рѣшеткой. Когда обратитесь къ югу, съ нея открывается предъ вами великолѣпный видъ на широкую долину, ограниченную съ юга, на границѣ восточной Галиціи, на разстояніи 8 верстъ отъ Лавры, горными высотами, на которыхъ, къ юго-западу, видна уніатская обитель, постройкою своею весьма похожая на почаевскую (о ней скажу ниже). Южный фасадъ собора образуютъ 2 выдающіяся, четвероугольныя, высокія башни о 5 этажахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго карнизами и къ верху съуживающихся. Между башнями—4 колонны съ капителями коринѳскаго ордена, а между 2-мя средними колоннами — главная, южная входная дверь въ соборъ, по каменной лѣстницѣ въ нѣсколько ступеней. Надъ дверью—полуовальное окно съ разноцвѣтною рѣшеткой, на которой желѣзными цифрами означенъ „1771“ годъ построенія собора. Надъ карнизомъ 1-го этажа фронтона—икона успенія Божіей Матери. За башнями—фронтонъ самой церкви: въ немъ большое окно, сверху его — Всевидящее Око, а на самомъ верху—крестъ, по обѣ стороны котораго 6-ть высѣченныхъ изъ камня урнъ. Въ нижнемъ ярусѣ башенъ—восточныя и западныя входныя двери въ церковь. Наконецъ въ 4-мъ ярусѣ правой, восточной башни—боевые часы. Стѣны собора снаружи украшены пилястрами съ коринѳскими капителями, высѣченными изъ дикаго камня. Все зданіе собора увѣнчано высокимъ (выше башенъ), 8-ми

граннымъ куполомъ, виднымъ за 40 и болѣе верстъ. Внутри соборъ имѣетъ крестообразную форму, образуемую продольными и поперечными столбами. Въ 1855 г. внутреннее устройство собора уже было обращено изъ уніатскаго въ православное: боковые престолы уничтожены, исключая 1-го отъ входа съ юга, съ правой стороны, обращеннаго въ иконостасъ со спискомъ съ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери и съ другими иконами; подъ доскою-же, служившею уніатскимъ престоломъ, находилось круглое отверстіе надъ стопою Божіей Матери, всегда наполненною до края чистою, ключевою водою, никогда не изсякающею. Богомольцы черпаютъ ее, пьютъ и уносятъ съ собою въ небольшихъ сткляночкахъ за лаврскою печатью. Во взятыхъ мною и полученныхъ позже такихъ сткляночкахъ вода болѣе 10 — 15 лѣтъ сохранялась неповрежденною, чистою и свѣжею. Но передъ главнымъ алтаремъ еще находился низкій, одноярусный иконостасъ, со старыми, неизящными мѣстными иконами. Поверхъ его видна была надъ горнимъ мѣстомъ въ алтарѣ, въ богато-украшенномъ кіотѣ, чудотворная почаевская икона Божіей Матери, въ вѣнцѣ на подобіе царской діадемы, украшенномъ драгоцѣнными каменьями, и держащей младенца Іисуса на лѣвой рукѣ; — внизу-же иконы была изображена почаевская гора и на вершинѣ ея—стопа Божіей Матери. Икону эту, подобно кіево-печерской, спускали внизъ на снурахъ, для поклоненія ей и служенія передъ нею молебствій. Списки съ этой иконы, въ маломъ видѣ, приготовлялись въ лаврской иконописной мастерской и продавались богомольцамъ. По сторонамъ собора, въ боковыхъ галлереяхъ, я, къ немалому моему удивленію, видѣлъ сохранившіеся еще уніатскіе „конфессіоналы“. Почему они тутъ оставались—24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліанъ—было непостижимо для меня. Видѣлъ я еще и другіе остатки уніатскихъ и католическихъ обычаевъ, напримѣръ: женщинъ простаго званія, лежавшихъ на помостѣ *крестомъ* (по польски „krzyżem“), т. е. на груди, распростерши руки въ обѣ стороны, а также—исповѣдь, если не въ конфессіоналѣ, то подъ эпитрахилью духовника *) (почему и зачѣмъ—не знаю).

---

*) Обычай этотъ общій во всемъ юго-западномъ краѣ и отнюдь не уніатскій. *Ред.*

Подъ соборомъ, внизу, у восточной стороны, находилась небольшая пещерная церковь во имя св. великомученицы Варвары, существовавшая еще прежде сооруженія собора. Пещерною она называется потому, что съ сѣверной стороны ея находилась пещера, въ которой, въ полукруглой нишѣ, въ ракѣ на вскрытіи покоились мощи св. преп. Іова, всенародно и торжественно открытыя 28 августа 1833 г., въ тотъ самый день, въ который за 174 года передъ тѣмъ (въ 1659 г.) они были вынуты изъ земли кіевскимъ митрополитомъ Діонисіемъ Балабаномъ.

На первой вечернѣ въ соборѣ, въ день моего прибытія, меня очень удивило то, что чтецы и пѣвцы изъ послушниковъ были не въ подрясникахъ, а *въ сѣрыхъ сюртукахъ и холщевой нижней одеждѣ въ сапоги!*—точно деревенскіе дьячки *). Мнѣ показалось это очень страннымъ и не совсѣмъ приличнымъ. Но очередные іеромонахъ и іеродіаконъ служили по чину. Наканунѣ 1-го августа всенощная служба была совершена во всемъ по чину, какъ слѣдовало. А на другой день позднюю обѣдню въ соборѣ совершалъ соборно и очень торжественно преосвященный *Арсеній*, въ присутствіи множества народа, наполнявшаго соборъ, большею частію мѣщанъ и крестьянъ обоихъ половъ, въ праздничныхъ одеждахъ. Послѣ обѣдни былъ крестный ходъ для освященія воды, причемъ преосвященный *Арсеній*, съ крестомъ въ лѣвой рукѣ и съ кропиломъ въ правой, окроплялъ св. водою большіе пучки хлѣбныхъ и иныхъ растеній и полевыхъ цвѣтовъ, которые держали въ рукахъ крестьянки, стоявшія шпалерами отъ амвона до южныхъ входныхъ дверей. Это старинный, мѣстный, народный обычай.

Въ первые 3 дня передъ тѣмъ, между церковными службами въ соборѣ, обозрѣвая особенныя примѣчательности и рѣдкости, хранившіяся въ лаврѣ, я нашелъ въ нихъ очень много любопытнаго. Посѣтивъ намѣстника лавры, архимандрита *Неофита*, въ его покояхъ, я увидѣлъ въ нихъ, въ экранѣ передъ печью, живописный портретъ отступника отъ православія на флорентійскомъ соборѣ и

*) Если-бы строго держаться обычаевъ вселенской и нашей церкви до Никона, то и священники должны ходить въ одеждѣ міранъ и только для богослуженія надѣвать одежду церковную.—*Ред.*

низложеннаго за то въ Москвѣ митрополита *Исидора*, бѣжавшаго послѣ того въ Римъ и получившаго отъ папы красныя кардинальскія: шапку и мантію. Въ нихъ онъ и былъ изображенъ на этомъ любопытномъ портретѣ. На замѣчаніе мое, что такой исторической рѣдкости слѣдовало-бы находиться въ музеѣ или библіотекѣ Лавры, намѣстникъ, улыбаясь, возразилъ, что „изображенію вѣроотступника, заслуживщаго кару вѣчнаго огня, приличное мѣсто—именно передъ временнымъ огнемъ!“ Осматривая потомъ лаврскую библіотеку, не приведенную еще тогда въ должный порядокъ, я получилъ изъ нея, для ознакомленія съ исторіей почаевской обители, 3 старопечатныя книги и 1 рукопись (о которыхъ скажу подробнѣе ниже). А въ одной кладовой, въ которой хранились разныя вещи, я увидѣлъ за перегородкой развѣшанные на стѣнѣ весьма любопытные и замѣчательные, живописные портреты: *Николая Потоцкаго*, старосты каневскаго и соорудителя въ 1771 г. каменныхъ: собора и зданій монастыря,—и супруговъ *Θеодора* и *Еввы Домашевскихъ*, соорудившихъ въ немъ, въ 1649 г., новую и большую каменную церковь во имя св. Тройцы. Эти портреты привлекли особенное вниманіе мое. На портретѣ *Николая Потоцкаго*, послѣдній изображенъ во весь ростъ, почти въ натуральную величину, въ богатомъ полупольскомъ, полу-украинскомъ нарядѣ—кунтушѣ съ закинутыми назадъ рукавами, опоясанномъ широкимъ шалевымъ поясомъ, съ заткнутыми за нимъ пистолетами, съ турецкою саблей при боку, въ широкихъ шароварахъ и красныхъ сапогахъ. Большой бритый лобъ, съ *оселедцомъ* на макушкѣ, правильныя черты продолговатаго овала лица, длинные усы, бритый подбородокъ, умный, но энергическій и суровый взоръ, гордая осанка—съ перваго же взгляда живо изображали этого оригинальнаго человѣка, столь извѣстнаго своими: буйнымъ, неукротимымъ нравомъ, причудами, жестокостью, распутствомъ, но и богатствомъ, и щедростью. Предо мною какъбы живой стоялъ этотъ своеобразный типъ тогдашнихъ польскихъ и украинскихъ феодаловъ!

Рядомъ съ его портретомъ находился не менѣе любопытный портретъ супруговъ *Домашевскихъ*, во весь ростъ, писанный на холстѣ. *Θеодоръ Домашевскій* былъ изображенъ старикомъ высокаго роста, съ сѣдыми бородою и усами, и съ волосами на головѣ, остриженными въ кружокъ, въ одеждѣ болѣе греческой или молдавской,

чѣмъ польской. Нижняя одежда—въ видѣ подрясника темно-голубаго цвѣта, а верхняя — въ видѣ греческой полу-ряски съ короткими рукавами, обшитой по краямъ и внизу золотымъ снуркомъ и застегнутой до пояса продолговатыми золотыми пуговицами, а у шеи старинною пряжкою, украшенною драгоцѣнными каменьями. Въ правой рукѣ—трость съ набалдашникомъ слоновой кости; при боку видѣнъ былъ только ефесъ шпаги, въ древнемъ вкусѣ, обложенный серебряными блестками и драгоцѣнными каменьями; на верху ефеса змiиная головка. На верху портрета, съ лѣвой стороны, гербъ: щитъ свѣтло-голубаго цвѣта, съ бѣлымъ на немъ знакомъ въ видѣ трехъ-составнаго якоря; вокругъ щита рѣзная, позолоченная рамка, а сверху корона; по сторонамъ рамки — двѣ пальмовыя вѣтьви, а вокругъ герба—прописныя польскія буквы: H. T. D. K. G. P. K., означающія, какъ полагаютъ: Hryckiewicz Theodor Domaszewski, Komornik Granic Powiatu Krzemenieckiego (его званіе и должность). Съ правой стороны—портретъ супруги *Ѳеодора Домашевскаго Евы*, во весь ростъ, лѣтъ 50, въ старинной одеждѣ высшихъ особъ женскаго пола. Голова и шея покрыты бѣлымъ покрываломъ, опущеннымъ на плечи; на головѣ, сверхъ покрывала, голубая шапка съ собольею опушкой. На бѣломъ платьѣ голубой корсетъ, застегнутый золотыми снурками, а верхнее платье въ родѣ женской собольей шубы, изъ бархата зеленаго цвѣта; въ лѣвой рукѣ четки. На верху гербъ такой-же, какъ и *Домашевскаго*, съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ щитѣ одинъ знакъ въ видѣ якоря, а другой на глобусѣ съ крестикомъ. Вокругъ герба буквы: B. E. D. K. G. P. K., означающія, какъ полагаютъ: Bogobojna (богобоязная, благочестивая) Ewa Domaszewska, Komornikowa Granic Powiatu Krzemenieckiego. Въ срединѣ между обоими портретами—видъ церкви, которую супруги держатъ снизу ея, мужъ—лѣвою, а жена—правою руками своими. Церковь въ основаніи—изъ дикаго камня, а выше—изъ кирпича; архитектуры византійской; главный куполъ восьмигранный, а другіе два меньшіе—круглые. Подъ изображеніемъ церкви столъ, покрытый красною пеленою и на немъ круглая шапка съ собольею опушкой, двѣ книги и четки. Между мужемъ и женою изображены дѣти ихъ, сынъ и дочь, не старѣе 10 лѣтъ, въ длинныхъ одеждахъ, на колѣняхъ, молящіеся со сложенными руками. На полу—круглая шапочка мальчика, съ бѣлою

опушкой, а на шеѣ дочери цѣпочка изъ жемчуга и на головѣ вѣнчикъ изъ драгоцѣнныхъ камней. Подъ картиной надпись «Fundatorowie starej cerkwi w Poczajowie w. w. (wielmožni) Teodor i Ewa Domaszewscy, komornikowstwo granicy krzem. p. R. 1649». Картина эта, существовавшая болѣе 200 лѣтъ въ почаевской обители, составляла подлинно драгоцѣнную историческую рѣдкость, но примѣтно пришла въ ветхость и, къ крайнему моему удивленію и сожалѣнію, хранилась небрежно, въ кладовой разнаго хлама, за перегородкой [1])! То-же самое слѣдуетъ сказать и о портретѣ *Николая Потоцкаго,* такой-же исторической рѣдкости. Эти драгоцѣнные вещественные памятники юго-западной русской старины заслуживали-бы въ 1855 г., уже 24 года послѣ отобранія монастыря отъ базиліановъ, болѣе уваженія и тщательнаго храненія въ болѣе приличномъ мѣстѣ, нежели въ кладовой. Напрасно искалъ я въ „Сказаніи", гдѣ они хранятся теперь, и нигдѣ не нашелъ указанія на то, что̀ меня не мало удивило. Жаль, что въ Почаевской Лаврѣ нѣтъ, подобно тому, какъ въ Лаврѣ препод. Сергія, ни музея рѣдкостей, картинъ, портретовъ и т. п., ни собственной фотографіи, для изображенія ихъ и живописныхъ видовъ Лавры и ея окрестностей. Расходы на учрежденіе и содержаніе музея и фотографіи окупались-бы доходами отъ покупки произведеній послѣдней богомольцами, которые, какъ извѣстно, очень дорожатъ такими воспоминаніями посѣщенныхъ ими св. мѣстъ и ихъ святынь.

И библіотеку лаврскую также я нашелъ въ 1855 г. въ несовсѣмъ приличныхъ ей помѣщеніи и устройствѣ, хотя въ ней было много рѣдкихъ старинныхъ рукописей и книгъ. Въ „Сказаніи" (1878 г. стр. 280) о библіотекѣ сказано только, что при архимандритѣ Агаѳангелѣ (1866—1876) она изъ года въ годъ постоянно пріобрѣтала „разныя новѣйшія изданія духовнаго содержанія", но нѣтъ свѣдѣній о ея устройствѣ. Въ ней-то, по моему мнѣнію, и слѣдовало бы хранить означенные портреты кардинала *Исидора, Потоцкаго* и *Домашевскихъ,* и другіе вещественные памятники лаврской старины.

---

[1]) Въ «Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ», стр. 20—22, въ концѣ выноски сказано, что «все нужное къ возобновленію картины сдѣлано,» но гдѣ она хранится — не упомянуто. По моему мнѣнію, ей приличнѣйшее мѣсто въ лаврской библіотекѣ, какъ и портрету *Николая Потоцкаго.*

Изъ библіотеки я получилъ, какъ сказалъ выше, для ознакомленія моего съ исторіею обители, 3 старинныя книги и 1 рукопись, именно: 1) „Новое небо съ новыми звѣздами", сочиненіе ректора кіево-братскаго училища, іеромонаха *Іоанникія Галятовскаго*, напечатанное въ 1655 г. во Львовѣ, 2) „Гора Почаевская", книга, перепечатанная въ 1772 г. базиліанами изъ другой, древней, и 3) одно печатное и 4) одно рукописное „житіе преподобнаго Іова".— Изъ нихъ то я и узналъ слѣдующее, приводимое мною здѣсь вкратцѣ, объ исторіи почаевской обители.

Начало обители относится къ глубокой древности—къ первымъ временамъ христіанства въ древней Руси, хотя въ исторіи нѣтъ на это прямыхъ доказательствъ. Но нѣкоторыя данныя указываютъ на существованіе почаевской обители едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ на Волыни и даже въ Кіевѣ.[1] Съ тѣхъ поръ она существовала до 1240 г., когда на почаевской горѣ произошло чудо явленія Божіей Матери, оставившей на скалѣ слѣдъ стопы своей, наполненный ключевою водою.[2] Въ 1241 г. обитель подверглась разоренію Батыя, но, по удаленіи его, была возстановлена и продолжала существовать, распространяться и украшаться. Сначала, въ старину, монахи жили въ пещерахъ почаевской горы, а потомъ построили у подошвы ея деревянную и позже, вмѣсто ея, каменную церковь Успенія Божіей Матери, на свои средства и на пожертвованія, и до половины XVI вѣка владѣли только ею, источникомъ въ стопѣ Божіей Матери на скалѣ и пещерами. Въ 1559 г. владѣтельница помѣстья Орля, вдова *Анна Гойская*, урожденная *Кузинская*, получивъ въ даръ отъ греческаго митрополита *Неофита* привезенную имъ изъ Константинополя икону Божіей Матери, хранила ее у себя въ домѣ до 1597 г. Но въ этомъ году, вслѣдствіе многихъ чудесныхъ исцѣленій отъ этой иконы, она была перенесена въ каменную успенскую церковь на почаевской горѣ, и прославилась своими чудесами (они изложены въ книгѣ „Гора почаевская"). Пятьдесятъ два года спустя, въ 1649 г. *Ѳеодоръ и Евва Доманевскіе* соорудили на почаевской горѣ, выше успенской церкви, другую, новую, каменную же, но гораздо большую, во имя св. Троицы,

---

[1]) «Сказаніе» стр. 10—14.

[2]) Тамъ же.

богато украсили ее и щедро надѣлили деньгами. Въ концѣ 1-й и въ началѣ 2-й половины XVII вѣка были и другіе православные ревнители и благотворители почаевской обители, изъ князей и дворянъ края, какъ-то: князья *Малынскіе, Пузины, Сташкевичи, Куликовскіе, Ушковскіе, Долинскіе, Жабокрицкіе, Ясногорскіе* и др. На вклады ихъ были построены въ обители, въ это время, еще 6 меньшихъ церквей, примыкавшихъ съ обѣихъ сторонъ къ троицкой, именно: преображенская, благовѣщенская, воскресенская, св. великомученика Θеодора, побѣды Божіей Матери (надъ татарами) и николаевская. Къ найлучшему поддержанію почаевской обители и православія въ ней много содѣйствовалъ св. препод. *Іовъ*, 50 лѣтъ (1601—1651) бывшій игуменомъ ея. Онъ родился въ концѣ 1-й половины XVI вѣка, въ галичской землѣ, въ предѣлахъ покутскихъ, и въ мірѣ носилъ имя *Іоанна*, по прозванію *Желызо*. На 12 году отъ рожденія онъ былъ постриженъ въ монашество въ угорницкомъ преображенскомъ монастырѣ, а по принятіи священства и вскорѣ послѣ того схимы, столько прославился святою жизнію, что знаменитый князь *Константинъ Острожскій* упросилъ его принять игуменство крестовоздвиженскаго монастыря въ г. Дубно. По 20-лѣтнемъ управленіи имъ, преп. *Іовъ*, въ схимѣ *Іоаннъ*, возвратился въ почаевскую обитель, былъ избранъ въ игумены ея и управлялъ ею, какъ сказано, 50 лѣтъ, до смерти своей 28 октября 1651 г., сто лѣтъ отъ роду. А 8 лѣтъ спустя, 28 октября 1659 г., нетлѣнныя мощи его были торжественно открыты кіевскимъ митрополитомъ *Діонисіемъ Балабаномъ*. Со времени основанія почаевскаго общежительнаго монастыря *Анною Гойскою* въ 1597 г. и до порабощенія его уніатами въ 1720 г., капиталы его, обезпеченные недвижимыми имѣніями, постепенно умножались и наконецъ значительно возрасли, и сверхъ того монастырь владѣлъ 7 селеніями и земельными и иными угодіями.

Со времени смерти препод. *Іова*, въ схимѣ *Іоанна*, послѣдовательно было 18 православныхъ игуменовъ почаевскаго монастыря и послѣднимъ въ 1718—1720 г. былъ *Гедеонъ Левицкій*. Но уже при 12-мъ игуменѣ, *Иннокентіи Ягельницкомъ*, избранномъ въ 1693 г., въ монастырѣ начались раздоры, смуты и безпорядки, постепенно увеличивавшіеся со времени брестской уніи 1596 года и борьбы православныхъ съ уніатами и католиками, которые на-

конецъ одолѣли, такъ что въ 1720 г. уніаты-базиліане уже окончательно завладѣли монастыремъ. Съ тѣхъ поръ, въ продолженіи слѣдующихъ 111 лѣтъ до 2 октября 1831 г., времени отобранія монастыря отъ уніатовъ и обращенія его снова въ православный, онъ, нося названіе „уніатскаго-базиліанскаго“, сталъ постепенно болѣе и болѣе превращаться почти въ настоящій польско-католическій. А игумены и монахи его, до 1720 г. еще именовавшіе себя въ тяжебныхъ дѣлахъ „zakonnicy monasteru poczajowskiego świętego Bazylego Wielkiego ritus graeci“ или „nie w unii zostający“, съ 1720 г. уже отбросили послѣднія шесть словъ и стали просто именоваться базиліанами, какъ бы уже принадлежа къ католическимъ монашескимъ орденамъ.

Исторія этихъ 111 лѣтъ пребыванія почаевскаго монастыря во власти базиліанъ до крайности прискорбна и я не стану говорить о ней, а коснусь только временъ благодѣтельствованія ему *Николая Потоцкаго* и участія монастыря въ польскомъ возстаніи 1830—31 г.

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ бельзскаго (въ Галиціи) воеводы *Стефана Потоцкаго* [1]), былъ первоначально римско-католическаго исповѣданія, а въ послѣдствіи перешелъ изъ него въ унію, вознамѣрясь сдѣлать большія денежныя пожертвованія почаевскому монастырю, по слѣдующему случаю. Однажды, ѣдучи въ коляскѣ по ровной дорогѣ въ виду почаевскаго монастыря, онъ былъ опрокинутъ кучеромъ, наѣхавшимъ на большой камень. Лошади съ коляской умчались, а упавшіе *Потоцкій* и кучеръ остались на мѣстѣ. Взбѣшенный *Потоцкій* выхватилъ изъ-за

[1]) Въ книгѣ «Новое небо», въ предисловіи, говорится, что предки *Потоцкихъ* по женской линіи происходили отъ рода молдавскихъ господарей *Могилъ* (которые были православными), а *Николай Потоцкій* писался «Potocki na Złotym Potoku», т. е. что родъ его происходилъ отъ *Потоцкихъ*, которымъ принадлежали имѣнія «Золотой Потокъ» и другое близъ него «Горній Потокъ» (нынѣ въ Царствѣ Польскомъ, люблинской губерніи, близъ Тарногрода, въ 12 верстахъ отъ границы Галиціи). Такъ какъ тамъ было повсемѣстно православіе, то и предки *Николая Потоцкаго* были безъ сомнѣнія православные. И такъ вотъ происхожденіе тѣхъ *Потоцкихъ*, которые теперь сами себя, какъ и поляки ихъ, считаютъ «родовитыми поляками»! Замѣтимъ при этомъ, что въ полтавской губерніи до сихъ поръ существуютъ православные дворяне *Потоцкіе*.

пояса пистолетъ, приставилъ его къ груди кучера и съ словами: „умри, злодѣй!" спустилъ курокъ, но пистолетъ осѣкся въ то самое время, какъ кучеръ, обратясь къ монастырю, воскликнулъ: „Матерь Божія! спаси меня!" И такъ было до трехъ разъ. Пораженный этимъ, *Потоцкій* простилъ кучера, и по усмиреніи лошадей, велѣлъ везти себя въ монастырь. Тамъ онъ излилъ свою душу въ молитвѣ предъ чудотворною почаевскою иконою Божіей Матери, и съ тѣхъ поръ (полагають, что это случилось передъ 1760 г.) совершенно измѣнилъ свою жизнь и предался благочестію, горячей любви къ почаевской обители и рѣшимости ничего не жалѣть для ея благолѣпія *). Изъ писемъ его, писанныхъ имъ изъ г. Бучача, въ Галиціи, мѣста пребыванія его, къ прото-архимандриту почаевскаго монастыря *Игнатію Бѣлинскому*, съ 1761 г. по 1772 г., видно, что главнымъ предметомъ заботъ его, *Потоцкаго*, было сооруженіе громадныхъ каменныхъ: соборной церкви и братскихъ корпусовъ, пожертвованіе на то значительныхъ денежныхъ капиталовъ (до 224,400 злотыхъ) и желаніе провесть остатокъ жизни своей въ почаевскомъ монастырѣ, а по смерти быть погребеннымъ въ немъ.

Въ 1771 г. начата была постройка большаго собора и братскихъ корпусовъ и продолжалась 12 лѣтъ—до 1782 г. При этомъ прежняя соборная троицкая церковь *Домашевскихъ* была, къ крайнему сожалѣнію, разобрана, а по южную сторону, на краю горы, въ 1774 г. построена новая церковь во имя св. великомученицы Варвары, и въ 1776 г. полевая каменная церковь Рождества Богородицы. Обѣ эти церкви и большой соборъ были освящены въ 1780 г. Но еще прежде того, 8 сентября 1773 г., съ разрѣшенія папы Климента XIV, былъ торжественно совершенъ католическій обрядъ „коронованія чудотворной почаевской иконы Божіей Матери". *Потоцкій* прожилъ еще 2 года послѣ освященія собора и двухъ церквей и имѣлъ утѣшеніе видѣть исполненіе завѣтнаго желанія своего. Онъ умеръ 12 апрѣля 1782 г. въ почаевскомъ

*) Имѣемъ полное основаніе утверждать, что онъ куралесилъ и долгое время потомъ. Въ подобныхъ самодурахъ того времени легко уживались и внѣшнее благочестіе и внутренняя развращенность, а переходы отъ одного къ другой были не только быстры, но и очень часты.— *Ред.*

монастырѣ, въ которомъ жилъ, и по завѣщанію своему еще 1774-го года, былъ торжественно погребенъ, по уніатскому обряду, въ склепѣ, на лѣвой сторонѣ по входѣ въ соборъ [1]).

Въ дополненіе къ этому, приведу слышанное мною въ 1855 г. въ Лаврѣ преданіе, что въ теченіи времени съ 1760 г., обращенія *Потоцкаго* къ иной жизни, до 1780 г., освященія сооруженной имъ соборной церкви, онъ, живя по временамъ въ почаевскомъ монастырѣ, какъ благотворитель и почти полный хозяинъ его, находился въ совершенномъ согласіи съ братіею монастыря. Но однажды, поссорившись съ ними изъ-за чего-то, онъ удалился изъ монастыря въ находившееся верстахъ въ 8-ми на юго-западъ отъ него имѣніе свое (нынѣ въ Восточной Галиціи, на границѣ волынской губерніи), и построилъ тамъ, въ меньшемъ размѣрѣ, точное подобіе почаевскаго собора и при немъ базиліанскій монастырь, въ которомъ и поселился. Вскорѣ однако, примирясь съ почаевской братіею, онъ воротился въ ихъ монастырь и продолжалъ попрежнему благодѣтельствовать ему. Такимъ образомъ, двѣ, построенныя имъ и совершенно схожія между собою церкви, стоятъ теперь одна въ виду другой, одна въ большемъ размѣрѣ—на почаевской горѣ, въ волынской губерніи, а другая въ меньшемъ размѣрѣ—на границѣ Галиціи, и послѣдняя ясно видна простымъ глазомъ съ площадки передъ южнымъ входомъ въ почаевскій соборъ. Когда же въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе, какъ говорили мнѣ въ Лаврѣ, весь южный фасадъ собора, снизу до верху, и весь куполъ собора освѣщаются огнями, точно такъ-же освѣщается и противулежащая уніатская церковь въ Галиціи, что̀ должно представлять очень любопытное зрѣлище. Въ „Сказаніи о Почаевской Успенской Лаврѣ“ я не нашелъ никакихъ свѣдѣній о приведенномъ мною здѣсь преданіи и потому не знаю, на сколько оно достовѣрно.

Касательно же участія почаевскихъ базиліанъ въ польскомъ мятежѣ 1830—31 г. я не слыхалъ ничего въ Лаврѣ въ 1855 г.,

---

[1]) Въ «Сказаніи» сказано, что «до 1831 г. прахъ *Потоцкаго* находился въ этомъ склепѣ,» но ничего не сказано, гдѣ находится съ тѣхъ поръ. Въ томъ-же «Сказаніи» изложены всѣ подробности, касающіяся *Николая Потоцкаго*, его построекъ и пожертвованій для почаевскаго монастыря и всѣхъ событій въ этомъ послѣднемъ—съ 1760 г. до смерти *Потоцкаго* въ 1782 г. Подробности эти еще не были извѣстны мнѣ въ 1855 г.

но въ „Сказаніи“ 1878-го года нашелъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія. Осенью 1823 г. императоръ Александръ I, проѣздомъ изъ-за границы, ночевалъ въ г. Острогѣ и на слѣдующее утро слушалъ обѣдню въ единственной, бѣдной, деревянной, городской, приходской пятницкой церкви. Обѣдню совершалъ волынскій епископъ *Стефанъ,* который послѣ того передалъ находившемуся въ свитѣ Государя генералъ-адъютанту барону *Дибичу* все, что дотолѣ, въ томъ же 1823 г., имъ, епископомъ *Стефаномъ,* было предоставлено св. синоду, *объ обращеніи почаевскаго монастыря въ православіе.* Докладъ синода о томъ былъ представленъ Государю тогдашнимъ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ *Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ.* А 2-го августа 1823 г. княземъ *Голицынымъ* сообщено было митрополиту греко-уніатскихъ церквей въ Россіи, *Іосифу Булаку,* что „Государю не угодно было изъявить свое согласіе на представленіе синода, по тому уваженію, что въ почаевскомъ монастырѣ находилось значительное общество монаховъ базиліанскаго ордена и содержались учебныя заведенія“. Базиліане возликовали, возлагая надежды свои на князя *А. Н. Голицына,* который, будучи оберъ-прокуроромъ синода, оказался такимъ образомъ „ревнителемъ уніи болѣе, нежели православія“! Баронъ *Дибичъ* обѣщалъ епископу *Стефану* вновь довесть просьбу его до свѣдѣнія Государя, и если онъ исполнилъ это (говорится въ „Сказаніи“), то можетъ быть съ того времени въ Петербургѣ снова стали думать о возвращеніи почаевскаго монастыря въ православіе. Но этому суждено было совершиться не при императорѣ Александрѣ I, а при преемникѣ его императорѣ Николаѣ I, и поводъ къ тому подали сами почаевскіе базиліане. Во время польскаго возстанія въ 1830—31 г., они всѣ явно приняли сторону мятежниковъ, помогали имъ деньгами, издавали прокламаціи съ воззваніемъ къ общему возстанію въ краѣ, и когда польскій генералъ *Дверницкій,* разбитый въ апрѣлѣ 1831 г. генераломъ *Ридигеромъ* при м. Боремлѣ, въ 45 верстахъ отъ Почаева, проходилъ чрезъ это мѣстечко въ Австрію, базиліане встрѣтили его съ радостью и торжествомъ, щедро угощали его, снабдили деньгами и многіе изъ нихъ ушли за нимъ вооруженными. Но кара Божія и государственная постигла наконецъ измѣнниковъ Богу, Государю и отечеству: по совершенномъ подавленіи польскаго мятежа въ сентябрѣ

1831 г., Николай I повелѣлъ: почаевскій базиліанскій монастырь, со всею его церковною принадлежностью, недвижимымъ имѣніемъ и капиталами, передать въ вѣдомство православнаго духовенства, обращая доходы монастыря на его содержаніе, монаховъ же базиліанскаго ордена, какъ находившихся въ монастырѣ, такъ и содержавшихся въ кіевской крѣпости, размѣстить въ другіе уніатскіе монастыри и сверхъ того принять всѣ нужныя мѣры для передачи монастыря и его имуществъ на законномъ основаніи въ вѣдѣніе православнаго духовенства, и пр. Все это было начато приведеніемъ въ исполненіе уже въ октябрѣ 1831 г., подъ ближайшимъ наблюденіемъ волынскаго и житомирскаго епископа *Амвросія*, который и оставался на своей каѳедрѣ и священно-архимандритомъ почаевскаго монастыря до перевода его 1-го февраля 1832 г. на нижегородскую епархію и до назначенія на его мѣсто курскаго епископа *Иннокентія* (1832—1840). Затѣмъ преемниками послѣдняго были послѣдовательно преосвященные: *Никаноръ* (1840—1848), *Арсеній* (1849—1860), *Антоній* (1860—1866), *Агаѳангелъ* (1866—1876) и возвращенный нынѣ въ Одессу *Димитрій* (1876—1882). Всѣ они значительно расширили, украсили, благоустроили и упрочили Почаевскую Успенскую Лавру [1]), которая, вслѣдствіе того, достойно занимаетъ свое четвертое мѣсто въ ряду другихъ—кіево-печерской, троицко-сергіевской и александро-невской.

Кн. Н. С Голицынъ.

---

[1]) «Сказаніе о Почаевской Успенской Лаврѣ». Почаевъ 1878 г.

О началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Въ исторіи человѣчества вообще и каждаго народа въ частности книгопечатаніе является однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей просвѣщенія. Удовлетворяя одной изъ главныхъ нашихъ потребностей—быстраго и широкаго обмѣна мыслей между пишущими и читающими, равно лучшаго храненія и наибольшаго распространенія написаннаго, оно вмѣстѣ съ симъ служитъ, такъ сказать, вывѣскою образованія и извѣстной степени умственной дѣятельности народа. По началу онаго тамъ или здѣсь можно заключать о началѣ въ томъ или другомъ мѣстѣ умственнаго пробужденія, по размѣрамъ его — о силѣ умственнаго движенія, по роду и содержанію книгъ—о сферѣ и степени умственной дѣятельности. Существовало и существуетъ много другихъ формъ и способовъ проявленія умственной нашей жизни; но книгопечатаніе, съ тѣхъ поръ, какъ оно существуетъ, служитъ формою наиболѣе удобною, широкою и плодотворною.

Наше отечество не вдругъ стало пользоваться услугами книгопечатанія; протекло болѣе ста лѣтъ, когда явились у насъ первыя попытки завести оное на своей землѣ. Сѣверъ Россіи могъ-бы имѣть въ этомъ отношеніи рѣшительное преимущество предъ югомъ, если бы смѣлую попытку извѣстнаго діакона Ивана Өедорова открыть печатное дѣло на Москвѣ не постигла самая злая участь. Кто знаетъ, какая судьба въ дѣлѣ просвѣщенія и развитія ждала-бы Москву, если бы его попытка удалась; но онъ самъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ предѣлы южной Россіи.

Эта послѣдняя начала пользоваться типографскими издѣліями еще съ конца XV в., хотя получала ихъ изъ сосѣдняго Кракова, при томъ на первый разъ въ видѣ только церковно-богослужебныхъ книгъ. Со второй половины XVI ст. она заводитъ печатное дѣло у себя; скоро все ея пространство покрывается цѣлою сѣтью

типографій и станокъ печатный оказываетъ ей величайшую, незамѣнимую услугу въ дѣлѣ начинавшейся борьбы съ католичествомъ и зарождавшеюся уніею, а за тѣмъ въ дѣлѣ устроенія церкви и общественнаго образованія. Чтобы судить о быстромъ распространеніи у насъ въ эту пору книгопечатанія, довольно назвать важнѣйшія типографіи, быстро возникавшія одна за другою: въ Львовѣ, Вильнѣ, Острогѣ, Стрятинѣ, Заблудовѣ, Унсіовѣ и многихъ другихъ мѣстахъ. Изданіе библіи, переводъ евангелія на народный языкъ, множество догматическихъ и апологетическихъ сочиненій, знаменитые: Апокризисъ, Ѳриносъ, Лиѳосъ, Грамматика Смотрицкаго, Лексиконъ Памва Берынды и множество другихъ всякаго рода сочиненій послужатъ навсегда памятниками со всею энергіею быстро развивавшейся умственной нашей жизни въ сравнительно короткое время. Довольно сказать, что, при всемъ несовершенствѣ и медленности тогдашняго книгопечатанія, ни одно изъ сочиненій, направленныхъ враждебною намъ пропагандою противъ достоинства нашей церкви и истинности нашей вѣры, не оставалось безъ скораго и сильнаго отвѣта, снабженнаго самою лучшею по тогдашнему времени аргументаціею.

По странному однако стеченію обстоятельствъ, Кіевъ — это ядро духовной жизни южнорусскаго народа не принимаетъ въ этомъ умственномъ движеніи и отпечаткѣ онаго — типографской дѣятельности, на первыхъ порахъ ихъ развитія, никакого участія и центръ того и другой принадлежитъ рѣшительно Вильнѣ и Волыни. Съ своею собственною работой на томъ и другомъ поприщѣ Кіевъ выступаетъ позже; но, разъ ставъ на твердую, другими расчищенную дорогу, онъ не сходитъ съ нея во все послѣдующее время, постепенно расширяя свой умственный центръ и притягивая къ себѣ лучшія силы всего юга Россіи, въ частности же свою первую книгопечатню, свившую себѣ гнѣздо въ печерской лаврѣ, доводитъ къ нашему времени до такого совершенства, что лѣтъ двадцать предъ симъ она не имѣла ничего равнаго себѣ въ Россіи—ни по размѣрамъ своей дѣятельности, ни по способамъ ея выполненія.

Въ этомъ общемъ вопросѣ о ходѣ просвѣщенія на югѣ Россіи и въ частности типографской ея дѣятельности, и частнѣйшій вопросъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ получаетъ опредѣленное значеніе и не можетъ казаться ни малозначущимъ, ни еще менѣе празднымъ, помѣщаемое-же здѣсь изслѣдованіе разрѣшаетъ оный на почвѣ положительныхъ данныхъ. Ред.

Вопросъ о томъ, какъ рано началось книгопечатаніе въ Кіевѣ, поднятый еще въ концѣ прошлаго столѣтія и съ тѣхъ поръ много разъ обращавшій на себя вниманіе любителей нашей старины, и доселѣ не признается окончательно рѣшеннымъ. Мало того, позднѣйшій по времени изслѣдователь, писавшій о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ, утверждаетъ, будто, при имѣющихся данныхъ, вопросъ этотъ и не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно[1]). Нельзя однако согласиться съ такимъ заключеніемъ. Данныхъ для опредѣленнаго рѣшенія по означенному вопросу имѣется достаточное количество и только, съ одной стороны, отсутствіе полнаго сведенія ихъ во-едино, а съ другой — присоединеніе къ нимъ извѣстій неточныхъ, сомнительныхъ, вообще критически не провѣренныхъ, вводятъ нѣкоторыхъ изслѣдователей въ заблужденіе и мѣшаютъ установиться въ наукѣ истинному мнѣнію о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

Представимъ сначала, въ послѣдовательномъ порядкѣ, очеркъ мнѣній о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, такъ какъ одно уже сопоставленіе этихъ мнѣній, съ доказательствами въ пользу однихъ положеній и опроверженіями другихъ, имъ противоположныхъ, въ значительной степени можетъ содѣйствовать выясненію даннаго вопроса.

Впервые мнѣніе о времени, къ которому должно быть приурочено книгопечатаніе въ Кіевѣ, высказано было Іоганомъ Бакмейстеромъ, подбибліотекаремъ с.-петербургской академіи наукъ. Въ своемъ „Опытѣ о библіотекѣ и кабинетѣ древностей академіи", изданномъ въ 1776 году, Бакмейстеръ представилъ роспись, въ которой помѣстилъ по одной первопечатной или, по крайней мѣрѣ, самой древнѣйшей, ему извѣстной, книгѣ, вышедшей изъ той или другой древне-славянской типографіи (Le lecteur... verra dans une même table le premier le livre sortis de chaque imprimerie, ou le plus ancien qui soit venu à me connaissance). Въ этой росписи первою книгою, вышедшею изъ кіевской типографіи, считается *Трефологіонъ 1618 года*[2]).

---

[1]) *Кіевскія и волынскія старопечатни*, статья И. А. Гильдебранта въ 1 №. *Древ. и Нов. Россіи*, за 1880 г.

[2]) Essai sur la bibliotheque de l'Akademie sciences 1776 an p. 102—105.

Но близкое къ истинѣ, хотя не совсѣмъ опредѣленно высказанное мнѣніе Бакмейстера не было раздѣляемо кіевскими учеными прошлаго столѣтія. Въ 1791 году вышло изъ типографіи академіи кіевской „*Краткое историческое описаніе кіево-печерскія лавры*", гдѣ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: „1531 года Константинъ Ивановичъ, князь Острожскій, воевода троцкій, гетманъ великаго княжества литовскаго, староста браславскій и винницкій, подарилъ лаврѣ изъ острозкой типографіи буквы и всѣ орудія, къ печатному дѣлу принадлежащія, и на построеніе при лаврѣ типографіи опредѣлилъ многія села и деревни, въ великомъ княжествѣ литовскомъ состоящія. По доставленіи оныхъ буквъ и орудій построенъ былъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, внѣ лавры, противъ николаевскаго монастыря, домъ деревянный и при немъ церковь деревянная святыя Екатерины, въ коемъ производилось печатаніе книгъ съ 1533 по 1706 годъ; а сего года великій государь Петръ первый, начиная строить кіево-печерскую крѣпость, повелѣлъ церковь снять, а домъ печатный перенесть внутрь лавры, что тогда-жъ и исполнено". Впрочемъ далѣе въ томъ-же *Описаніи лавры* послѣднее мнѣніе нѣкоторыхъ лицъ о первоначальномъ мѣстѣ „печатнаго дома" резонно опровергается, именно говорится, что „изъ книжицы 1638 года, на польскомъ языкѣ въ лаврѣ печатанной (разумѣется Τερατούργημα А. Кальнофойскаго), явствуетъ, что еще въ 1638 году была типографія внутрь лавры, и, какъ примѣтить можно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и нынѣшняя. Во время бывшаго въ 1718 году въ лаврѣ пожара, оной деревянный домъ сгорѣлъ, почему выстроенъ на томъ-же мѣстѣ каменный домъ, въ коемъ и нынѣ печатаніе церковныхъ книгъ производится" [1]).

Архимандритъ Амвросій въ своей *Исторіи россійской іерархіи* (изд. 1810 г.), почти цѣликомъ перепечатывая *Краткое Описаніе кіево-печерскія лавры* (по изданію 1805 г.), не соглашается однако съ высказаннымъ здѣсь мнѣніемъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ.

---

[1]) Краткое Опис. к. печер. лавры, изд. 1791 г., стр. 83—86. Означенное мнѣніе о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ повторялось и въ послѣдующихъ изданіяхъ *Описанія лавры*,—изданіяхъ 1795 г., 1797, 1805—до 1817 г. включительно.

Онъ справедливо замѣчаетъ, что въ 1531 году князь Острожскій не могъ снабдить лавру типографскими принадлежностями, „потому что въ самомъ Острогѣ типографія основана не прежде 1580 года“ (точнѣе нужно было сказать около 1578 г.). Поэтому Амвросій склоняется къ мнѣнію Бакмейстера, считая первою книгою, вышедшею изъ лаврской типографіи *Трееологіонъ* 1619 года. Авторъ „Исторіи россійской іерархіи“ дѣлаетъ даже попытку (но впрочемъ неудачную) объяснить, какимъ образомъ въ *Краткомъ Описаніи кіево-печерскія лавры* вкралось ошибочное мнѣніе о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ; онъ говоритъ, что „можетъ быть сія ошибка выведена изъ книги Тератургимы Афанасія Кальнофойскаго, который на страницѣ 33-й въ надписи Константину князю Острожскому означилъ кончину князя въ 1533 году не справедливо; ибо сей князь скончался въ Кіевѣ въ 1608 году“ [1]). Очевидно Амвросій въ данномъ случаѣ смѣшиваетъ отца съ сыномъ — князя Константина Ивановича Острожскаго съ княземъ Константиномъ Константиновичемъ.

Въ 1813 году появилась первая часть извѣстнаго *Опыта россійской библіографіи* Сопикова. Здѣсь самою раннею книгою, вышедшею изъ кіево-печечерской типографіи, обозначенъ *Канонникъ 1614 года*, съ указаніемъ, что онъ будто-бы находится въ библіотекѣ московской духовной типографіи [2]). Впрочемъ, въ предисловіи къ своему труду, Сопиковъ высказываетъ сомнѣніе въ существованіи означенной книги („не видавъ оной, утверждать не смѣю“) и склоняется къ мнѣнію Бакмейстера и Амвросія, что первенцемъ кіевской типографіи былъ Анѳологіонъ (Треѳологіонъ) 1619 года [3]). Новыхъ данныхъ и соображеній въ подтвержденіе этого мнѣнія Сопиковъ не представляетъ.

Въ сентябрѣ 1825 года Строевъ помѣстилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* статью о началѣ кіево-печерской типографіи. Сказавши

---

[1]) Истор. росс. іерархіи, ч. II, стр. 30—31. Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ надгробной надписи Константину Ивановичу Острожскому, помѣщенной у Кальнофойскаго, смерть князя дѣйствительно показана невѣрно, но только съ ошибкою не на $^3/_4$ столѣтія, а всего на три года (см. объ этомъ нашу Замѣтку въ Трудахъ кіев. дух. академіи за 1877 годъ).

[2]) Опытъ росс. библіографіи. ч. I, 120.

[3]) Ibid. LXXIV.

нѣсколько словъ о предшествовавшихъ изслѣдователяхъ, касавшихся этого предмета, онъ говоритъ, что ложное мнѣніе, будто-бы въ 1533 году князь Константинъ Острожскій подарилъ кіево-печерской лаврѣ типографскій снарядъ и буквы, какъ явный анахронизмъ, уже отвергнуто. Но Бакмейстеръ, Амвросій, Сопиковъ, не признававшіе означеннаго мнѣнія и считавшіе первенцемъ кіево-печерской типографіи Аноологіонъ (Треоологіонъ), по его мнѣнію, тоже не правы. Въ свою статью Строевъ привноситъ новыя данныя касательно разсматриваемаго вопроса. Онъ во 1-хъ приводитъ выдержку изъ предисловія къ Аноологіону 1619 года, откуда дѣлаетъ выводъ, „что не князь Константинъ Острожскій, а архимандритъ Елисей Плетенецкій снабдилъ кіево-печерскую лавру типографіею, купивъ книгопечатню умершаго Өеодора Юрьевича Балабана, которая до того находилась въ родовомъ его имѣніи Стрятинѣ", во 2-хъ онъ утверждаетъ, что работа въ перенесенной изъ Стрятина въ кіево-печерскую лавру типографіи началась не въ 1619 году (когда изданъ Аноологіонъ), а гораздо прежде. „Доказательствомъ этому, говоритъ онъ, служитъ (прежде библіографамъ неизвѣстный) Часословецъ, изданный въ началѣ 1617 года тщаніемъ и попеченіемъ преподобнѣйшаго во отцехъ Куръ Елисея Плетенецкаго. Но Сахаровъ имѣлъ подъ руками дурно сохранившіяся предисловія къ цитуемымъ имъ первопечатнымъ кіевскимъ изданіямъ; поэтому сдѣланныя имъ выдержки изъ сихъ предисловій отрывочны и страдаютъ существенными пропусками. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство помѣшало Сахарову высказать опредѣленное мнѣніе о первой книгѣ, вышедшей изъ кіево-печерской лавры". Дѣлая изъ своихъ изслѣдованій тотъ выводъ, что „въ началѣ втораго десятилѣтія XVII вѣка архимандритъ Елисей Плетенецкій, купивъ уничтоженную стрятинскую типографію, перевезъ ее въ лавру и съ тѣхъ поръ производится тамъ книгопечатаніе", Строевъ не отрицаетъ того, что первою (или точнѣе одною изъ первыхъ) книгою, вышедшею изъ кіево-печерской типографіи, могъ быть упоминаемый Сопиковымъ Канонникъ 1614 года [1]).

Митрополитъ Евгеній въ своемъ *Описаніи кіево-печерской лавры* (впервые изд. 1826 г.), существенно отличающемся отъ прежнихъ

[1]) Московскій Телеграфъ. 1825 г. N XVIII, стр. 122—130.

краткихъ описаній сей обители, о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ старается установить уже вполнѣ опредѣленное мнѣніе. Опровергнувши извѣстное сказаніе о томъ, что „якобы типографія подарена лаврѣ въ 1531 году отъ острожскаго князя Константина Ивановича и съ 1533 до 1706 года якобы производила печатаніе книгъ внѣ лавры противъ николаевского монастыря [1])", преосвящ. Евгеній говоритъ, что вопросъ о томъ, когда и по какому случаю заведена кіево-печерская типографія и откуда получены первыя буквы и снаряды оной, опредѣленно разрѣшается первопечатными кіевскими изданіями. Къ такимъ изданіямъ, кромѣ упоминаемыхъ Строевымъ Часословца и Анѳологіона, онъ относитъ дотолѣ неизвѣстную брошюру: *Вѣзерунк цнотъ* (образецъ добродѣтелей) *превелебнаго въ Бозѣ его милости, господина отца Елисея Плетенецкаго, архимандрита кіевскаго, монастыря печерскаго* и проч., изд. 1618 года. Въ брошюрѣ, по словамъ Евгенія, подобно какъ и въ Анѳологіонѣ, ясно говорится о покупкѣ Плетенецкимъ типографскихъ приборовъ въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана. Но существеннымъ дополненіемъ къ изслѣдованіямъ Строева по вопросу о началѣ кіево-печерской типографіи было высказанное преосвящ. Евгеніемъ мнѣніе, что первенцемъ кіевской печати долженъ считаться Часословъ, изд. 1616 года (точнѣе 1617 г.) Мнѣніе это обосновано на предисловіи къ сей книгѣ, гдѣ издатели заявляютъ: „хотящимъ намъ помощію Божіею издаяти свѣту книги, инако не подобаше, только отъ молитвы (т. е. книги молитвеннаго содержанія) начати [2])".

Мнѣніе митрополита Евгенія было принимаемо всѣми послѣдующими библіографіями—Сахаровымъ, Ундольскимъ, Закревскимъ, Максимовичемъ и проч., и могло считаться уже установившимся въ наукѣ. Но въ 1865 году кіевскій священникъ о. Павелъ Троцкій въ своихъ статьяхъ о кіево-печерской типографіи (пространная статья въ Трудахъ кіев. духов. академіи за 1865 г. № 5—6, и

---

[1]) Къ прежнимъ доказательствамъ несостоятельности означеннаго сказанія Евгеній присоединяетъ еще настольную грамоту московскаго патріарха Іоакима, данную (18 Апрѣля 1688 г.) кіево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому, гдѣ заведеніе типографіи приписывается арх. Елисею Плетенецкому († 1624 г.).

[2]) Описаніе кіево-печер. лавры. Изд. 1826 г. стр. 55—57.

краткая—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1866 г. № 9), явился защитникомъ отвергнутаго мнѣнія кіевскихъ ученыхъ прошлаго столѣтія по вопросу о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ. „Мы должны, говоритъ онъ, оказывать больше и больше вниманія тому давнему преданію о началѣ кіево-печерской лаврской типографіи, которое только въ недавнее время было заподозрѣно въ исторической достовѣрности, именно тому преданію, которое приписываетъ основаніе лаврской типографіи князю Острожскому, въ первой половинѣ XVI вѣка... и если не Константину Ивановичу Острожскому—князю отцу, то очень можетъ быть, что Константину Константиновичу Острожскому—князю сыну, воеводѣ кіевскому". Вообще о. Троцкій признаетъ за несомнѣнное, что лаврская типографія восходитъ по времени своего основанія по крайней мѣрѣ къ послѣднимъ годамъ жизни Кенстантина Константиновича Острожскаго († 1608 г.) и не теряетъ надежды, что „современемъ найдутся книги лаврской печати шестнадцатаго столѣтія". Указанный поворотъ къ оправданію древняго (?) преданія о началѣ кіево-печерской типографіи о. Троцкій обосновываетъ на слѣдующихъ данныхъ: во 1-хъ на показаніи Сопиковымъ въ своемъ „Опытѣ росс. библіографіи" Канонника, изд. 1614 г. въ Кіевѣ, и во 2-хъ на старинномъ рукописномъ каталогѣ, имѣющемся въ лаврѣ, гдѣ показаны, между прочимъ, слѣдующія три книги лаврской печати, якобы изданныя ранѣе *Часословца* 1617 года, именно: *Минея общая* 1608 г. (въ 4-хъ экземплярахъ), *Псалтирь* 1609 г. (въ 2-хъ экземпляр.) и *Тріодь постная* 1615 г. Хотя о. Троцкій самъ и не видѣлъ означенныхъ книгъ, но „то обстоятельство, говоритъ онъ, что въ упоминаемомъ каталогѣ книгъ говорится о четырехъ однородныхъ экземплярахъ *общей Минеи* изданія печерской лаврской типографіи 1608 года, меньше всего позволяетъ предполагать со стороны составителя каталога какую нибудь описку, при показаніи года".

Статья о. Троцкаго вызвала не большую замѣтку со стороны М. А. Максимовича, помѣщенную въ Кіев. Епар. Вѣдомостяхъ за 1872 г. [1]). Опытный библіографъ, твердо держась мнѣнія, приуро-

---

[1]) См. также собраніе сочиненій М. А. Максимовича т. III. Кіевъ, 1880 г. стр. 716—722.

чивающаго начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ 1616 году, считаетъ выводы о. Троцкаго по поводу означеннаго вопроса недоразумѣніемъ. Онъ говоритъ, что Сопиковъ не выдавалъ существованія Канонника 1614 года за достовѣрное и что ссылка, сдѣланная послѣднимъ на библіотеку московской синодальной типографіи, гдѣ будто бы находилась эта книга, не оправдалась:—Ундольскій заявилъ, что въ означенной библіотекѣ канонника 1614 г. нѣтъ и никогда не было. Относительно же книгъ якобы лаврской печати съ 1608 — 1615 годъ Максимовичъ замѣтилъ, что свѣдѣніе о нихъ, какъ почерпнутое изъ новѣйшихъ [о. Троцкій говоритъ старинныхъ] каталоговъ и не свѣренное съ самими книгами, нельзя признать за вѣское доказательство, могущее пошатнуть мнѣніе, оправданное изслѣдованіями и соображеніями строго научными.

Въ 1877—1879 гг. молодой ученый К. Малевичъ помѣстилъ въ Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ рядъ статей о кіево-печерской обители въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, причемъ одну изъ нихъ исключительно посвятилъ разсмотрѣнію вопроса о началѣ лаврской типографіи. Указавши на болѣе существенныя мнѣнія по этому вопросу [1]), г. Малевичъ вполнѣ согласенъ, подобно Максимовичу, съ выводами преосв. Евгенія, но, основываясь на замѣчаніи послѣдняго, что въ лаврскихъ изданіяхъ съ 1619 года замѣчается шрифтъ острожскій, дополняетъ эти выводы другими предположеніями: „признавая, говоритъ онъ, что печатаніе книгъ началось въ лаврской типографіи не раньше 1616 года, мы однако не можемъ съ точностію опредѣлить времени ея возникновенія... По всей вѣроятности покупка стрятинской типографіи Елисеемъ Плетенецкимъ совершена была въ промежутокъ между 1606 и 1610 гг. Но надо полагать, что купленныя въ Стрятинѣ типографскія орудія оказались неисправными, попорченными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ печатаніе книхъ оказалось невозможнымъ. Но

[1]) Нужно впрочемъ замѣтить, что г. Малевичъ, равно какъ и большинство нашихъ библіографовъ, при обзорѣ литературы по вопросу о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ не упоминаетъ о предшественникахъ митропол. Евгенія и всецѣло приписываетъ послѣднему всѣ существенныя мнѣнія по означенному вопросу, между тѣмъ преосв. Евгеній, какъ мы видѣли, по крайней мѣрѣ на половину повторялъ сказанное ранѣе его другими изслѣдователями.

вотъ въ 1608 году умираетъ знаменитый ревнитель православія Константинъ Константиновичъ Острожскій. Утвержденная имъ острожская типографія продолжаетъ существовать послѣ его смерти только четыре года, до 1612 г., и (не извѣстно впрочемъ, какимъ путемъ) достается печерской лаврѣ. Доставшіяся изъ Острога типографскія снаряды пополняютъ собою недостатки стрятинской типографіи, и въ лаврѣ начинается книгопечатаніе, но не раньше 1616 г. Причиною этого, безъ сомнѣнія, была трудность и новость дѣла; необходимо было время для того, чтобы правильно устроить типографію и затѣмъ уже пустить ее въ ходъ. Такимъ образомъ, печерская типографія составилась изъ двухъ опустѣвшихъ типографій: стрятинской и острожской" [1]). Затѣмъ, говоря о первопечатныхъ книгахъ, вышедшихъ изъ лаврской типографіи, г. Малевичъ, на ряду съ изданіями церковно-славянскими, указываетъ и на польскія. Относя къ числу такихъ изданій, между прочимъ: Verificatią 1621 г., Justificatyą niewinności 1622 г. и Suplicacią 1623 г., Малевичъ даетъ поводъ думать, что кіево-печерская типографія при самомъ началѣ своего существованія снабжена была и польскимъ шрифтомъ.

Наконецъ, два года тому назадъ И. А. Гильдебрантъ въ статьѣ, написанной преимущественно по поводу указаннаго изслѣдованія Малевича, является защитникомъ мнѣнія о. Троцкаго, т. е. признаетъ вѣроятнымъ, что начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится къ концу XVI столѣтія. Вотъ какими соображеніями подкрѣпляетъ это мнѣніе почтенный библіографъ.

„Прежде, говоритъ онъ, изслѣдователи, признававшіе первенцемъ кіевской печати Часословецъ 1617 г., въ подкрѣпленіе своего мнѣнія (митр. Евгеній), между прочимъ, ссылались на то, что до сихъ поръ неизвѣстно ни одной книги, напечатанной въ кіевской старопечатни ранѣе 1617 г.; но въ настоящее время доводъ этотъ не можетъ быть принятъ за окончательно убѣдительный: Сопиковъ указываетъ въ своемъ катологѣ на Канонникъ кіевской печати 1614 года, а въ другомъ старинномъ каталогѣ указываются кіев-

---

[1]) Литов. Епарх. Вѣдом. 1879 г. № 4.

скія старопечатныя книги, относящіяся къ 1608 и 1609 годамъ. Правда, указываемыхъ Сопиковымъ (и каталогами—прибавимъ) книгъ никто не видалъ и ни въ какой библіотекѣ ихъ нѣтъ; но отсюда еще не слѣдуетъ и никто не можетъ поручиться, что со временемъ онѣ не откроются, и не только онѣ, но и книги кіевскія ранѣе 1608 года. А почемъ знать: можетъ быть извѣстныя полемическія книги *О крестѣ* и *О пресвятой Троицѣ*, приписываемыя Вильнѣ и 1608 году, принадлежатъ этому-же году, но только не Вильнѣ, а Кіеву? Фактъ общеизвѣстный, что древнія западно-русскія типографіи печатали полемическія книги зачастую безъ года и мѣста выхода, во избѣжаніе преслѣдованій... Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ въ пользу того, что типографія кіевская основана при Плетенецкомъ приводятъ выдержку изъ предисловія къ Часословцу 1617 года и выводятъ отсюда заключеніе, что это была первая книга, вышедшая изъ кіевской старопечатни. Но это заключеніе не неоспоримо: полемика между православными и римлянами указала на весьма значительные пробѣлы въ православной церковно-богослужебной и учительной литературѣ; на это же самое указывало и православное кіевское общество; почему кіевская старопечатня и взяла на себя трудъ восполнить эти дѣйствительно важные пробѣлы... Во второй и третьей, доселѣ извѣстныхъ книгахъ кіевской печати (*Вызерунекъ цнотъ, Анѳологіонъ*) упоминается, что Плетенецкій купилъ типографскія принадлежности въ Стрятинѣ, по смерти основателя тамошней типографіи, шляхтича Ѳедора Юрьевича Балабана († 1606 г.). Но отсюда можно сдѣлать такое заключеніе, что Плетенецкій приумножилъ средства кіевской старопечатни, и предложить такой вопросъ: неужели въ теченіи 10 лѣтъ (1606—1616 г.) пріобрѣтенныя Плетенецкимъ типографскія принадлежности изъ Стрятина пребывали въ бездѣйствіи, и особенно въ самый разгаръ литературно-полемической дѣятельности? На этотъ вопросъ ничего не отвѣтили и М. А. Максимовичъ, и Закревскій, раздѣлявшіе мнѣніе Евгенія... Относительно вышеупомянутаго десятилѣтняго промежутка г. К. Малевичъ измышляетъ слѣдующія догадки: „по всей вѣроятности (говоритъ онъ), Плетенецкій купилъ стрятинскую типографію между 1606—1610 г.; но надо полагать, что купленныя типографскія орудія оказались испорченными, неисправными и т. п., такъ что на первыхъ порахъ

печатаніе книгъ оказалось невозможнымъ". А мы думаемъ, что стрятинскія орудія были пріобрѣтены въ 1606 году, въ совершенно исправномъ видѣ, и что только книги этого періода (1606—1616 г.) кіевской печати не дошли до насъ, а можетъ быть и дошли, и даже и въ нашихъ рукахъ, но безъ года и мѣста печати".—Сверхъ сказаннаго доселѣ г. Гильдебрантъ признаетъ даже возможнымъ, что кіевская старопечатня была основана еще при предшественникѣ Елисея Плетенецкаго знаменитомъ архимандритѣ Никифорѣ Турѣ. „Существуетъ, говоритъ онъ, извѣстіе, что этотъ Н. Туръ писалъ много сочиненій въ защиту православной церкви, только ни одно изъ нихъ не дошло до насъ; но на этомъ основаніи выводить отсюда заключеніе, что Н. Туръ ничего не писалъ (такъ какъ ничего не дошло) было-бы и опрометчиво и неосновательно [1]).

Таковъ былъ послѣдовательный ходъ мнѣній о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ. Изъ него мы видимъ, что „древнее преданіе", приурочивавшее заведеніе типографіи въ кіево-печерской обители къ первой трети XVI столѣтія, безусловно и весьма основательно отвергается, какъ явный анахронизмъ, почти всѣми библіографами, и въ настоящее время, только вслѣдствіе совершеннаго незнакомства съ научными выводами по данному вопросу, нѣкоторые изслѣдователи еще повторяютъ оное [2]). По этому означенное преданіе (въ первоначальномъ его видѣ) въ дальнѣйшихъ опроверженіяхъ не имѣетъ нужды. Но нуждается въ защитѣ противоположное сему преданію мнѣніе, относящее начало типографской дѣятельности въ Кіевѣ къ 1616 году. Мы видимъ, что за послѣднее время доводы преосвящ. Евгенія, Максимовича, Закревскаго и друг., приводимыя въ подтвержденіе этого мнѣнія, расшатываются и тѣмъ даннымъ, на которыхъ они обоснованы, дается иная постановка, иное толкованіе, при томъ видимъ, что все это дѣлается учеными, хорошо знакомыми съ древне-славянскою библіографіею, какъ П. А. Гильдебрантъ, и на основаніяхъ, съ перваго взгляда не лишенныхъ значенія... Такимъ образомъ, естественно является требующее разрѣшенія недоумѣніе: дѣйствительно-ли возраженія нѣкоторыхъ

---

[1]) Древняя и Нов. Россія. 1880 г. № 1, стр. 184—187.

[2]) См. Описаніе славяно-русс. рукописей воскресенскаго монастыря (Чтен. въ импер. общ. истор. и древ. рос. 1871 г., книга 1).

позднѣйшихъ библіографовъ противъ мнѣнія преосв. Евгенія и другихъ солидарныхъ съ нимъ въ данномъ случаѣ ученыхъ о началѣ книгопечатанія въ Кіевѣ составляютъ дальнѣйшій шагъ, служащій къ уясненію означеннаго вопроса, или же онѣ должны быть отнесены къ числу тѣхъ недоразумѣній, которыя только затемняютъ дѣло, мѣшая установиться въ наукѣ вполнѣ опредѣленному взгляду о первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ?

Чтобы дать удовлетворительный отвѣтъ на поставленный вопросъ, слѣдуетъ, какъ мы замѣтили выше, во первыхъ свести во едино всѣ свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, заключающіяся въ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ (это тѣмъ болѣе необходимо, что библіографами приводились выдержки не изъ всѣхъ изданій, гдѣ значатся означенныя свѣдѣнія, да и приведенныя выдержки сдѣланы неисправно), и во вторыхъ сдѣлать критическую оцѣнку тѣхъ новыхъ данныхъ, на основаніи которыхъ мнѣніе о Часословцѣ 1616 г., какъ первенцѣ кіево-печерской типографіи, отвергается.

Болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ находятся въ слѣдующихъ четырехъ первопечатныхъ кіевскихъ изданіяхъ: *Часословцѣ 1617 г., Вѣзерункѣ цнотъ 1618 г., Анѳологіонѣ 1619 г. и Казаньи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго 1625 года.*

Въ предисловіи къ Часословцу 1617 года безличный издатель, отстраняя неумѣстное возраженіе, что такая книга не одинъ разъ и не изъ одной типографіи выходила, и сравнивая молитву (и слѣд. молитвенныя книги) съ пищею и посудою для нея, въ которыхъ потребность никогда не прекращается, а равно указывая на усиленныя просьбы объ изданіи такой книги, дабы удовлетворить спросу на нее въ училищахъ православнаго Кіева и другихъ городовъ,—высказывается далѣе: „однако и прилично было намъ, когда мы возпамѣрились издавать въ свѣтъ книги, начать (и иначе и не приходилось) молитвою, которая всему должна быть началомъ“, а за тѣмъ, прося принять, какъ благословеніе преподобныхъ печерскихъ эту цѣлованія (достойную) книгу, чающую сподобиться вскорѣ облобызанія прочими, и молить Бога, да поспѣшитъ тому, что предпринято имъ на пользу православныхъ церквей, заключаетъ, что „нынѣшнее и дальнѣйшее (еже хощетъ

быти) начинаніе онъ отдаетъ на судъ и исправленіе восточной церкви“.

Во второй книгѣ, панегирикѣ въ честь Елисея Плетенецкаго, на ряду съ прочими заслугами, доблестный архимандритъ восхваляется и за основаніе типографіи въ такихъ именно словахъ, обращенныхъ къ почившему:

Бось воскресилъ друкарню припалую пыломъ
Балабана . . . . .
Хотѣлъ и допялесь то, яко не лѣнивый,
По зестю его зъ свѣта, друкарню вскресити,
И презъ выданье книгъ церковь украсити.

Въ предисловіи къ Анѳологіону 1619 г. отъ лица иноковъ кіево-печерской обители, между прочимъ, говорится, что по примѣру „многихъ въ различныхъ родѣхъ (народахъ), и самѣмъ тѣмъ нашемъ Россійстемъ, основавшихъ типографіи, и благочестивый и христолюбивый, блаженныя памяти благородный мужъ, господинъ Ѳеодоръ Юрьевичъ Балабанъ, на Хорохорине, сію сооружи и въ дѣло произведе; сему же тлѣнная на вѣчнаа измѣншу, и блаженныхъ мѣста достигшу и ту *праздну* оставльшу, преподобнѣйшій въ отцехъ Кѵръ Елисей Плетенецкій, волею Божіею архимандритъ монастыря печерскаго кіевскаго, цѣною сребра отъ дому того стяжа сію, и принесе въ обитель святую печерскую“. За тѣмъ, послѣ разсказа о совѣщаніи Плетенецкаго съ печерскими иноками, какую первую книгу избрать для напечатанія, и рѣшеніи ихъ предпочесть другимъ *Анѳологіонъ*, въ заключеніе прибавляетъ: „сію найпаче книгу изволися истиннымъ церковникомъ и православія непоколебимымъ исповѣдникомъ *въ прьвыхъ* церкви напечатати и православнымъ, аще и зѣло обычна и отци преданна и любима, якоже даръ многоцѣненъ хитростію типарскою преподати“.

Наконецъ въ „казаніи на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкаго“ Захарія Копыстенскій, перечисляя заслуги почившаго архимандрита о заведеніи имъ типографіи въ кіево-печерской обители, говоритъ слѣдующее: „напослѣдокъ (похвалимъ почившаго) для старости благословенной, которой въ покою доспѣлъ, якъ Ісаакъ и Іаковъ, такъ, ижъ отъ старости на очи ослабѣлъ. Зішолся въ глубокой и маститой старости, а въ той не прожнюючій, але дѣлаючій былъ. *Въ старости бо вьмъ и типографію выставилъ*, зъ которой книги божественныи церковныи и училичныи, за исправ-

леніемъ людей учоныхъ, отъ него же на тое мѣсто зведеныхъ порядне и опвите (обильно), якъ нѣколись людъ зъ коня троянскаго на поражене невѣрныхъ, албо якъ зъ жродла потоки на обмыте грѣховъ каючимся выходятъ и выплываютъ. До которой и папѣрню (бумажную фабрику) въ Радомыслю, мастности церковной, коштомъ не малымъ, на подивене въ томъ краю, якъ рѣчь не бывалую, выставилъ и поднесъ".

Приведенныя выдержки ясно показываютъ, что начало типографской дѣятельности въ кіево-печерской обители относится ко времени настоятельства здѣсь Елисея Плетенецкаго. Этотъ наукολюбивый архимандритъ прямо называется *фундаторомъ лаврской друкарни*, при чемъ изъ разсказа о пріобрѣтеніи имъ типографскихъ принадлежностей изъ Стрятина, очевиднымъ становится, что это пріобрѣтеніе не есть только *пріумноженіе книгопечатни*, прежде до него существовавшей, но есть именно *первое обваеденіе его*. Въ предисловіи къ Анѳологіону ясно различаются заведеніе типографій въ разныхъ странахъ и въ Россіи, заведеніе типографіи Ѳедоромъ Юрьевичемъ Балабаномъ, пріостановка дѣйствій оной за смертію его, покупка, перенесеніе и приведеніе снова въ дѣйствіе Елисеемъ Плетенецкимъ. Зачѣмъ архимандриту совѣщаться съ братіею, какую бы имъ *прьвѣйшую жить своихъ рукъ*, т. е. какую первую книгу выпустить въ свѣтъ, если бы это дѣло не было новое для нихъ? Нѣкоторыя мѣста приведенныхъ выдержекъ даютъ даже основаніе предполагать, что стрятинская типографія была пріобрѣтена лаврою не тотчасъ, но спустя нѣсколько лѣтъ послѣ смерти ея прежняго владѣльца, Ѳедора Юрьевича Балабана (1606 г.). Таково именно то мѣсто въ „казаніи на честный погребъ Е. Плетенецкаго", гдѣ трактуется о заведеніи въ кіево - печерской обители типографіи, какъ о вѣнцѣ многоплодной дѣятельности почившаго архимандрита, именно говорится, что онъ „выставилъ" оную въ *глубокой старости*, въ то время, когда уже и *на очи ослабѣлъ*. Подобныя выраженія едва-ли могли бы имѣть мѣсто въ *казаніи* Копыстенскаго, современника и ближайшаго сподвижника Е. Плетенецкаго, если бы покупка послѣднимъ стрятинской типографіи состоялась въ 1606-мъ или ближайшихъ къ оному годахъ., когда Елисей Плетенецкій былъ еще не старъ. Таково другое въ *Вѣзерунокъ цнотъ* мѣсто, именно то, гдѣ говорится. что Плетенецкій

„воскресилъ друкарню Балабана *прималую пыломъ*", т. е. покрытую пылью, что даетъ понять, что принадлежности въ той типографіи долгое время оставались безъ употребленія прежде, чѣмъ были пріобрѣтены Плетенецкимъ и если до 1616 г. не началось книгопечатаніе, то причиною этому была неисправность стрятинскихъ типографскихъ орудій. Таково и то мѣсто въ Анѳологіонѣ, гдѣ говорится о совѣщаніи архимандрита съ братіею относительно изданія книгъ. Наконецъ — и это самое главное—въ начальныхъ кіево - печерскихъ изданіяхъ мы видимъ не только стрятинскій шрифтъ, стрятинскія гравюры, но даже мелкія заставки, фигурки и украшенія тѣ-же, что и въ стрятинскихъ изданіяхъ, а въ нѣкоторыхъ книгахъ, напр. Служебникѣ 1620 г., стрятинскій и наборъ. Думаемъ, что не малымъ подтвержденіемъ нашего мнѣнія о пріобрѣтеніи лаврою стрятинской типографіи не вскорѣ послѣ смерти Ѳ. Балабана, а не за-долго до выхода въ свѣтъ *Часословца* 1617 г. (именно въ концѣ 1615 или началѣ 1616 г.), служитъ и слѣдующій фактъ. Обзаводясь типографіею, Плетенецкій одновременно съ тѣмъ сталъ заботиться о привлеченіи въ Кіевъ людей, свѣдущихъ какъ въ *друкарскомъ художествѣ,* такъ и въ приготовленіи къ печати самыхъ книгъ. Между тѣмъ мы видимъ, что появленіе въ Кіевѣ таковыхъ лицъ падаетъ именно на означенные нами годы. Такъ переходъ изъ Львова въ Кіевъ Тарасія Земки, много потрудившагося въ переводѣ и исправленіи первопечатныхъ кіевскихъ изданій, относится *къ 1615 году;* вызовъ въ кіево-печерскую лавру (тоже изъ Львова) ученаго инока Памва Берынды, „справщика книгъ и типографіи печерской директора", состоялся въ концѣ 1616 года. По всей вѣроятности, къ этому-же времени должно быть приурочено приглашеніе Плетенецкимъ въ лавру и другихъ сотрудниковъ по изданію книгъ (разумѣемъ Захарію Копыстенскаго и Гавріила Дороѳеевича): по крайней мѣрѣ первоначальныя извѣстія о пребываніи ихъ въ Кіевѣ не восходятъ *раньше 1616 года.*

Сдѣлаемъ теперь оцѣнку тѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ начало книгопечатанія въ Кіевѣ относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ 1616 годъ.

Весьма не высокаго достоинства эти данныя. Что касается до указанія Сопиковымъ на *Канонникъ,* якобы изданный кіево-печерскою

лаврою въ *1614 году,* то, какъ мы видѣли, еще Ундольскій доказалъ ошибочность этого указанія: въ той библіотекѣ, въ которой предполагалось мѣстонахожденіе сей книги, *ея нѣтъ и никогда не было.* По этому, при изслѣдованіяхъ о началѣ типографской дѣятельности въ Кіевѣ, означенный Каноникъ уже давно слѣдовало бы оставить въ покоѣ. По видимому, болѣе важное значеніе имѣютъ ссылки о. Павла Троцкаго на рукописные каталоги нѣкоторыхъ церквей, гдѣ обозначено нѣсколько кіевскихъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ *ранѣе 1616 года.* Но и эти ссылки могутъ имѣть значеніе только для тѣхъ, кто мало знакомъ съ рукописными каталогами (въ особенности старыхъ временъ); лица же имѣвшія дѣло съ подобными каталогами знаютъ, съ какою осторожностію слѣдуетъ относиться къ тѣмъ новымъ свѣдѣніямъ, на которыя вообще не скупятся каталогосоставители. Возьмите почти любой рукописный каталогъ и, при внимательномъ разсмотрѣніи, вы найдете въ немъ не мало ошибокъ. За примѣрами ходить не далеко. Такъ, въ лаврскомъ печерскомъ каталогѣ (въ общемъ составленномъ весьма удовлетворительно) относительно нѣкоторыхъ книгъ, вышедшихъ изъ *виленскихъ типографій* въ концѣ XVI стол., замѣчается, что они *печати кіевской.* Въ каталогѣ кіево-михайловскаго монастыря частенько выходъ и мѣсто изданія старопечатныхъ книгъ перепутаны; такъ, напр., Θρῆνος показанъ вышедшимъ въ свѣтъ въ 1605 году (вмѣсто 1610-го). Встрѣчаются ошибки и болѣе курьезныя. Такъ, напр., *Апокрисисъ* Христофора Филалета обозначенъ (въ томъ же михайловскомъ каталогѣ) изданнымъ *въ Рыхлѣ,* и т. д. Явленіе нерѣдкое, что составители каталоговъ, мало знакомые съ библіографіею, встрѣчая книги безъ опредѣленныхъ датъ или не совсѣмъ хорошо сохранившіяся (безъ начальныхъ листовъ, съ испорченнымъ заглавіемъ и т. п.), обозначали мѣсто и время изданія ихъ по *своему разумѣнію,* при чемъ естественно часто и ошибались. Такъ-то поступилъ и составитель михайловскаго каталога, занося въ оный „*Апокрисисъ*" Филалета, хотя имѣлъ подъ руками и хорошо сохранившійся экземпляръ. Книга эта имѣетъ слѣд. заглавіе: „Апокризисъ альбо отповѣдь на книжки о соборѣ берестейскомъ..., черезъ Христофора Филалета *врихлѣ* дана". Слово: *врихлѣ* значитъ вскорѣ, въ непродолжительное время; составителю же каталога, очевидно, не понимавшему его значенія, показалось, что это должно

быть собственное имя, означающее мѣсто изданія, и вотъ онъ заноситъ въ каталогъ, что книга эта, т. е. Апокрисисъ, *издана* (отпечатана) *въ Рыхлѣ*... Вотъ и является новая, доселѣ міру невѣдомая *друкарня Рыхльская!..* Составитель лаврскаго каталога имѣлъ подъ руками нѣсколько книгъ конца XVI стол. безъ начальныхъ листовъ и, ни что же сумнясь, относитъ ихъ къ изданіямъ кіевопечерскимъ, хотя для знакомаго съ церковно-славянскою старопечатью принадлежность означенныхъ книгъ къ изданіямъ виленскимъ очевидна съ перваго взгляда. Безъ сомнѣнія, подобнымъ-же образомъ отнесены къ кіевскимъ изданіямъ и тѣ книги, на которыя ссылается о. Троцкій. Уже одно выраженіе въ каталогахъ, что онѣ *печати кіевской*, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ; потому что каталогосоставители употребляли подобныя выраженія *(печати кіевской, печати виленской)* въ тѣхъ только случаяхъ, когда описываемыя ими книги или не имѣли заглавныхъ листовъ, или были крайне испорчены, въ противномъ случаѣ (когда описывались экземпляры хорошо сохранившіеся) въ каталогахъ мѣсто печати всегда обозначалось словами: изд. въ Кіевѣ, изд. въ Вильнѣ, Острогѣ, и т. д. Къ этому не лишнимъ будетъ присовокупить и то, что указываемыя о. Троцкимъ книги хотя и были присланы въ лавру (изъ монастырскихъ церквей) сравнительно въ недавнее время; но теперь ихъ, по его же словамъ, въ лаврской библіотекѣ не находится, между тѣмъ какъ изъ послѣдней не было дѣлаемо отчужденій. Куда же дѣвались поименованныя книги?.. Весьма вѣроятно, что онѣ и теперь находятся въ лаврской библіотекѣ, но только позднѣйшимъ составителемъ каталога отнесены къ другому времени...

Сказанное нами, думаемъ, даетъ полное право признать доводы изслѣдователей, старающихся отнести начало книгопечатанія въ Кіевѣ къ концу XVI или самому началу XVII столѣтій, *несостоятельными*, и *категорически утверждать*, что первыми книгами, вышедшими въ свѣтъ изъ типографіи кіево-печерской лавры были: *Часословецъ* 1617 г., *Вызерунокъ цнотъ* 1618 г. и *Анѳологіонъ* 1619 г. Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться приведенныя нами ясныя и положительныя свидѣтельства изъ первопечатныхъ кіевскихъ изданій.

Правда, что въ означенныхъ свидѣтельствахъ встрѣчается нѣкоторое противорѣчіе, подрывающее какъ бы ихъ достовѣрность.

Такъ въ предисловіи къ *Анѳологіону* говорится, что эта именно книга была первою избрана для печати по совѣщанію архимандрита съ братіею, а въ предисловіи къ Часословцу тоже утверждается объ этой послѣдней книгѣ, и дѣйствительно она вышла въ 1617 г., т. е. двумя годами раньше Анѳологіона, и между нею и Анѳологіономъ въ 1618 г. является *Визерунокъ цнотъ...* Но указанное противорѣчіе объясняется просто. Книга Анѳологіонъ очень объемиста,—заключаетъ въ себѣ 1048 стр. убористаго шрифта, потому печатаніе ея могло затянуться года на четыре, въ особенности при тѣхъ исправленіяхъ, которыя признавалось за необходимое сдѣлать въ текстѣ; книга же *Часословецъ* какъ по объему, такъ и по ненадобности исправленій въ текстѣ, требовала для печати весьма немного времени, а между тѣмъ въ ней также чувствовалась большая потребность. Обѣ книги могли быть начаты печатаніемъ почти одновременно, но послѣдняя вышла гораздо раньше первой, причемъ однимъ и тѣмъ-же издателямъ пришлось объяснять появленіе оной особою въ ней потребностію и просьбою разныхъ лицъ о скорѣйшемъ ея изданіи. Вотъ почему общій братскій приговоръ объ *Анѳологіонѣ*, предназначавшемся быть первенцемъ кіево-печерской типографіи, не могъ быть исполненъ съ буквальною точностію. Вообще же скажемъ, что *хотя по времени выхода въ свѣтъ Часословецъ 1617 года и есть первенецъ кіево-печерской типографіи, но первою книгою, начатою печатаніемъ въ означенной типографіи, былъ Анѳологіонъ, вышедшій въ 1619 году.*

Замѣтимъ въ заключеніе, что напрасно г. Малевичъ относитъ къ числу первыхъ кіевскихъ изданій, кромѣ книгъ церковно-славянскихъ, нѣкоторыя книги на польскомъ языкѣ, каковы: Justificatia niewinności 1621 г., Werificatia niewinności 1621 г., и Supplicacya 1623 г., и тѣмъ даетъ поводъ думать, что Елисей Плетенецкій, купивъ стрятинскую типографію, почти одновременно съ тѣмъ обзавелся и польскимъ шрифтомъ. Въ этомъ случаѣ г. Малевичъ только повторяетъ мнѣніе преосв. Евгенія, который (въ Описаніи кіево-соф. собора) нѣкоторыя изъ означенныхъ польскихъ брошюръ считаетъ изданными въ Кіевѣ. Но мнѣніе это ошибочно. Всѣ поименованныя брошюры вышли изъ типографіи виленскаго православнаго братства. Относительно этого есть положительныя ука-

занія какъ въ самыхъ тѣхъ брошюрахъ [1]), такъ и въ другихъ современныхъ памятникахъ. Что же касается до перваго обзаведенія кіево-печерской типографіи польскимъ шрифтомъ, то оно относится къ первой половинѣ *1633 года,* или къ концу *1632 г.,* слѣдов. ко времени настоятельства въ лаврѣ Петра Могилы. Въ *Евфоніи веселобрмячей,*—панегирикѣ, поднесенномъ Могилѣ кіевскими типографами, по пріѣздѣ его изъ Львова въ санѣ митрополита, новопоставленный іерархъ восхваляется между прочимъ и за то, что его стараніями положено уже начало *польской друкарни.*

„Есть добрый *и польской друкарнѣ початокъ,*
Жебы книгъ было розныхъ въ Парнасѣ достатокъ“.

Въ это же время ученики могилянской коллегіи, присоединенной къ богоявленской школѣ, тоже поднесли своему патрону панегирикъ, который напечатанъ былъ уже *на польскомъ языкѣ.* Панегирикъ этотъ (Mnemozyne sławy, prac i trudow przeoświęconego w Bogu Ojcu, Jego Mości... Piotra Mohiły... et caet) и есть *первая книжка,* которою начинается рядъ кіево-печерскихъ изданій на польскомъ языкѣ.

Ст. Т. Голубевъ.

---

[1]) Такъ, напр., въ концѣ Werificatii niewinności прямо говорится, что оно издано w Wilnie, roku 1621.

СОЦИНІАНСТВО

ВЪ ПОЛЬШѢ И ЮГОЗАПАДНОЙ РУСИ. *)

(Окончаніе).

X.

Какъ рано появилось социніанство на Украинѣ, объ этомъ не имѣется опредѣленныхъ свѣдѣній. Имѣя въ виду постоянныя близкія связи между Волынью и Кіевомъ, можно думать, что украинское социніанство возникло одновременно съ волынскимъ. Въ одномъ полемическомъ сочиненіи, изданномъ въ Краковѣ въ 1597 г., авторъ, іезуитъ Жебровскій, говоритъ, между прочимъ, что „излишне охранять границы государства со стороны турокъ, когда новокрещенцы, эти внутренніе турки, осѣли Подгорье и Волынь и уже *досягаютъ самого Кіева* [1]). Припомнимъ, что въ эти годы должность каштеляна кіевскаго занималъ извѣстный уже намъ социніанинъ Иванъ Чапличъ-Шпановскій. Раньше всего социніанство возникло и утвердилось въ той части Украины, которая лежала въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Волынью, именно въ житомирскомъ повѣтѣ. Здѣсь въ концѣ XVI и началѣ XVII в., въ числѣ послѣдователей новой секты, мы встрѣчаемъ дворянина Петра Ивановича *Пересѣцкаго*, имѣвшаго въ Житомирѣ домъ и фольварокъ и державшаго въ заставѣ имѣніе подскарбія литовскаго Остафія Тышкевича, с. Янковцы [2]). Находясь въ преклонныхъ лѣтахъ, Пересѣц-

---

*) См. апрѣльскую и майскую книжку «Кіевской Старины» на 1882 г.

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, przez Adama Iochera, t. II, p. 133.

[2]) Житом. уѣзда, при рч. Кодынкѣ.

кій въ 1611 г. внесъ въ гродскія житомирскія книги духовное завѣщаніе, составленное имъ въ духѣ социніанскаго исповѣданія. Въ немъ онъ завѣщалъ своему сыну Андрею похоронить его, по социніанскому обыкновенію, „у садку на фольварку" и внести отъ его имени „до *збору* (т. е. социніанской общины) *чернеховского* на убозство и потребы зборовые грошей копъ литовскихъ 30, а на зборъ любелский зособна копъ литовскихъ 30" [1]). Отсюда мы узнаемъ, что уже въ 1611-мъ году въ м. *Черняховѣ* (житом. уѣзда) существовала правильно организованная социніанская община, имѣвшая попеченіе о бѣдныхъ единовѣрцахъ и получавшая на это, а равно и на другія церковныя нужды, матеріальныя пожертвованія со стороны болѣе состоятельныхъ своихъ членовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта община имѣла свой молитвенный домъ и содержала при немъ пастора. Скоро послѣ того м. Черняховъ становится такимъ-же виднымъ центромъ социніанства на Украинѣ, какимъ былъ Киселинъ на Волыни, а его владѣльцы — паны *Немиричи* являются столь-же ревностными покровителями секты, какъ и волынскіе Чапличи. Немиричи были потомки древней южнорусской фамиліи, владѣвшей громадными имѣніями въ кіевскомъ и волынскомъ воеводствахъ; многіе изъ нихъ извѣстны какъ ревностные защитники православія и члены-основатели церковныхъ братствъ. Первымъ послѣдователемъ и покровителемъ социніанства изъ фамиліи Немиричей является Стефанъ Андреевичъ Немиричъ, подкоморій кіевскій и староста овруцкій, жившій въ первой четверти XVII столѣтія. Онъ состоялъ въ родственныхъ связяхъ почти исключительно съ социніанскими фамиліями: его жена Марта Войнаровская происходила изъ рода украинскихъ дворянъ Войнаровскихъ, послѣдователей социніанской секты; одна изъ его дочерей Катерина была замужемъ за извѣстнымъ уже намъ Павломъ-Крыштофомъ Сенютою-Ляховецкимъ, а другая Елена — за Николаемъ Любенецкимъ, членомъ весьма извѣстной социніанской фамиліи въ люблинскомъ воеводствѣ. Въ политической исторіи Малороссіи Стефанъ Немиричъ извѣстенъ по своему участію въ коммисіи, назначенной польскимъ правительствомъ въ 1625 г. для устройства козаковъ, послѣ пора-

---

[1]) Книга гродская житомирская 1611 г., № 12, л. 205.

женія ихъ подъ Куруковымъ. Вѣроятно ему была обязана своимъ основаніемъ социніанская община въ Черняховѣ.

У Стефана Немирича было три сына: Юрій, Владиславъ и Стефанъ, съ дѣтства воспитанные въ социніанскихъ вѣрованіяхъ и подобно отцу много сдѣлавшіе для пользы секты. Изъ нихъ старшій, Юрій, впослѣдствіи пріобрѣлъ громкую извѣстность по тому участію, какое онъ принималъ въ политическихъ дѣлахъ Малороссіи при Хмельницкомъ и его преемникѣ. Въ молодости Юрій Немиричъ, какъ кажется, учился въ раковской социніанской академіи, гдѣ сдружился съ внукомъ Фавста Социна Андреемъ *Вишоватымъ*, впослѣдствіи знаменитымъ дѣятелемъ и писателемъ социніанскимъ. Въ 1631 г. Юрій Немиричъ, въ сопровожденіи своего друга Вишоватаго, а также Александра Чаплича, Николая Любенецкаго, Петра Суходольскаго и другихъ товарищей-единовѣрцевъ, предпринялъ путешествіе заграницу для довершенія образованія. Черезъ Данцигъ молодые люди пустились въ Голландію, посѣтили университеты въ Лейденѣ и въ Амстердамѣ и встрѣтились здѣсь съ польскимъ социніаниномъ Христофоромъ Арцишевскимъ, который чуть было не уговорилъ ихъ отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать социніанскую колонію. Арцишевскій такъ и поступилъ на самомъ дѣлѣ, а наши путешественники отправились въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщали Сорбону и слушали знаменитаго Гуго Гроція [1]). Возвратившись на родину, Юрій Немиричъ заявилъ себя ревностнымъ покровителемъ социніанства и немало способствовалъ распространенію его на Украинѣ. Социніанскіе писатели не находятъ словъ, чтобы достойно восхвалить его заслуги въ отношеніи ихъ секты. Одаренный отъ природы живымъ, энергическимъ характеромъ, владѣя природнымъ умомъ и блестящимъ образованіемъ, къ тому же опираясь на свое положеніе богатаго пана и на свои обширныя связи въ сенатѣ и при дворѣ, Немиричъ явилъ собою образъ могущественнаго патрона социніанской секты, въ родѣ тѣхъ, какимъ былъ когда-то Янъ Кишка для литовскихъ социніанъ, а Юрій Чапличъ для волынскихъ. Онъ сразу-же занялъ видное положеніе въ средѣ украинскихъ дворянъ и на

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 231—233.

него неоднократно были возлагаемы разнаго рода общественныя и политическія порученія, при исполненіи которыхъ Немиричъ не забывалъ и интересовъ секты. Такъ въ 1637 г. онъ былъ выбранъ депутатомъ отъ воеводства кіевскаго въ люблинскій трибуналъ и, благодаря его стараніямъ, въ это время устроенъ былъ въ Люблинѣ публичный диспутъ между социніанскими учеными, изгнанными отсюда еще въ 1627 году, и іезуитами. Въ слѣдующемъ 1638 году случилась извѣстная раковская катастрофа. Немиричъ, бывшій въ то время депутатомъ на варшавскомъ сеймѣ, при помощи своего друга Андрея Вишоватаго и другихъ единовѣрцевъ, употребилъ всѣ усилія, чтобы предотвратить ударъ, постигшій тогда раковскую общину, и когда его старанія оказались безуспѣшными, онъ громко протестовалъ противъ нарушенія сеймомъ основныхъ государственныхъ законовъ, обезпечивающихъ свободу религіозныхъ убѣжденій каждаго, и свой протестъ внесъ въ судебныя книги [1]). Послѣ того онъ съ особенною энергіею занялся устройствомъ дѣлъ секты на Украинѣ, и въ то время, когда Чапличи и другіе социніанскіе вожди думали вознаградить на Волыни то, что секта потеряла въ Раковѣ, Немиричъ тоже самое задумалъ на Украинѣ. Оставшись послѣ смерти отца опекуномъ младшихъ братьевъ, онъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе всѣми многочисленными имѣніями своего рода и имѣлъ возможность въ самыхъ широкихъ размѣрахъ оказывать помощь и покровительство своимъ единовѣрцамъ. Независимо отъ существовавшей уже въ его родовомъ центрѣ, м. Черняховѣ, социніанской общины, онъ основалъ нѣсколько такихъ же общинъ и въ другихъ своихъ имѣніяхъ на Украинѣ. Послѣ раковскаго разгрома, Немиричъ пріютилъ у себя изгнанныхъ оттуда социніанскихъ пасторовъ и ученыхъ и въ числѣ ихъ—трехъ братьевъ Статоріусовъ или *Стоинскихъ,* изъ коихъ старшій Янъ впослѣдствіи состоялъ пасторомъ въ м. Ляховцахъ у Петра Сепюты и, какъ мы упоминали, былъ приговоренъ трибуналомъ къ лишенію дворянства и инфаміи. Другой Стоинскій, Крыштофъ, съ этого времени надолго остался на службѣ у Немирича и былъ его правой рукою въ устройствѣ дѣлъ секты. За его вѣрную службу Немиричъ по-

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 278.

дарилъ ему одно изъ своихъ имѣній—с. Минійки (нынѣ деревня радомысльск. уѣзда). [1])

Были у Немирича и другіе сотрудники въ дѣлѣ распространенія социніанства на Украинѣ и организаціи здѣсь сектантскихъ общинъ. Ближайшимъ изъ нихъ былъ его родственникъ Стефанъ *Войнаровскій*, ловчій воеводства кіевскаго, въ имѣніи котораго м. *Шершняхъ* (радомысльск. уѣзда), принадлежавшемъ раньше Стефану Немиричу и имъ же населенномъ, существовала социніанская община, быть можетъ, основанная еще при прежнемъ владѣльцѣ. Въ то же время проживалъ на Украинѣ человѣкъ, весьма знаменитый въ исторіи социніанской секты, посвятившій всѣ силы свои и способности на служеніе ея интересамъ и окончившій жизнь въ изгнаніи: то былъ нѣкто Самуилъ *Припковскій*. Судя по его дѣятельному участію въ сеймиковыхъ дѣлахъ кіевскаго воеводства, необходимо заключить, что онъ принадлежалъ къ числу дворянъ-обывателей этого воеводства и имѣлъ здѣсь земельную собственность [2]). Самуилъ Припковскій былъ весьма ученый человѣкъ и плодовитѣйшій писатель, оставившій послѣ себя болѣе 50 сочиненій, въ числѣ коихъ встрѣчаются: богословскіе и историческіе трактаты, полемическія статьи, апологіи, біографіи, панегирики, эпитафіи, гимны, элегіи, стихотворные перифразы и проч. [3]). При всемъ разнообразіи формы, сочиненія Припковскаго представляютъ единство въ томъ отношеніи, что всѣ они имѣютъ предметомъ разъясненіе или защиту социніанской секты и ея ученія. Литературная дѣятельность Припковскаго начинается еще съ 1628 г.; въ этомъ году онъ издалъ въ Голландіи, подъ псевдонимомъ Иринея Филалета, свое сочиненіе „De pace et concordia ecclesiae", вторично напечатанное

---

[1]) Книга гродская житомирская 1646 г., № 17, л. 226.

[2]) Имя Самуила Припковскаго встрѣчается въ числѣ дворянъ воеводства кіевскаго, подписавшихъ въ 1645 г. протестъ противъ постановленій провинціальнаго сейма, бывшаго въ томъ же году въ Житомирѣ. Архивъ югозап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 279. Нѣсколько раньше, именно въ 1643 г. мы встрѣчаемъ Припковскаго даже въ роли маршалка или предсѣдателя житомирскаго сеймика. Книга гр. житомирская 1643 г., № 16, л. 9.

[3]) Полный перечень сочиненій Припковскаго см. у Санда, въ Biblioth. Antitrinitariorum, p. 123—126.

въ 1630 г. и скоро послѣ того переведенное на нѣмецкій языкъ. Изъ другихъ сочиненій Припковскаго, написанныхъ имъ, быть можетъ, въ періодъ пребыванія его на Украинѣ, отмѣтимъ слѣдующія: панегирикъ въ честь короля Владислава IV, въ 1633 г.; біографію Фавста Социна, въ 1636 г.; краткое изслѣдованіе о вѣрѣ; „братскую декларацію", обращенную къ польскимъ диссидентамъ, изданную въ 1646 г.; сочиненіе о вредѣ монашества; гимнъ на слова символа апостольскаго, и др. Кромѣ Припковскаго, не чуждъ былъ литературнымъ занятіямъ и самъ могущественный патронъ украинскихъ социніанъ, Юрій Немиричъ: ему приписываютъ сочиненіе, заглавіе котораго социніанскій библіографъ Сандъ передаетъ по-латыни: „Periphrasis et paraphrasis Panopliae christianorum", а также *молитвы* и *гимны*, составленные имъ конечно для мѣстныхъ социніанскихъ общинъ и изданные впослѣдствіи въ 1653 году, и другія [1]). Эти факты какъ-бы указываютъ на зарождавшееся въ то время литературное движеніе среди украинскихъ социніанъ, параллельное такому же движенію, возникшему нѣсколько раньше на Волыни.

Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. социніанство въ кіевской Украинѣ достигло высшаго своего процвѣтанія. Среди здѣшняго дворянства было такъ много послѣдователей секты, что они иногда одни наполняли собою мѣстные провинціальные сеймы и представляли здѣсь преобладающую партію. О распространеніи социніанскаго ученія въ средѣ другихъ сословій на Украинѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго по недостаточности данныхъ, но можно полагать, что въ числѣ послѣдователей секты были и мѣщане болѣе значительныхъ городовъ и мѣстечекъ: Житомира, Овруча, Черняхова, Шершней и др. О Кіевѣ въ этомъ отношеніи ничего не извѣстно, кромѣ лишь того, что учителямъ и преподавателямъ кіево-могилянской коллегіи въ первые годы ея существованія неоднократно приходилось защищаться отъ подозрѣній не столько въ латинствѣ или уніи, сколько въ кальвинизмѣ и *аріанствѣ*, а однажды, по словамъ тогдашняго префекта коллегіи Сильвестра Коссова, рас-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 145. Ниже мы будемъ имѣть поводъ назвать и остальныя сочиненія Немирича.

пущенная кѣмъ-то клевета въ этомъ смыслѣ возбудила столь грозное движеніе среди кіевскихъ мѣщанъ и козаковъ, что члены ученой коллегіи, „исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ ими начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или одного огнемъ, другаго мечемъ отправятъ на тотъ свѣтъ“ [1]). Социніанство было настолько замѣтнымъ явленіемъ въ тогдашней общественной жизни на Украинѣ, что толки и сужденія о немъ составляли предметъ обычныхъ разговоровъ въ обществѣ. При этомъ часто возникали жаркіе споры, приводившіе къ ссорамъ и дракамъ, а иногда подобные диспуты оканчивались даже убійствомъ. Такъ, въ актовыхъ книгахъ подъ 1643 г. встрѣчается жалоба дворянъ-католиковъ Яна и Мартына Крентовскихъ на дворянъ Яна и Якуба Богуцкихъ о томъ, что когда братъ жалобщиковъ Николай былъ однажды въ гостяхъ въ домѣ Богуцкихъ въ с. Некрашахъ [2]), то хозяева между прочимъ завели разговоръ о сектѣ социніанской, при чемъ они усердно хвалили ее, доказывали ея превосходство предъ католической религіей и въ неприлично-концунственныхъ выраженіяхъ порицали послѣднюю. Крентовскій въ свою очередь старался защитить свое исповѣданіе и наконецъ, не желая слышать богохульныхъ рѣчей хозяевъ, хотѣлъ было уйти изъ дома; но тутъ споръ достигъ крайней степени горячности и неожиданно перешелъ въ ссору и драку. Хозяева схватились за сабли, крикнули на помощь своихъ слугъ и такъ жестоко избили и поранили своего гостя, что онъ черезъ недѣлю умеръ [3]). Подобные случаи естественно порождали въ католической средѣ извѣстное раздраженіе противъ социніанъ и давали поводъ католическому духовенству возбудить преслѣдованіе ихъ, чтó скоро и случилось на самомъ дѣлѣ.

Тѣмъ временемъ на помощь украинской группѣ социніанъ явился новый дѣятель, пріобрѣвшій громкую извѣстность на поприщѣ миссіонерской дѣятельности по распространенію социніанства и считавшійся однимъ изъ ученѣйшихъ представителей секты: то былъ извѣстный уже намъ Андрей Виноватый, назначенный теперь,

---

[1]) Исторія русской церкви, митроп. Макарія, т. XI, стр. 490—491.

[2]) Нынѣ Некраши—деревня кіевскаго уѣзда, около м. Ясногородки.

[3]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 192.

по опредѣленію церковно-социніанскаго синода, главнымъ пасторомъ социніанскихъ общинъ на Украинѣ. Въ 1643 году онъ прибылъ на мѣсто новаго своего назначенія и первоначально поселился въ м. Шершняхъ, у Стефана Войнаровскаго. Между тѣмъ Вишоватаго давно уже звалъ къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи, Юрій Немиричъ, и теперь нетерпѣливо желалъ видѣться съ нимъ. Въ эту минуту онъ отправлялся въ свои Орельскія имѣнія, куда пригласилъ съ собою и Вишоватаго. Переправляясь съ нимъ черезъ Днѣпръ, онъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: „преданіе гласитъ, что соименный тебѣ св. апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ этихъ странахъ евангеліе скиѳамъ и сосѣднимъ народамъ. Иди и ты со мной въ эти страны и дѣлай тоже“ [1]). Не извѣстно, дѣйствительно-ли Вишоватый проповѣдывалъ въ лѣвобережной Малороссіи социніанское евангеліе, но въ кіевской Украинѣ онъ оставался не долго: въ слѣдующемъ же 1644 г. онъ получилъ новое назначеніе—обозрѣть социніанскія общины на Волыни. Здѣсь оставался онъ до 1648 года и проживалъ попеременно въ Киселинѣ, Берецкѣ, Галичанахъ, Иваничахъ и другихъ мѣстахъ, утѣшая и ободряя своихъ единовѣрцевъ, которые именно въ эти годы подвергались самымъ упорнымъ преслѣдованіямъ со стороны католическаго духовенства. Самъ Вишоватый однажды былъ позванъ на судъ за то, что публично совершилъ богослуженіе въ м. Рафаловкѣ, и чуть было не подвергся декрету банниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Въ это же время онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью бересцскаго социніанскаго пастора Александрой Рупневской, сестра которой была замужемъ за волынскимъ социніаниномъ Адамомъ Гулевичемъ-Воютинскимъ. Свадьба была отпразднована въ с. Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича, причемъ, по словамъ біографа Вишоватаго, было совершено нѣчто въ родѣ вѣнчанья „по обычному священному обряду церкви“, изъ чего можно заключить, что у социніанъ существовалъ какой-то особый вѣнчальный обрядъ. Въ слѣдующемъ 1649 г. Вишоватый былъ назначенъ главнымъ пасторомъ въ люблинской области.

Одновременно съ удаленіемъ Вишоватаго изъ Украины для здѣшнихъ социніанъ наступила тревожная пора. Ярые католики

---

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum, p. 236.

давно уже съ неудовольствіемъ смотрѣли на возраставшее преуспѣяніе секты на Украинѣ и съ нескрываемымъ недоброжелательствомъ относились къ главному патрону ея Юрію Немиричу. Когда въ началѣ 1640-хъ годовъ Немиричъ началъ хлопотать о предоставленіи ему должности кіевскаго подкоморія, противъ него выступили съ открытымъ протестомъ кіевскій бискупъ Александръ Соколовскій и извѣстный своею фанатическою нетерпимостью воевода кіевскій и староста житомирскій Янъ Тышкевичъ и во имя интересовъ католической церкви настаивали, чтобы урядъ подкоморія не достался явному безбожнику-аріанину. Король, однако, не уважилъ ихъ настояній и предоставилъ Немиричу просимую должность, хотя послѣдній при этомъ будто-бы далъ обѣщаніе принять католичество. По существовавшимъ обычаямъ Немиричъ обязанъ былъ принести торжественную присягу на новую должность въ засѣданіи кіевскаго земскаго суда; вмѣсто того онъ предпочелъ исполнить этотъ обрядъ въ Житомирѣ, въ отсутствіе старосты, во время засѣданія тамъ реляціоннаго сеймика, который состоялъ почти изъ однихъ социніанъ и предсѣдателемъ или маршалкомъ котораго былъ извѣстный Самуилъ Припковскій. Сознавая себя въ обществѣ друзей, Немиричъ позволилъ себѣ при этомъ легкомысленную выходку, которая впослѣдствіи причинила ему много хлопотъ. Когда кто-то изъ присутствовавшихъ на сеймикѣ замѣтилъ ему: какъ-же это онъ, будучи социніаниномъ, станетъ присягать по обычной формулѣ во имя св. Тройцы?—то Немиричъ, въ слухъ цѣлаго сеймика, произнесъ будто-бы слѣдующій богохульный каламбуръ: что для достиженія своей цѣли онъ готовъ охотно поклясться не только тройкой, но хотя-бы и четверкой. Объ этомъ немедленно донесли старостѣ Тышкевичу, который тотчасъ опротестовалъ поступокъ Немирича и потребовалъ, чтобы его протестъ былъ внесенъ въ акты сеймиковые. Маршалокъ сеймика Припковскій отказался исполнить требованіе старосты. Тогда Тышкевичъ обратился съ жалобой на Немирича и на Припковскаго въ люблинскій трибуналъ [1]). Туда-же представилъ онъ и какое-то сочиненіе Немирича, ходившее по рукамъ на Украинѣ и заключавшее въ себѣ какія-то страшныя бого-

---

[1]) См. жалобу Тышкевича въ гродск. житомирской книгѣ 1643 г., № 16, л. 9.

хульства („скриптъ блюзнерства страшливого противко Пану Богу пелный“). Трибуналъ отнесся къ этому дѣлу весьма серьезно и поручилъ кіевскому бискупу строго разслѣдовать его. Немиричъ понялъ всю опасность своего положенія и при посредствѣ своего родственника, коронпаго референдарія ксендза Вацлава Лещинскаго, поспѣшилъ расположить въ свою пользу бискупа-слѣдователя: онъ удовлетворилъ какія-то давнія его претензіи и подалъ ему надежду на счетъ своего перехода въ католичество. Задобренный этимъ бискупъ Соколовскій представилъ въ трибуналъ и къ королю рѣшительный отзывъ въ пользу невиновности Немирича въ взводимыхъ противъ него обвиненіяхъ. Онъ совсѣмъ отвергалъ фактъ произнесенія будто-бы Немиричемъ богохульныхъ словъ о св. Троицѣ; относительно же написаннаго имъ сочиненія бискупъ высказалъ такое мнѣніе, что Немиричъ составилъ это сочиненіе безъ всякаго умысла оскорбить католическую религію, а единственно съ тою цѣлью, чтобы узнать, чѣмъ могутъ быть опровергнуты со стороны католическихъ богослововъ подобныя еретическія заблужденія [1]). Отзывомъ этимъ Немиричъ былъ избавленъ отъ большой бѣды, къ великому неудовольствію его противника Яна Тышкевича, который не стѣснялся явно поносить бискупа за его якобы человѣкоугодничество и недостатокъ ревности къ славѣ Божіей. Менѣе благопріятный исходъ имѣло для Немирича другое дѣло. Одновременно съ обвиненіемъ въ богохульствѣ онъ позванъ былъ къ суду за укрывательство изгнанныхъ изъ Ракова пасторовъ и ученыхъ социніанскихъ, трехъ братьевъ Стоинскихъ, а также за устройство новыхъ социніанскихъ общинъ въ его имѣніяхъ, въ староствѣ житомирскомъ, и вообще за пропаганду ереси. Обвинителями въ этомъ дѣлѣ выступили: плебанъ житомирскій, ксендзъ Себастіанъ Жебровичъ и дворяне Николай Вышпольскій и Крыштофъ Унитовскій, но нѣтъ сомнѣнія, что главная пружина настоящаго процесса находилась въ рукахъ того же Тышкевича, старосты житомирскаго. Вмѣстѣ съ Немиричемъ были позваны къ суду и братья Стоинскіе, изъ коихъ старшій Янъ немедленно укрылся въ Ляховцахъ, гдѣ

---

[1]) См. письма къ Немиричу кіевскаго бискупа Соколовскаго и референдарія Лещинскаго—книга гродск. луцкая 1643 г., № 2160, л. 533 и 535.

однако, какъ мы упоминали, онъ не миновалъ бѣды, а два другіе принуждены были искать безопасности въ иныхъ мѣстахъ. Дѣло первоначально разбиралось въ іюлѣ 1643 г. въ кіевскомъ гродскомъ судѣ, но не было здѣсь окончено и поступило на рѣшеніе люблинскаго трибунала. Въ качествѣ свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано въ судъ болѣе сорока человѣкъ мѣстныхъ дворянъ, между которыми немало находилось и социніанъ. Отъ строгости трибунальскаго суда не спасли Немирича ни могущественныя связи его въ сенатѣ и при дворѣ, ни даже личная расположенность къ нему самого короля Владислава, и въ 1646 г. Юрій Немиричъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа въ 10,000 червонцевъ и къ закрытію сектантскихъ общинъ въ своихъ имѣніяхъ [1]). Объ этомъ штрафѣ польскіе диссиденты вспомнили на варшавскомъ сеймѣ 1647 года, когда жаловались правительству на претерпѣваемыя ими религіозныя преслѣдованія.

Въ тоже самое время въ Варшавѣ произошло событіе, нанесшее социніанской сектѣ въ цѣлой Польшѣ новый тяжкій ударъ. Въ началѣ 1640-хъ годовъ однимъ изъ ученѣйшихъ социніанскихъ представителей, бывшимъ когда-то учителемъ раковской академіи, Іоной Шлихтингомъ, была издана новая символическая книга: „Confessio fidei christianae", заключавшая въ себѣ самое полное и точное изложеніе ученія секты, выраженное преимущественно въ текстахъ св. писанія. Социніане многаго ожидали отъ этой книги и потому разомъ издали ее на нѣсколькихъ языкахъ. Дѣйствительно, конфессія Шлихтинга имѣла большой успѣхъ и въ огромномъ числѣ экземпляровъ стала расходиться по всей Польшѣ и соблазняла многихъ. Между прочимъ, есть извѣстіе, что она сильно распространена была на Волыни и Украинѣ, „къ великой опасности для душъ христіанскихъ [2])". Этого не могло простить автору католическое духовенство, и въ 1647 году конфессія Шлихтинга, по опредѣленію сейма, была сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача, а бѣжавшій заграницу авторъ ея заочно приговоренъ былъ къ ли-

---

[1]) Книга гродск. житомирская 1643 г., № 16, л. 31—35 и 45—46. Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 285.

[2]) Свидѣтельство іезуита Николая Циховскаго, неоднократно полемизировавшаго съ Шлихтингомъ по поводу его конфессіи—Iocher, т. II, стр. 535.

шенію чести и конфискаціи имущества. Вмѣстѣ съ этимъ послѣдовалъ сеймовый декретъ о закрытіи въ цѣлой Польшѣ социніанскихъ школъ и типографій и о запрещеніи всѣхъ напечатанныхъ уже социніанскихъ сочиненій, при чемъ объявлялось, что всякій, кто будетъ уличенъ въ печатаніи, распространеніи и даже храненіи у себя подобныхъ книгъ, подвергнется изгнанію изъ государства и конфискаціи имущества [1]). Этотъ декретъ грозилъ социніанамъ весьма тяжкими послѣдствіями и давалъ въ руки ихъ враговъ новое страшное противъ нихъ оружіе, но на первыхъ порахъ ни на Волыни, ни въ Украинѣ дѣйствіе его не было ощутительно. Не знаемъ, было-ли исполнено въ точности Немиричемъ трибунальское постановленіе относительно закрытія социніанскихъ общинъ въ м. Черняховѣ и другихъ его имѣніяхъ; но знаемъ, что одинъ изъ Стоинскихъ (Крыштофъ) скоро снова появляется на Украинѣ и даже предпринимаетъ въ 1646 г. наѣздъ на имѣніе подстаросты житомирскаго Крыштофа Цисовскаго [2]), а въ 1648 г. мы встрѣчаемъ его состоящимъ на службѣ у Стефана Немирича, съ которымъ онъ разъѣзжаетъ на Волыни и отнимаетъ чужія имѣнія [3]). У самого Юрія Немирича съ 1647 г. появляется на службѣ новое лице изъ числа родственниковъ Вишоватаго, какой-то дворянинъ Венедиктъ Вишоватый [4]). Очевидно, что сеймовые и трибунальскіе декреты не очень-то переполошили социніанъ на Волыни и Украинѣ и они вовсе и не думали слагать оружіе. А между тѣмъ дни существованія здѣсь секты были уже сочтены, хотя этого не могли предвидѣть и сами враги ея, жаждавшіе ея гибели. Они обращали очи свои къ Варшавѣ и Люблину и ждали, что оттуда прійдетъ когда-нибудь гибель ихъ противниковъ; но она пришла совсѣмъ не оттуда и раньше, чѣмъ они надѣялись. Тамъ, на далекихъ порогахъ днѣпровскихъ да въ глухихъ селахъ и хуторахъ Украины, таилась и тлѣла искра гнѣва и мести всенародной, разомъ вспых-

---

[1]) Дневникъ Стан. Освѣцима—рукописное отдѣленіе института имени Оссолинскихъ въ Львовѣ, № 224, стр. 978—979.

[2]) Книга гродск. житом. 1646 г., № 17, л. 226.

[3]) Кн. гродск. луцкая, № 2951, л, 157.

[4]) Книга гр. житом. 1650 г., № 19, л. 595.

нувшая страшнымъ пожаромъ по всему лицу земли южнорусской, потрясшимъ до основанія государственное зданіе шляхетско-католической Польши. Катастрофа эта была направлена отнюдь не противъ социніанъ, а именно противъ ихъ же враговъ; но случилось такъ, что въ пламени вызваннаго ею разгара народныхъ страстей южнорусское социніанство нашло свое конечное аутодафе: ибо, какъ мѣтко выразился самъ вождь возставшаго тогда украинскаго народа, „при сухихъ дровахъ горятъ и сырыя“.

XI.

Лишь только распространилась вѣсть о пораженіи поляковъ на Жовтыхъ-Водахъ и особенно подъ Корсунемъ, народное возстаніе разомъ охватило всю Украину, Волынь, Подолье и Червоную Русь и даже отозвалось въ далекой Бѣлоруссіи. Все, что находилось здѣсь не русскаго и не православнаго, или вѣрнѣе—все, что стояло въ общественномъ положеніи надъ массой народной — все это объято было паническимъ страхомъ и бѣжало безъ оглядки въ предѣлы коренной Польши и Литвы. Южнорусскіе социніане, наравнѣ съ дворянами другихъ исповѣданій (не исключая и православнаго), также спасались бѣгствомъ и наравнѣ съ ними же погибали отъ козацкихъ рукъ. Особенно много ихъ погибло при осадѣ и взятіи Хмельницкимъ Староконстантинова, куда укрылись было, въ числѣ другой шляхты, и социніане, бѣжавшіе изъ Украины. Такому же разгрому подверглись и болѣе отдаленныя социніанскія общины въ коренныхъ польскихъ областяхъ: люблинской и сандомирской, откуда въ числѣ другихъ бѣжалъ на границы Пруссіи и Андрей Вишоватый. Біографъ его передаетъ ходившій тогда слухъ, будто козаки съ особенною жестокостью расправлялись съ социніанами изъ-за ихъ вѣроисповѣднаго различія съ ними [1]); а одинъ изъ современныхъ изслѣдователей готовъ объяснять такое поведеніе козаковъ тѣмъ, что они видѣли въ социніанахъ „еретиковъ-аріанъ, иконоборцевъ, нехристей“ [2]). Мы не находимъ возможнымъ ни до-

---

[1]) Cosacci... imprimis in arianos (ut audiunt) ob religionem eis invisos saevientes. Biblioth. Antitrinit., p. 241.

[2]) Труды кіевск. дух. академіи, 1876 г., статья: «Подложное письмо половца И. Смеры къ князю Владиміру».

пустить вѣрности передаваемаго слуха, ни тѣмъ болѣе согласиться съ его объясненіемъ. То несомнѣнно, что возставшіе крестьяне и козаки не давали пощады социніанамъ, если послѣдніе попадались имъ въ руки; но они поступали такъ не вслѣдствіе какого-то предрасчитаннаго противъ нихъ озлобленія, а просто потому, что не отличали ихъ отъ массы другихъ польскихъ или ополяченныхъ шляхтичей, каковыми большинство южнорусскихъ социніанъ были и на самомъ дѣлѣ. Если уже *православные* южнорусскіе дворяне бросали все и бѣжали предъ лицомъ возставшаго народа, то о другихъ и говорить нечего. Ясно, что въ сознаніи и дѣйствіяхъ тогдашней массы народной соціально-экономическій мотивъ преобладалъ надъ всѣми другими; о вѣроисповѣдномъ же отличіи социніанской шляхты возставшіе едвали даже имѣли ясное понятіе. Да и послѣдующіе социніанскіе писатели ни однимъ словомъ не жалуются на южнорусскихъ людей, какъ на гонителей ихъ секты и агитаторовъ народной или правительственной расправы надъ нею; напротивъ, они постоянно заступаются за православныхъ и въ войнахъ Хмельницкаго, сопровождавшихся столькими несчастіями для самихъ же социніанъ, видятъ справедливое отмщеніе Польшѣ за нарушеніе ею законовъ, попраніе гражданскихъ и религіозныхъ правъ и посягательство на свободу вѣры. Какъ бы то ни было, но всѣ социніанскія общины были сметены съ лица южной Руси козацкимъ движеніемъ и уже никогда болѣе не возстановлялись въ ней. Поэтому намъ остается лишь прослѣдить судьбу отдѣльныхъ лицъ изъ числа наиболѣе видныхъ представителей южнорусскаго социніанства. Первое мѣсто между ними должно быть отведено высоко-интересной личности кіевскаго подкоморія Юрія Немирича, дальнѣйшая судьба котораго не лишена извѣстнаго рода драматизма.

Когда Хмельницкій, по разбитіи польскаго ополченія подъ Пилявцами, осенью 1648 г. двинулся къ Львову и занялся осадой Замостья, южнорусскіе дворяне стали понемногу возвращаться въ свои имѣнія и занялись приведеніемъ въ извѣстность понесенныхъ ими потерь. Въ числѣ первыхъ возвратившихся былъ и Юрій Немиричъ, при которомъ мы по прежнему встрѣчаемъ, въ качествѣ его слугъ, Крыштофа Стоинскаго и Венедикта Вишоватаго. Но теперь Немиричу некогда было заниматься дѣлами секты: онъ по-

спѣшно организовалъ военный отрядъ и выступилъ съ нимъ противъ козаковъ. Въ Варшавѣ разнеслись слухи, будто Немиричъ соединился съ Хмельницкимъ и передалъ ему тайное порученіе отъ королевича Яна-Казимира содѣйствовать избранію его въ короли, за что послѣдній обѣщалъ удовлетворить требованія козаковъ; говорили даже, будто Хмельницкій сдѣлалъ Немирича своимъ „найвысшимъ писаремъ". Слухи эти интересны единственно въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ подозрительно относились поляки къ Немиричу за его антирелигіозныя и (какъ ниже увидимъ) республиканскія убѣжденія. Въ дѣйствительности же Немиричъ усердно защищалъ свое отечество и, надо думать, обнаружилъ при этомъ значительныя военныя дарованія, потому что когда въ началѣ слѣдующаго года дворяне кіевскаго и волынскаго воеводствъ собрали ополченіе съ цѣлью защиты ихъ со стороны козаковъ и взбунтовавшихся крестьянъ, то генеральнымъ полковникомъ этого ополченія единогласно былъ избранъ Немиричъ; а два года спустя кіевскіе дворяне ходатайствовали на сеймѣ предъ королемъ о награжденіи Немирича, „который, по ихъ словамъ, всегда съ великой похвалой выступалъ на защиту отечества и много потратилъ на то изъ своего состоянія" [1]). Но въ 1655—57 гг., когда шведы вторглись въ самую глубь королевства польскаго и заняли обѣ столицы, для Польши наступили столь тяжкія времена, что самые, по видимому, преданные сыны ея отчаивались въ спасеніи своего отечества и одинъ за другимъ переходили на сторону шведовъ, безъ боя сдавая имъ города и цѣлыя провинціи. Для протестантовъ и социніанъ, противъ которыхъ въ то время католическое духовенство поднимало толпы городской черни, разжигая въ ней фанатическій энтузіазмъ и благословляя ее на грабежъ имущества еретиковъ, не оставалось никакихъ побужденій защищать католическую Польшу и они толпами передавались шведскому королю Карлу X, ища у у него защиты противъ фанатиковъ. Изъ числа южнорусскихъ социніанъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ, сами социніанскіе писатели называютъ: на Волыни — извѣстнаго намъ киселинскаго патрона Александра Чаплича и какого-то Андрея Братков-

---

[1]) Архивъ юго-зап. Россіи, часть 2, т. I, стр. 357.

скаго, а на Украинѣ—кіевскаго подкоморія Юрія Немирича и его младшаго брата Стефана, занимавшаго въ то время должность подчашія кіевскаго [1]). Вѣроятно, въ это именно время Юрій Немиричъ присоединился къ Хмельницкому, съ которымъ тогда находился въ союзническихъ отношеніяхъ шведскій король, начавшій, какъ извѣстно, по его иниціативѣ войну съ поляками; по крайней мѣрѣ впослѣдствіи сами козаки, на запросъ московскаго правительства, показывали, что Немиричъ вступилъ въ запорожское войско еще при Богданѣ Хмельницкомъ, а социніанскіе писатели передаютъ, будто гетманъ сдѣлалъ его даже козацкимъ полковникомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что знатное имя, блестящая образованность и извѣстная опытность Немирича въ веденіи политическихъ дѣлъ сразу же доставили ему видное положеніе среди козацкой старшины, окружавшей гетмана, и Хмельницкій, вѣроятно, не разъ пользовался его услугами (напр. при дипломатическихъ сношеніяхъ съ шведскимъ королемъ), за которыя онъ подтвердилъ его прежнія владѣльческія права на имѣнія въ полтавскомъ полку, по р.р. Ворсклу и Орели. Но въ болѣе видной политической роли Немиричъ выступаетъ въ гетманство преемника Хмельницкаго, Ивана Выговскаго. Еще при Хмельницкомъ среди козацкой старшины и приставшихъ къ козацкому войску православныхъ дворянъ усилилась партія автономистовъ, стремившихся къ образованію изъ Малороссіи самостоятельнаго государства. Представителемъ этой партіи, пытавшимся на дѣлѣ осуществить ея стремленія, былъ самъ Выговскій, но душей этой партіи и творцемъ ея политической программы слѣдуетъ по всей справедливости считать Юрія Немирича, бывшаго правой рукой Выговскаго. Еще въ бытность свою въ Голландіи онъ усвоилъ тамошнія республиканскія понятія, составилъ себѣ идеалъ федеративнаго союза республикъ и теперь задумалъ примѣнить его къ своему новому отечеству. Полнымъ выраженіемъ этого идеала могутъ служить условія Гадячскаго договора Выговскаго съ Польшей въ 1658 г., составленныя самимъ Немиричемъ. По смыслу этого договора, Малороссія соединялась съ Польшею на правахъ самобытнаго государства подъ названіемъ „Великаго Княжества

[1]) Biblioth. Antitrinitariorum. p. 291.

Русскаго", долженствовавшаго имѣть свой верховный трибуналъ, своихъ государственныхъ сановниковъ, свое казначейство, свою монету и свое войско. Въ этомъ княжествѣ проэктировались двѣ академіи съ университетскими правами—въ Кіевѣ и въ другомъ мѣстѣ, гдѣ окажется удобнымъ,—множество другихъ школъ съ свободнымъ преподаваніемъ и совершенно вольное книгопечатаніе. Со всею страстностью своей склонной къ увлеченіямъ натуры Немиричъ занялся осуществленіемъ этого грандіознаго политическаго проэкта и среди новыхъ заботъ совсѣмъ позабылъ о своихъ прежнихъ сектантскихъ увлеченіяхъ. Самъ онъ давно уже принялъ вѣру своихъ предковъ—православіе[1]), конечно съ цѣлію полной, такъ сказать, натурализаціи въ новомъ отечествѣ, и даже задумалъ призвать на служеніе ему прежнихъ своихъ единовѣрцевъ, тѣснимыхъ тогда въ Польшѣ. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое воззваніе, адресованное ко всѣмъ польскимъ диссидентамъ и преимущественно къ социніанамъ, въ которомъ убѣждалъ ихъ обратиться въ лоно православной церкви, чтобы тѣмъ самымъ слиться съ вольнымъ козацкимъ народомъ и войти въ составъ добрыхъ гражданъ „Великаго Княжества Русскаго". Можно полагать, что это воззваніе нѣкогда знаменитаго социніанскаго дѣятеля произвело въ средѣ социніанъ сильное впечатлѣніе, если такой авторитетный между сектантами человѣкъ, какъ извѣстный намъ Самуилъ Припковскій, проживавшій тогда въ Пруссіи изгнанникомъ, нашелся вынужден-

[1]) Память о принадлежности Немирича къ социніанской сектѣ не скоро была забыта въ Малороссіи и даже перешла въ Москву, хотя уже въ извращенномъ видѣ. Въ началѣ гетманства Выговскаго, когда личность Немирича стала замѣтно выдѣляться на политическомъ поприщѣ въ Украинѣ, московское правительство обратилось къ гетманскимъ посламъ съ запросомъ: «Кто у нихъ въ войску *люторъ* Юрьи Немиричъ, и для чего гетманъ подавалъ ему городы: Кременчукъ, Переволочно, Кишеньку, Кобелякъ, Бѣлики, Санжаровъ, и сколь давно ему гетманъ тѣ городы далъ, и для чего лютровъ при войску держитъ?... И посланцы говорили: есть-де у нихъ въ войску люторъ Юрьи Немиричъ, а пришолъ въ войско еще при небожщикѣ при прежнемъ гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ, а нынѣшній гетманъ ему тѣхъ городовъ не давывалъ... а называлъ онъ тѣ городы прежними своими надаными маетностями и хотѣлъ о тѣхъ городахъ бити челомъ великому государю»... На это послѣдовало замѣчаніе: «и гетману того лютра въ войску не держать... и говорить, чтобъ онъ его изъ войска выслалъ». Акты ю. и з. Россіи, т. VII, стр. 204—205.

нымъ обнародовать свой отвѣтъ на воззваніе Немирича [1]). Но послѣднему некогда было вступать въ полемику съ социніанскими богословами: весной 1659 г. онъ спѣшилъ съ козацкими послами въ Варшаву на сеймъ, созванный для подтвержденія договора Гадячскаго. Здѣсь Немиричъ произнесъ большую рѣчь, о которой социніанскій библіографъ упоминаетъ въ числѣ другихъ его сочиненій. Договоръ былъ утвержденъ; король ласково принялъ Немирича и, по ходатайству Выговскаго, выдалъ ему привиллегію на должность канцлера „Великаго Княжества Русскаго". Но самое-то „княжество" оказалось блестящимъ проэктомъ, не легко осуществимымъ въ дѣйствительности: лишь только въ Малороссіи узнали о совершившемся союзѣ Выговскаго съ Польшею, народъ поднялъ возстаніе и принялся избивать стоявшіе на Украинѣ польскіе отряды. Юрій Немиричъ, начальствовавшій надъ однимъ изъ такихъ отрядовъ, хотѣлъ было усмирить толпу, но его самого окружили подъ с. Свидовцемъ (черниговск. губ., козелецк. уѣзда) и изрубили въ куски. Таковъ былъ несчастный конецъ этого во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго человѣка.

Изъ двухъ меньшихъ братьевъ Юрія Немирича, Владиславъ, староста овруцкій, также социніанинъ, хотя и получилъ хорошее образованіе, но по своему характеру представлялъ прямую противоположность старшему брату: это былъ слабый, болѣзненный и апатичный человѣкъ, ничѣмъ не заявившій своей приверженности къ социніанской сектѣ и пріобрѣвшій извѣстность, благодаря одной безчестной продѣлкѣ съ его именемъ, какая была учинена іезуитами послѣ его кончины. Объ этой продѣлкѣ разсказываетъ извѣстный Касперъ Нѣсецкій, самъ іезуитъ, и потому его показаніе не можетъ быть заподозрѣно въ какомъ-либо пристрастіи. Дѣло происходило такъ. Владиславъ Немиричъ умеръ въ молодомъ возрастѣ, не старше 30 лѣтъ. Находясь при смерти, онъ какъ-то попалъ въ руки люблинскихъ іезуитовъ, которымъ удалось вынудить у него отреченіе отъ социніанскихъ заблужденій и согласіе принять исповѣдь и причащеніе по католическому обряду. Больной охотно исповѣдался, но долго колебался приступить къ причащенію:

---

[1]) Отвѣтъ этотъ, вышедшій разомъ на двухъ языкахъ: польскомъ и латинскомъ, упоминается въ перечнѣ сочиненій Пржиковскаго. Biblioth. Antitrinitar. p. 125.

удерживали-ли его прежнія социніанскія воззрѣнія на форму причастія, или, быть можетъ, въ немъ проснулись фамильныя традиціи его православныхъ предковъ, но только онъ мучился сомнѣніемъ въ спасительности причастія подъ однимъ видомъ и предложилъ духовнику-іезуиту дать ему какое-либо ручательство въ томъ, что оно не повредитъ его душевному спасенію. Ловкій іезуитъ нисколько не затруднился исполнить требованіе больного и тотчасъ выдалъ ему слѣдующее формальное письменное удостовѣреніе: „Я Михаилъ Кисаржевскій, изъ ордена іезуитовъ, удостовѣряю симъ Божіе Величество (divinam Majestatem) въ томъ, что если благородный Владиславъ Немиричъ потерпитъ какой-либо ущербъ предъ судомъ Господнимъ вслѣдствіе принятія католическаго причастія подъ однимъ видомъ, одобреннаго церковью въ теченіе всѣхъ вѣковъ, то я весь этотъ ущербъ принимаю на себя и на душу свою и готовъ буду отвѣчать предъ Величествомъ Божіимъ, вмѣстѣ съ матерью моею, святою католическою и апостольскою церковью, и со всѣми вѣрными. Дано въ Люблинѣ, въ іезуитской коллегіи, 11-го апрѣля 1653 г. Михаилъ Кисаржевскій". Немиричъ не сталъ болѣе сопротивляться и, умирая, велѣлъ похоронить его съ этимъ удостовѣреніемъ въ рукахъ. „Черезъ пять дней послѣ его смерти (разсказываетъ Нѣсецкій), когда собрались спускать тѣло его въ могилу, устроенную въ нашемъ люблинскомъ костелѣ, и передъ тѣмъ открыли гробъ, то, кромѣ документа, бывшаго въ рукахъ покойника, увидѣли другой на его груди, слѣдующаго содержанія: „Я Владиславъ Немиричъ освобождаю превелебнаго Михаила Кисаржевскаго, ксендза іезуитскаго ордена, отъ обязательства, принятаго имъ на свою душу: ибо я получилъ полное удовлетвореніе, по безграничной милости Божьей, и отпущеніе мнѣ всѣхъ грѣховъ въ страшную минуту суда, вслѣдствіе исповѣди и св. причастія, принятаго мною по обряду римской церкви въ минуту моей смерти, въ чемъ удостовѣряю настоящимъ свидѣтельствомъ. Дано въ Долинѣ Покаянія, 16 апрѣля 1653 года. Владиславъ Немиричъ". Оба эти документа, для большей достовѣрности, явлены были въ актовыя книги люблинскаго трибунала 1653 г. ректоромъ іезуитской коллегіи, ксендзомъ Ордою [1]).

---

[1]) Нѣсецкій, Korona polska, т. III, стр. 359.

Другой братъ Юрія, Стефанъ Немиричъ, восхваляется социніанскими писателями за ревностное покровительство сектѣ почти наравнѣ съ Юріемъ. Онъ былъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ, когда на Украинѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, и потому долгое время состоялъ подъ непосредственнымъ руководствомъ старшаго брата. Вмѣстѣ съ нимъ онъ, въ чинѣ ротмистра, участвуетъ въ 1649 г. въ защитѣ кіевскихъ дворянъ со стороны возмутившагося крестьянства, вмѣстѣ съ нимъ передается на сторону шведовъ и, кажется, по его же слѣдамъ отправляется служить войску запорожскому. Въ годъ заключенія гадячскаго договора онъ получаетъ должность кіевскаго подкоморія, которую передъ тѣмъ только что оставилъ его братъ Юрій для занятія высшаго поста—канцлера „Великаго Княжества Русскаго", и остается въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ бывшимъ гетманомъ Ив. Выговскимъ до конца жизни послѣдняго. Но въ 1664 г. Стефанъ Немиричъ предпринимаетъ одинъ шагъ, который мы отказываемся объяснить при скудости наличныхъ данныхъ: въ этомъ году онъ посылаетъ за границу, для довершенія образованія, дѣтей своихъ братьевъ—сына Юрія Өеодора и дочь Владислава Маріанну—и вслѣдъ за ними, безъ вѣдома правительства, самъ лично отправляется туда же и остается за границей довольно долгое время [1]). Такъ какъ за три года передъ тѣмъ польскіе социніане подверглись поголовному изгнанію изъ Польши и въ первое время по прибытіи за границу терпѣли страшныя бѣдствія и лишенія, пока имъ удалось кое-какъ устроиться на новыхъ мѣстахъ, то не стоялъ-ли въ какомъ-либо соотношеніи съ этими обстоятельствами неожиданный отъѣздъ Немирича? Нѣкоторое основаніе этому предположенію можно видѣть въ ходатайствѣ кіевскихъ дворянъ на сеймѣ 1665 года о томъ, чтобы Стефанъ Немиричъ былъ прощенъ, „если въ чемъ проступилъ противъ короля", и былъ вызванъ въ отечество [2]). Подъ этимъ проступкомъ Немирича прежде всего, конечно, разумѣлся самовольный выѣздъ его за-границу, а также, быть можетъ, нарушеніе имъ сеймоваго постановленія, по которому строго воспрещалось оказывать какую-бы то ни было помощь и содѣйствіе изгнаннымъ

---

[1]) Книга гродская житомирская, 1664—1666 г., № 21, л. 14 и 65.
[2]) Тамъ-же, л. 103.

сектантамъ. Вѣроятно, ходатайство кіевскихъ дворянъ было уважено, потому что скоро послѣ того мы встрѣчаемъ Стефана Немирича въ должности спачала каштеляна, а потомъ и воеводы кіевскаго; но это само собою предполагаетъ его отреченіе отъ социніанства и обращеніе въ католичество.

Изъ числа волынскихъ социніанъ объ одномъ лишь Александрѣ Чапличѣ, владѣльцѣ Киселина, сохранились нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія. Кажется, что положеніе, занятое имъ въ тревожный періодъ козацкихъ войнъ, въ общихъ чертахъ сходно съ такимъ же положеніемъ его школьнаго товарища, Юрія Немирича. Подобно ему, онъ передается на сторону шведовъ и за тѣмъ какъ-будто присоединяется къ запорожскому войску [1]). Во всякомъ случаѣ присутствіе Чаплича въ войскѣ при Выговскомъ въ моментъ составленія гадячскаго договора и какое-то участіе его въ этомъ дѣлѣ—фактъ несомнѣнный. Когда на сеймѣ варшавскомъ 1659 г. шло дѣло объ утвержденіи этого договора, то въ числѣ лицъ, о награжденіи которыхъ ходатайствовалъ предъ сеймомъ Выговскій, мы находимъ имя и Александра Чаплича [2]).

О другихъ представителяхъ южнорусскаго социніанства мы не находимъ въ нашихъ источникахъ никакого даже упоминанія. Очевидно, одни изъ нихъ погибли въ войнахъ козацкихъ, другіе удалились во внутреннія области Польши и Литвы, а третьи просто сошли со сцены. Такимъ образомъ войны Хмельницкаго можно считать конечнымъ періодомъ существованія социніанской секты въ югозападной Руси. Намъ остается теперь прослѣдить послѣднюю судьбу социніанства въ самой Польшѣ.

---

[1]) Замѣтимъ, кстати, что число южнорусскихъ дворянъ, передавшихся тогда на сторону шведовъ и затѣмъ поступившихъ на службу къ Хмельницкому, было очень велико, если составители гадячскаго договора нашли нужнымъ въ дополнительныя къ нему статьи внести слѣдующій параграфъ: «Всѣ уголовные приговоры, взысканія, баниціи и процессы, на чемъ-бы они ни остановились и какому-бы ни подлежали суду, должны быть сняты съ тѣхъ, которые *служили у Шведа, а потомъ въ войскѣ запорожскомъ*». (Памятн. кіевск. комм. т. III, отд. 3, стр. 326). Изъ числа такихъ лицъ, кромѣ уже поименованныхъ, намъ извѣстны: бывшій коморникъ черниговскій Проколъ Верещака и хорунжій черниговскій Гавріилъ Гулевичъ (кальвинистъ).

[2]) Памятн. кіевск. коммисіи, т. III, отд. 3, стр. 328.

XII.

Эпоха войнъ козацкихъ была годиною бѣдствій не для однихъ южнорусскихъ социніанъ, но также и для ихъ польскихъ собратьевъ, и не потому только, что козацкіе отряды, врываясь въ Польшу, изгоняли или истребляли ихъ наравнѣ съ остальной шляхтой, но и по другимъ причинамъ. Страшныя политическія бѣдствія, постигшія тогда Польшу со стороны шведскаго, русскаго и козацкаго оружія, возбудили въ ея населеніи религіозно-патріотическое воодушевленіе, которымъ клерикалы воспользовались для своихъ цѣлей. Они открыто проповѣдывали, что перстъ Божій наказываетъ ихъ отечество за недостатокъ ревности къ интересамъ католической церкви и преступную поблажку ея врагамъ—еретикамъ: протестантамъ и аріанамъ, которыхъ они старались выставить въ глазахъ населенія измѣнниками и предателями отечества, въ тайнѣ сочувствующими его непріятелямъ—шведамъ, подобнымъ имъ еретикамъ, и во имя интересовъ церкви и отечества вопіяли объ ихъ истребленіи. Тогда для польскихъ диссидентовъ наступили дни плача и гнѣва Божія. Имъ запрещали отправлять богослуженіе, собирать съѣзды или соборы, содержать школы и печатать книги; со всѣхъ сторонъ осыпали ихъ доносами и по всякому, хотя-бы завѣдомо ложному, извѣту звали въ трибуналы, которые знатныхъ шляхтичей присуждали къ тяжкимъ денежнымъ штрафамъ, а лицъ неблагородныхъ сословій казнили смертью. Въ Польшѣ возобновились мрачныя времена испанской инквизиціи и цѣлыя сотни еретиковъ погибли тогда на кострахъ [1]). Ксендзы, съ ротами жолнеровъ, разъѣзжали по селамъ, грабили и отнимали имѣнія диссидентовъ, хватали ихъ самихъ, разрушали ихъ храмы, оскорбляли святыни, выбрасывали на поруганіе тѣла покойниковъ и во имя Божіе призывали простой народъ грабить и убивать еретиковъ, выставляя всякое направленное противъ нихъ насиліе благочестивымъ подвигомъ, имѣющимъ умилостивить гнѣвъ Божій, постигшій отечество. Король и болѣе благоразумные представители власти были безсильны остановить эти разнузданные порывы фанатическаго умоизступленія,

---

[1]) Łukasczewicz I., Dzieje kościołow wyznania helweckiego w Małej Polsce, p. 286—287.

такъ какъ клерикальная партія имѣла сильную поддержку въ католической Австріи, у которой тогда заискивало польское правительство. Въ особенности сильно пострадали въ то время социніане, съ которыми клерикалы церемонились еще менѣе, нежели съ протестантами. Біографъ Вишоватаго не находитъ словъ для выраженія своей скорби и ужаса при воспоминаніи бѣдствій, какимъ подверглись въ 1655—56 гг. социніанскія общины въ краковской области, когда толпы поселянъ, вооруженныхъ косами, топорами и пиками, подъ предводительствомъ ксендзовъ, расхаживали изъ одного мѣста въ другое, грабили и разрушали дома и молельни социніанъ, убивали или жгли ихъ самихъ, не щадя ни женщинъ, ни даже дѣтей, и жестокими казнями принуждали ихъ къ отреченію отъ секты и принятію католичества. Самъ Вишоватый вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ и, явившись въ Краковъ, обратился къ шведскому генералу съ просьбой о защитѣ его единовѣрцевъ [1]).

Не довольствуясь этими гоненіями, польскіе клерикалы, особенно іезуиты, пользуясь благопріятнымъ для нихъ настроеніемъ властей и общества, задумали совсѣмъ покончить съ социніанскою сектою. Они откопали забытый всѣми статутъ короля Владислава-Ягелла 1424 года, заключавшій въ себѣ постановленіе объ изгнаніи изъ предѣловъ Польши еретиковъ-гусситовъ, и въ 1658 году предъявили на сеймѣ требованіе, чтобы дѣйствіе этого статута было примѣнено къ социніанамъ; требованіе это они основывали на обвиненіи ихъ въ измѣнѣ отечеству и передачѣ на сторону шведовъ во время недавняго занятія послѣдними королевства польскаго. Хотя въ такомъ предательствѣ социніане повинны были ничуть не больше, нежели протестантскіе и даже весьма многіе католическіе паны, сдававшіе шведамъ укрѣпленные города и цѣлыя области, но нужно было, чтобы кто-нибудь одинъ понесъ наказаніе за грѣхи многихъ, и роль такой очистительной жертвы пала на долю социніанъ. Какъ ни чудовищно было требованіе клерикаловъ, оно не встрѣтило, однако, на сеймѣ почти никакого сопротивленія: всегдашніе союзники социніанъ—протестанты и другіе диссиденты, видя настроеніе большинства, теперь сами дрожали за свою судьбу и не смѣли откры-

---

[1]) Bibliotheca Antitrinitariorum, p. 244—246.

то вступиться за нихъ, опасаясь подвергнуться той же участи. Затѣмъ послѣдовала сеймовая конституція, въ которой объявлялось, что всякій, о комъ будетъ дознано, что онъ исповѣдуетъ, или распространяетъ ученіе аріанской секты и вообще какимъ-бы то ни было образомъ покровительствуетъ ей въ предѣлахъ Польши, Литвы и соединенныхъ съ ними земель и областей, долженъ быть предаваемъ суду и затѣмъ смертной казни, подъ угрозой отнятія должностей у тѣхъ урядниковъ, которые недостаточно ревностно станутъ исполнять это постановленіе. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые станутъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ и не захотятъ добровольно присоединиться къ католической церкви, дается имъ трехлѣтній срокъ, въ теченіе котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, и затѣмъ должны оставить предѣлы государства; но и въ это время они не имѣютъ права отправлять своихъ сектантскихъ службъ, ни занимать какихъ-либо должностей общественныхъ, по истеченіи же льготнаго срока всякій изъ еретиковъ, кто окажется въ Польшѣ, подпадетъ силѣ декрета [1]).

Сектанты впали въ уныніе. Болѣе малодушные изъ нихъ начали обращаться въ католичество, но много было и такихъ, которые любовь къ родинѣ принесли въ жертву своимъ убѣжденіямъ и стали готовиться къ изгнанничеству. Лишенные права открыто собираться, чтобы обсудить свое ужасное положеніе, они, на подобіе первенствующихъ христіанъ, стали устраивать тайныя, ночныя собранія, на которыхъ совершали молитвы и обрядъ преломленія хлѣба, взаимно ободряли себя и утѣшали въ общемъ горѣ и помогали другъ другу. Но католическіе ксендзы зорко слѣдили за подобными собраніями и доносили о нихъ властямъ; тогда социніанъ хватали, сажали въ тюрьмы и предавали казнямъ. Между тѣмъ іезуиты, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ сектантовъ, громили ихъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ сочиненіяхъ и безнаказанно клеветали на нихъ. Социніане захотѣли еще одинъ, послѣдній разъ сразиться съ своими противниками и въ 1660 г. обратились къ краковскому бискупу за разрѣшеніемъ устроить диспутъ съ католическими богословами. Имъ это было позволено, а одинъ знатный

---

[1]) Volumina Legum, IV, f. 515.

католикъ предоставилъ для диспута свой обширный замокъ. Со стороны католиковъ диспутантами выступили нѣсколько найболѣе извѣстныхъ своею ученостью іезуитовъ, а со стороны социніанъ—одинъ Вишоватый. Диспутъ длился въ теченіе пяти дней. Вишоватый, по словамъ его біографа, съ такою силою и искусствомъ отстаивалъ свои мнѣнія противъ нѣсколькихъ противниковъ, что сами католики, присутствовавшіе на диспутѣ, выразили ему свое сочувствіе, а одинъ изъ споривших съ нимъ іезуитовъ будто бы выразился, что если бы и всѣ сектантскіе богословы вышли изъ ада, то не могли бы защищать свою вѣру сильнѣе того, какъ защищалъ ее одинъ Вишоватый [1]).

Между тѣмъ предоставленный социніанамъ для устройства ихъ частныхъ дѣлъ трехлѣтній срокъ, по проискамъ іезуитовъ, неожиданно былъ сокращенъ на годъ и 10-е іюля 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ пребыванія ихъ въ Польшѣ. Мѣра эта была расчитана на то, чтобы тѣхъ изъ социніанъ, которые владѣли имѣніями и, слѣдовательно, нуждались въ болѣе продолжительномъ срокѣ для продажи своего имущества и взысканія долговъ, поставить въ особенно затруднительное положеніе и тѣмъ понудить ихъ къ отреченію отъ сектантства. Напрасно социніане протестовали противъ новой несправедливости и нарушенія королевскаго слова: если одни изъ католиковъ сожалѣли о нихъ, то другіе радовались ихъ несчастію—по фанатизму, или изъ расчета воспользоваться добромъ изгнанниковъ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты, оставшіеся же вѣрными ей стали поспѣшно и за безцѣнокъ распродавать свои имущества и готовиться въ далекій и невѣдомый путь. И потянулись одинъ за другимъ несчастные изгнанники изъ своей суровой отчизны искать пріюта въ чужихъ краяхъ: въ Венгріи, Трансильваніи, Силезіи, сѣверной Германіи, Пруссіи, Голландіи и Англіи. На пути имъ приходилось испытывать новыя бѣдствія; такъ, напр., партія, направлявшаяся въ Венгрію, была, по внушеніямъ изъ Польши, совершенно ограблена цесарскими солдатами. Всюду, куда ни появлялись изгнанники, клевета враговъ предшествовала имъ на каждомъ шагу, и потому худо приняли ихъ въ большей части европейскихъ странъ; только въ Венгріи и Тран-

[1]) Всѣ эти обстоятельства взяты нами изъ біографіи Вишоватаго, помѣщенной въ сочин. Санда: Biblioth. Antitrinitariorum.

сильваніи, гдѣ издавна существовали ихъ единовѣрцы, а равно въ Пруссіи и особенно въ Голландіи, игравшей тогда роль современной Швейцаріи, социніане нашли спокойное убѣжище. Въ Амстердамѣ осѣлись преимущественно главные вожди и ученые социніанскіе и прозвали этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Съ тѣхъ поръ Амстердамъ, вмѣстѣ съ Клавдіополемъ въ Трансильваніи, становятся главными центрами разсѣянныхъ на чужбинѣ социніанъ.

Изложеніе дальнѣйшей исторіи социніанства выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи и потому мы ограничимся краткимъ указаніемъ на главнѣйшія черты дѣятельности собственно польскихъ изгнанниковъ.

Разсѣянные по разнымъ странамъ Европы, польскіе социніане долгое время стараются поддерживать тѣсную связь и взаимныя сношенія между отдѣльными группами своихъ единовѣрцевъ. Въ этихъ видахъ главные вожди секты постоянно странствуютъ изъ одного мѣста въ другое, устраиваютъ частые съѣзды или соборы, разсылаютъ окружныя посланія, ободряютъ и утѣшаютъ своихъ товарищей по вѣрѣ и несчастіямъ и оказываютъ имъ всякаго рода помощь и защиту. Въ тоже время они стараются сблизиться съ населеніемъ тѣхъ странъ, въ коихъ нашли убѣжище, знакомятся съ его языкомъ и учрежденіями и всѣми мѣрами стараются заручиться расположеніемъ мѣстныхъ правителей на пользу своимъ соотечественникамъ. Оторванные отъ родной почвы и поглощенные заботами о самосохраненіи, они уже не задаются широкими планами новой пропаганды секты и сосредоточиваютъ всѣ лучшія силы свои на единственной, вполнѣ доступной для нихъ, сферѣ дѣятельности—литературной. Дѣйствительно, время изгнанничества социніанъ было періодомъ высшаго процвѣтанія и обогащенія социніанской литературы, на поприщѣ которой въ это время подвизались талантливѣйшіе представители секты, каковы: Андрей Виповатый, Самуилъ Прицковскій, бывшій киселинскій пасторъ Якубъ Гриневичъ-Трембицкій, братья Христофоръ и Станиславъ Любенецкіе и многіе другіе [1]). Центромъ литературно-издательской дѣятельности

---

[1]) Социніанскій библіографъ Сандъ насчитываетъ около 30 именъ ученыхъ: поляковъ, нѣмцевъ, венгерцевъ, англичанъ, голландцевъ и др., подвизавшихся на

ихъ была избрана свободная Голландія, въ которой преимущественно осѣлись ученые вожди секты и въ которой они находили наибольшій просторъ для своей дѣятельности. Характеромъ времени опредѣлялись и главныя задачи тогдашнихъ социніанскихъ писателей. Преимущественное вниманіе ихъ было обращено на разработку исторіи секты, уясненіе ея отношеній къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ и указаніе на ея заслуги для общества и государства польскаго. На ряду съ капитальными изслѣдованіями въ этой области, была предпринята кропотливая работа по собиранію памятниковъ и преданій всей прошлой жизни секты, свѣдѣній о дѣятельности главныхъ учителей ея, пасторовъ и писателей, съ перечнемъ всѣхъ печатныхъ и рукописныхъ ихъ сочиненій, и т. под. Еще бо́льшую потребность сознавали социніане въ защитѣ себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанія изъ отечества, и тѣхъ обвиненій, какимъ подвергались они со стороны своихъ враговъ. Отсюда—преобладаніе въ ихъ тогдашней литературѣ полемическихъ и апологическихъ сочиненій, въ которыхъ социніане стараются оправдать себя какъ сектантовъ и какъ гражданъ, показать всю несправедливость обрушившихся на нихъ преслѣдованій и вызвать участіе къ постигшимъ ихъ несчастіямъ. Часто такая защита выражалась въ формѣ воззваній и писемъ, обращенныхъ къ прежнимъ соотечественникамъ, съ горькими упреками въ забвеніи и нарушеніи ими старинныхъ завѣтовъ польской свободы и вѣротерпимости и съ горячей мольбой подумать о будущей судьбѣ ихъ отечества и не поддаваться внушеніямъ партіи фанатиковъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію и австрійскій деспотизмъ, попираютъ ея стародавніе обычаи и законы и тѣмъ ведутъ ее къ вѣрной гибели. Наконецъ, кромѣ историческихъ и

поприщѣ социніанской литературы въ указанный періодъ. Мы поименовали только болѣе извѣстныхъ изъ числа польскихъ социніанъ—изгнанниковъ. Прибавимъ, что многіе изъ нихъ, кромѣ богословскихъ, историческихъ и др. сочиненій, относящихся къ социніанству, оставили послѣ себя замѣчательныя научныя изслѣдованія въ области философіи, права и естествознанія. Таковъ, напр. былъ названный нами Станиславъ Любенецкій, издавшій въ 1667 г. въ Амстердамѣ капитальное изслѣдованіе о кометахъ (Theatrum Cometicum) въ 3-хъ частяхъ и посвятившій его Фридриху III, королю Даніи и Норвегія.

апологическихъ сочиненій, социніане и въ этотъ періодъ не прекращали догматической разработки своей доктрины и издали не мало новыхъ богословскихъ трактатовъ. Эта оживленная литературная дѣятельность ихъ не прекращалась до конца XVII в. и, хотя съ меньшей энергіей, продолжалась даже въ слѣдующемъ столѣтіи. Достойно замѣчанія, что послѣднимъ по времени въ ряду извѣстныхъ намъ социніанскихъ писателей является какой-то Д. *Немиричъ,* по всей вѣроятности потомокъ южнорусскихъ пановъ Немиричей. Въ 1695 г. онъ напечаталъ гдѣ-то въ Германіи книгу на французскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „La Verité et la Religion en visite chez les theologiens en y cherchant leur filles la Charité et la Toleranse", въ которой старался доказать, что эти высшія христіанскія добродѣтели преимущественно присущи послѣдователямъ социніанскаго ученія [1]).

Разбросанные небольшими группами по разнымъ мѣстамъ Европы, польскіе социніане, очевидно, не долго сохранили свои національныя особенности и скоро смѣшались съ другими національностями. Объ этомъ можно заключить изъ того, что, напр., въ Голландіи, гдѣ ихъ поселилось особенно много, послѣднее *польское* изданіе Новаго Завѣта было всего лишь въ 1680 г., то есть при жизни еще перваго поколѣнія изгнанниковъ. Долѣе всего сохранили свою національность тѣ изъ польскихъ социніанъ, которые поселились вблизи границъ своего бывшаго отечества. Имѣются любопытныя свѣдѣнія о судьбѣ двухъ социніанскихъ поселковъ: Рутова и Андреасвальде, основанныхъ польскими изгнанниками въ восточной Пруссіи, близъ границъ Польши. Не смотря на постигшія ихъ въ концѣ XVII ст. преслѣдованія, жители этихъ двухъ общинъ удержали свою вѣру и народность до временъ Фридриха II, который въ 1779 г. далъ имъ позволеніе на постройку храма. Но впослѣдствіи эти общины стали постепенно уменьшаться въ своемъ населеніи, пока около 1803 года одна изъ нихъ, Андреасвальде, разошлась совсѣмъ, не оставивъ по себѣ никакого слѣда; въ другой же еще въ 1838 году живы были два послѣдніе моги-

---

[1]) Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce, A. Iochera, t. II, p. 304 и 582.

каны социніанской секты въ Пруссіи, — оба очень старые и оба хорошо сознававшіе свою принадлежность къ польской національности. Остальные ихъ земляки, и въ томъ числѣ родные обоихъ старцевъ, всѣ уже были протестантами [1]).

Что касается дальнѣйшей судьбы социніанства вообще, то изложеніе ея составляетъ предметъ общей исторіи религіозныхъ сектъ въ Европѣ. Для нашей цѣли достаточно указать, что, не смотря на повсемѣстныя преслѣдованія въ XVII и XVIII в., социніанская доктрина отнюдь не подверглась забвенію и тѣмъ паче насильственному истребленію: отчасти она сохранилась въ чистомъ видѣ своемъ до нашихъ дней, отчасти послужила матеріаломъ для выработки новыхъ философскихъ и религіозныхъ системъ и ученій. Въ Европѣ социніанство и до сихъ поръ продолжаетъ свое существованіе въ одномъ религіозномъ обществѣ въ Трансильваніи, члены котораго удержали старинное названіе *унитаріевъ*. Не смотря на свою малочисленность, трансильванскіе унитаріи признаются государственными законами Австріи въ равныхъ правахъ съ другими христіанскими исповѣданіями и имѣютъ своего суперъ-интендента, мѣстопребываніемъ котораго служитъ г. Клаузенбургъ. Кромѣ того въ Америкѣ въ настоящее время насчитывается болѣе полумилліона лицъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіознымъ обществамъ, исповѣдующимъ основныя положенія антитринитаризма. Съ другой стороны, тѣже идеи социніанства, подвершись дальнѣйшей философской разработкѣ, привели многихъ къ *деизму* и особенно къ *раціонализму* [2]). Наконецъ многія стороны ученія социніанскаго были приняты нѣкоторыми прежними и вновь образовавшимися религіозными сектами, какъ напр. шведенборгіанами, менонитами, а чрезъ нихъ и нашими штундистами.

Въ заключеніе прибавимъ нѣсколько общихъ замѣчаній о предметѣ нашего изслѣдованія. Исторія почти столѣтняго существо-

[1]) Балинскій и Липинскій: Starożytna Polska, т. III, стр. 232.

[2]) Въ Англіи въ прошломъ столѣтіи социніанство пріобрѣло наибольшую силу вмѣстѣ съ распространеніемъ здѣсь деизма; а въ Германіи социніанскія идеи пользовались наибольшею расположенностью среди представителей раціоналистической школы.

ванія социніанской секты въ Польшѣ и югозападной Руси представляетъ съ одной стороны рядъ дѣйствій, запечатлѣнныхъ характеромъ искренняго воодушевленія, смѣлости и несокрушимой энергіи и твердой увѣренности въ правотѣ своего дѣла, а съ другой—рядъ неудачъ и горькихъ разочарованій, упорной борьбы и тяжкихъ преслѣдованій, разрѣшившихся наконецъ страшной катастрофой. Въ основѣ этихъ дѣйствій лежитъ религіозная доктрина, возникшая въ кружкѣ передовыхъ европейскихъ умовъ, боровшихся за права человѣческаго разума въ области вѣры противъ принужденій внѣшняго авторитета. Представляя для своего времени очень смѣлое проявленіе критической мысли въ области религіи, доктрина эта естественно приходится не по плечу для большинства тогдашняго общества и потому находитъ своихъ послѣдователей лишь въ образованныхъ слояхъ его. Въ этой исторіи происхожденія социніанства кроется источникъ его силы и вмѣстѣ слабости, причина его успѣховъ и неудачъ. Сила социніанства заключалась главнымъ образомъ въ его культурномъ вліяніи; въ немъ же и главная заслуга его для современныхъ ему обществъ въ Польшѣ и южной Руси. Социніанство выступало всегда съ характеромъ просвѣтительнаго движенія, въ союзѣ съ наукой и образованіемъ, и лучшими средствами пропаганды считало устройство школъ, заведеніе типографій и литературную дѣятельность; эта черта не осталась незамѣченной со стороны лучшихъ людей того времени, хотя и принадлежавшихъ къ другимъ исповѣданіямъ, въ родѣ напр. Константина Острожскаго, Романа Гойскаго и другихъ, и справедливо вызывала ихъ симпатіи къ социніанской сектѣ. Далѣе, социніанство громко провозглашало принципы свободы мнѣній, вѣротерпимости и уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и всегда горячо протестовало противъ религіозной нетерпимости и исключительности католиковъ и отчасти самихъ протестантовъ. Наконецъ оно являлось проповѣдникомъ высшихъ началъ гуманности, когда внушало своимъ послѣдователямъ отвращеніе къ войнѣ и отвергало безусловно право смертной казни. Но, при всей симпатичности многихъ сторонъ своего ученія и дѣятельности, социніанство имѣло и много важныхъ недостатковъ, больше всего препятствовавшихъ его успѣхамъ. Возникшее первоначально изъ критики римской системы вѣроученія, социніанство вынуждено было сосредо-

точиться преимущественно на разработкѣ догматической стороны своего ученія, вслѣдствіе чего въ немъ всегда преобладала нѣкоторая теоретичность и отвлеченно-философскій элементъ; что же касается элемента нравственнаго, безъ котораго всякая религія перестаетъ быть религіей, а становится философской теоріей или системой, то онъ вообще былъ слабо разработанъ въ социніанскомъ вѣроученіи, что лишало его надлежащей жизненности. Многія нравственныя положенія, имѣвшія ближайшее отношеніе къ практическимъ вопросамъ жизни и логически вытекавшія изъ цѣлой системы социніанскаго вѣроученія, не были развиты до конца, какъ кажется, по недостатку необходимой доли смѣлости; для примѣра укажемъ на то, какъ социніане старательно обходили молчаніемъ поднятый было въ ихъ средѣ вопросъ о тогдашнемъ соціальномъ неравенствѣ и правѣ имѣть крестьянъ, логическое рѣшеніе котораго устрашило ихъ богослововъ, тогда какъ, будь это рѣшеніе громко провозглашено, секта несомнѣнно привлекла-бы къ себѣ взоры и симпатіи милліоновъ рабовъ, стонавшихъ тогда подъ тяжестью помѣщичьяго и арендаторскаго произвола. Но въ томъ именно и заключался главный и коренной недостатокъ социніанства, что оно почти совсѣмъ игнорировало народныя массы и, за малыми исключеніями, всегда и вездѣ оставалось преимущественно дворянской религіей. Въ особенности это должно сказать о южнорусскихъ социніанахъ, контингентъ которыхъ почти исключительно состоялъ изъ шляхтичей, по большей части не употреблявшихъ даже языка своего народа. Если первые послѣдователи социніанской секты въ южной и западной Руси заботились еще объ изданіи для простаго народа сектантскихъ книгъ (Будный) и даже о переводѣ на народный языкъ Новаго Завѣта (Негалевскій), то слѣдовавшее за ними поколѣніе, воспитанное въ польско-латинскихъ социніанскихъ школахъ, вполнѣ является носителемъ польской цивилизаціи и даже гнушается рѣчью своего народа. Мы не знаемъ, на какомъ языкѣ слушали социніанскую проповѣдь и богослуженіе киселинскіе мѣщане и крестьяне Юрія Чаплича, совращенные имъ въ секту, но то достовѣрно извѣстно, что знаменитый Юрій Немиричъ бо́льшую часть своихъ сочиненій и въ томъ числѣ молитвы и гимны, вѣроятно употреблявшіяся при богослуженіи въ украинскихъ социніанскихъ общинахъ, писалъ на *польскомъ* языкѣ, а не на южнорусскомъ, какъ

можно было-бы ожидать отъ украинскаго патрона секты. Въ этой оторванности социніанства отъ народной массы, въ этомъ пренебреженіи къ ея интересамъ заключалась причина безпочвенности социніанской секты, при которой она всегда могла подвергнуться гибели. Можно-ли удивляться тому, что южнорусскій народъ, во время возстанія при Хмельницкомъ, не различалъ социніанъ отъ ихъ враговъ—католиковъ и наравнѣ съ послѣдними предавалъ ихъ истребленію? Протестантскія общины въ южной и западной Руси, по видимому, были устроены прочнѣе социніанскихъ, а между тѣмъ и онѣ народнымъ движеніемъ были сметены съ лица земли, подобно социніанскимъ, ибо не имѣли корней въ народной почвѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что катастрофа, постигшая польскихъ социніанъ въ 1658 году, была-бы не возможна, еслибы они ближе стояли къ народной жизни и не гнушались ея интересами. А то, при своей безпочвенности, польское социніанство (пользуемся евангельскимъ сравненіемъ) было подобно красивому зданію, построенному на пескѣ. Начались дожди, и потекли воды, и унесли зданіе въ море на жертву бурямъ и непогодамъ, и не осталось слѣда тамъ, гдѣ еще такъ недавно оно горделиво высило свою главу. Такъ и должно было случиться: ибо только то и долговѣчно въ исторіи, что созидается на основѣ народныхъ интересовъ.

Орестъ Левицкій.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Іюня 14. Было много причинъ неустройства въ нашемъ войскѣ, но главнымъ поводомъ къ нему служило отсутствіе твердости и постоянства въ рѣшеніяхъ военнаго совѣта; если на одномъ совѣтѣ было порѣшено что-либо существенное, то при первой перемѣнѣ вѣтра, или вслѣдствіе полученія новаго извѣстія, хотя-бы и недостовѣрнаго, немедленно прежнія распоряженія общаго совѣта отмѣнялись и слѣдовали новые приказы, внушаемые частнымъ вліяніемъ немногихъ лицъ, что производило всеобщее смятеніе. Безпорядокъ въ войскѣ происходилъ отъ того, что тутъ господствовало страшное смѣшеніе различныхъ вѣдомствъ, чего предъ тѣмъ никогда не бывало. При прежнихъ короляхъ, когда они являлись въ лагерь, верховная власть оставалась за ними, но гетманы и другіе военные начальники сохраняли вполнѣ свою власть въ подлежащихъ имъ вѣдомствахъ; каждый изъ нихъ исполнялъ свои обязанности и потому въ общемъ господствовалъ порядокъ. Теперь-же король, по собственному-ли почину, или, быть можетъ, подчиняясь внушеніямъ иностранцевъ (которые желали присвоить себѣ власть, съиздавна принадлежавшую установленнымъ должностнымъ лицамъ), сталъ пренебрегать постоянныхъ военныхъ чиновниковъ и то, что относилось къ ихъ должностямъ, поручать постороннимъ лицамъ: гетманы, обозный, стражникъ и другіе начальники были лишены возможности ис-

---

*) См. январь, 126—151 стр. февраль, 366—386 стр. и май 257—275 стр. „К. Ст.“

полнять свои обязанности; король сосредоточилъ таковыя въ своихъ рукахъ, или поручалъ ихъ отправленіе лицамъ, не имѣвшимъ на то никакого права; дѣйствительные-же начальники, видя, что ихъ устраняютъ и пренебрегаютъ, вовсе не заботились объ обязанностяхъ, относящихся къ ихъ должностямъ, и такимъ образомъ дѣла оставались безъ движенія, ибо никто не заботился о томъ, во что всякій вмѣшивался. Вслѣдствіе этого въ войскѣ господствовала страшная неурядица: планы военныхъ дѣйствій мѣнялись чуть не черезъ каждый часъ, люди опытные въ военномъ дѣлѣ пребывали въ большомъ смущеніи; никто не старался о томъ, чтобы освѣдомляться о замыслахъ и движеніяхъ непріятелей; каждый, полагаясь на другихъ, не заботился о посылкѣ лазутчиковъ, и извѣстія добывались исключительно отъ „языковъ", для поимки которыхъ войско должно было постоянно нести лишній трудъ, между тѣмъ изъ ихъ показаній никогда не было возможности добиться истины. Отсутствіе точныхъ свѣдѣній было главною причиною частой перемѣны плановъ. Случалось, плѣнникъ скажетъ, что Хмельницкій двигается на насъ, и мы сейчасъ опускали носы и рѣшали ожидать его и защищаться на мѣстѣ; но проходило дня два, Хмельницкій не появлялся, а новый языкъ сообщалъ противуположное первому извѣстіе, и мы немедленно предавались радости и возгорялись охотою идти ему на встрѣчу. Это повторялось нѣсколько разъ и случилось опять въ означенный день. Хмельницкій не подходилъ, и мы, основываясь исключительно на невѣрныхъ показаніяхъ языковъ (семъ единственномъ основаніи нашихъ плановъ, такъ какъ мы скупились на посылку лазутчиковъ, отъ которыхъ могли-бы получать точныя свѣдѣнія о врагѣ), воспылали желаніемъ идти къ нему на встрѣчу; но не могли рѣшить двухъ вопросовъ: куда идти? и въ какомъ порядкѣ? Относительно перваго вопроса высказаны были различныя мнѣнія. Одни совѣтовали идти къ Берестечку, утверждая, что непріятель, расположившись у Вишневца, ясно имѣетъ намѣреніе двинуться на наше войско, а не въ иную сторону; толковали, что онъ не можетъ миновать Берестечка, потому слѣдуетъ овладѣть раньше его прихода переправами; къ тому-же указывали, что въ окрестности Берестечка находятся обширныя поля, удобныя для сраженія и обильныя кормомъ для лошадей, рѣка-же Стырь составитъ безопасное прикрытіе для войска; если-же Хмельницкій намѣренъ отступать въ Украину, какъ о томъ ходили слухи, то изъ-подъ Берестечка легче будетъ

перерѣзать ему путь къ Кіеву. Другіе, основываясь на показаніяхъ языковъ, что непріятель собралъ будто исключительно конницу, предполагали, что онъ желаетъ насъ заманить за переправы и затѣмъ, бросивъ наше войско, быстро двинется къ Кракову; потому совѣтовали передвинуть войско къ Глинянамъ, гдѣ удобнѣе было-бы пользоваться фуражемъ для войска и гдѣ много еще неистребленныхъ пастбищъ для лошадей. Отъ Глинянъ, думали, легко преградить врагу путь къ Кракову, а въ случаѣ, еслибы онъ не предпринялъ этого похода, также удобно пойти ему на встрѣчу, какъ и изъ Берестечка. Многіе держались того мнѣнія, чтобы вовсе не трогаться съ мѣста и ожидать появленія врага у Сокаля, усиливаясь постояннымъ приходомъ отрядовъ поголовнаго ополченія. Основою такого мнѣнія служитъ то, что многіе, сознавая неспособность въ военномъ дѣлѣ короля и гетмановъ, значительное численное превосходство врага и медлительность поголовнаго ополченія, опасались, чтобы во время перехода, вслѣдствіе неурядицы, войско не потерпѣло погрома отъ враговъ. Наконецъ взяло верхъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя совѣтовали двинуться къ Берестечку, но немедленно явился новый спорный вопросъ относительно самаго способа передвиженія. Одни обращали вниманіе на то, что огромное количество возовъ, сопровождающее обыкновенно польскія арміи, служитъ страшнымъ препятствіемъ на каждой переправѣ и тормозитъ всякое предпріятіе, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда успѣхъ зависитъ отъ быстроты движенія; потому они совѣтовали двинуться лишь на-легкѣ, съ одною конницею, оставивъ въ укрѣпленномъ лагерѣ пѣхоту, всѣ возы, багажи и слугъ, подъ охраною небольшаго отряда наемной конницы и поручивъ начальство надъ лагеремъ какому нибудь знатному лицу. Другіе возражали, что слѣдуетъ или вовсе не трогаться съ мѣста, или, если предпринимать походъ, то не иначе какъ со всѣмъ обозомъ и слугами, не раздѣляя войска на части: эти указывали, что многіе *товарищи* не имѣютъ средствъ держать столько челяди, чтобы часть ея взять съ собою въ качествѣ рядовыхъ солдатъ, другуюже часть оставить въ лагерѣ въ качествѣ слугъ; они заявляли при томъ, что никакой начальникъ не будетъ въ состояніи управиться съ такимъ огромнымъ количествомъ прислуги, съ которою очень часто не знаютъ, какъ сладить, ея собственные господа, и что слѣдуетъ сильно опасаться, чтобы челядь, послѣ ухода господъ, не подняла бунта и не разграбила возовъ и по-

житковъ, что неоднократно уже случалось и бывало поводомъ большихъ пораженій войска. Вслѣдствіе упорства короля, перевѣсъ остался на сторонѣ мнѣнія Стефана Чарнецкаго, поручика хоругви великаго короннаго гетмана: рѣшено было идти подъ Берестечко съ одною конницею, всею массою вмѣстѣ, возы-же и обозъ должны были отправляться туда-же отдѣльно, тремя различными дорогами для избѣжанія трудностей при переправахъ. Рѣшеніе это опубликовано было послѣ обѣда при звукѣ трубъ; но оно подало поводъ въ войскѣ для различныхъ пререканій и ропота: всѣ возмущались безъурядицею, неопредѣленностью и непостоянствомъ распоряженій, особенно-же тѣмъ, что рѣшенія военнаго совѣта перемѣнялись вслѣдствіе частныхъ внушеній. Слыша всеобщій ропотъ, писарь польный коронный (Пржыемскій), который также не ожидалъ добра отъ непостоянства, измѣнчивости и несогласій, устроилъ частное совѣщаніе, въ которомъ принимали участіе мы всѣ, его близкіе друзья, и отправился къ королю. Благодаря своему вліянію на короля, онъ, послѣ долгаго разговора, высказавъ всѣ наши доказательства, успѣлъ къ вечеру побороть королевское упрямство: рѣшено было, что все войско съ обозомъ и возами двинется вмѣстѣ, не раздѣляясь на части. Но тутъ возникло новое затрудненіе: войско распредѣлено было на три дивизіи, по иностранному образцу (въ голландскомъ войскѣ это называется бригадами) и порядокъ, въ которомъ онѣ должны были двигаться, былъ изображенъ на чертежахъ, составленныхъ въ частномъ совѣщаніи у короля и потомъ планы эти розданы были гетманамъ, полковникамъ и другимъ начальникамъ, мало ознакомленнымъ съ иностранными порядками. Новизна эта вызвала въ войскѣ ропотъ; я лично слышалъ, какъ кастелянъ краковскій (великій гетманъ Николай Потоцкій) заявлялъ, что, среди такого замѣшательства и неурядицы, онъ откажется отъ гетманства; когда-же его стали уговаривать,— онъ воскликнулъ: „оставьте меня въ покоѣ, не то — я проколю себя ножемъ“. Въ дѣйствительности это нововведеніе было не дурно, и я лично наблюдалъ его пользу и удобство въ голландскомъ войскѣ, но нужно было ввести его въ практику раньше или, по крайней мѣрѣ, предложить для обсужденія и предварительнаго изученія; теперь-же, въ самый моментъ выступленія, напрасно было вводить новый, никогда прежде не виданный и среди поспѣшности малопонятный порядокъ; несвоевременность

его введенія могла вызвать лишь полное замѣшательство, которое дѣйствительно и произошло.

Такъ какъ поголовное ополченіе дворянъ изъ нѣсколькихъ воеводствъ уже прибыло и расположилось за рѣкою, то король, желая, чтобы ополченцы приняли участіе въ походѣ войска, послалъ пригласить ихъ въ путь; но они на отрѣзъ отказались, утверждая, что будутъ ждать прихода ополченій другихъ воеводствъ и только вмѣстѣ съ ними отправятся на службу Рѣчи Посполитой. Между тѣмъ хорунжій коронный (Александръ Конецпольскій), для обезпеченія похода, двинулся съ своимъ отрядомъ опять подъ Берестечко, чтобы занять переправы; король же вновь раздѣлилъ все войско на десять полковъ, нѣсколько видоизмѣнивъ прежнее распредѣленіе, исчисленное при описаніи смотра.

Слѣдуетъ подробный перечень хоругвей конницы и пѣхоты, съ указаніемъ ихъ новаго распредѣленія на 10 полковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ самаго короля, гетмана великаго коронваго Николая Потоцкаго, гетмана польнаго коронваго Мартына Калиновскаго, воеводы брестскаго Симеона Щавинскаго, воеводы русскаго князя Іеремія Вишневецкаго, воеводы подольскаго Станислава Потоцкаго, воеводы браславскаго Станислава Лянцкоронскаго, маршала великаго коронваго Юрія Любомирскаго, подканцлера литовскаго Льва Сапѣги и хорунжія коронваго Александра Конецпольскаго.

15 іюня. Утро дня, назначеннаго для похода, было покрыто густымъ туманомъ; выступили сначала обозы, а потомъ, поручаясь Божьему Промыслу, и все войско. Движеніе началось среди страшнаго замѣшательства; вышеупомянутые чертежи, опредѣлявшіе порядокъ движенія, не были вовсе примѣнены къ дѣлу, и многочисленные возы смѣшались и спутались до того, что на встрѣченныхъ переправахъ приходилось добиваться очереди съ бою. Смятеніе продолжалось въ теченіи цѣлаго дня. Вечеромъ король расположился на ночлегъ на мѣстѣ заранѣе опредѣленномъ, въ одной мили отъ бывшаго лагеря, у села Тартакова, принадлежащаго Николаю Ржечицкому; но многіе отряды войска, по причинѣ безурядицы, сбились съ пути, забрели въ непроходимыя болота и остановились на ночлегъ въ трехъ различныхъ мѣстностяхъ въ такомъ безпорядкѣ, что если бы непріятель подступилъ, то одни не были бы въ состояніи оказывать помощи другимъ.

Въ теченіи этого дня возвратился изъ лагеря Хмельницкаго Маркъ, драгоманъ маршала короннаго. По его сообщенію, во вторникъ, когда онъ уѣзжалъ изъ козацкаго табора, ханъ еще не соединился съ Хмельницкимъ, и пришло только извѣстіе о томъ,

что орда находится у Паволочи; въ козацкомъ войскѣ число пѣхоты не превышало 90,000, а число конницы 20,000, татаръ въ лагерѣ только 7,000; когда пришло къ нимъ извѣстіе, что войско наше направилось противъ нихъ налегкѣ, то въ таборѣ распространилась тревога. Разсказывалъ онъ и многое другое, что успѣлъ узнать за время своего пребыванія въ козацкомъ лагерѣ. Отъ хоружія короннаго прислано сообщеніе, что возставшіе волынскіе крестьяне, составивши отрядъ въ 20,000 человѣкъ, осадили городъ и замокъ Олыку, принадлежащіе канцлеру литовскому, князю Станиславу Радзивиллу.

16 іюня. Обозъ двинулся въ такомъ-же безпорядкѣ, какъ и вчерашняго дня; за нимъ послѣдовало войско. Въ одной мили отъ ночлега случилась весьма затруднительная переправа, которую мы прошли среди пререканій и споровъ, во время которыхъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Затѣмъ, переправившись черезъ плотину въ селѣ Кнѣжѣ, мы расположились лагеремъ у села Фузовой, имѣнія пана Цетнера. Здѣсь соединились съ нами тѣ части войска, которыя отдѣлились отъ насъ наканунѣ.

17 іюня. Обозъ сталъ переправляться черезъ болото, прилегавшее непосредственно къ мѣсту ночлега. Между тѣмъ король выдвинулъ все войско на открытое, пространное поле, желая на опытѣ испробовать боевой строй, планъ котораго былъ начерченъ на бумагѣ, и сталъ размѣщать отряды пѣхоты и конницы сообразно съ планомъ. Установка эта, впрочемъ, сопряжена была съ нѣкоторымъ безпорядкомъ и происходила весьма медленно; на нее потрачена была большая половина дня и все таки планъ не могъ быть выполненъ, такъ какъ часть войска, бывшая подъ начальствомъ хоружія короннаго, ушла подъ Берестечко. Все войско въ строю разпредѣлялось на три части; въ каждой части находилось 18 эскадроновъ, каждый эскадронъ заключалъ въ себѣ нѣсколько (иногда до 20) хоругвей. На видъ войско было громадно: фронтъ его занималъ болѣе полумили, но въ глубь строй былъ не густой и не особенно исправный, такъ что въ этомъ отношеніи планъ слѣдовало видоизмѣнить. Свидѣтелемъ этого смотра былъ татаринъ, пріѣхавшій для свиданія съ мурзою, о которомъ выше я упоминалъ; онъ внимательно все разсматривалъ. Многіе считали излишнимъ его присутствіе, полагая, что не слѣдуетъ обнаруживать передъ врагомъ своей неопытности и неумѣлости, но придворные льстецы находили, что все происходитъ прекрасно: солдаты были однако иного мнѣнія о ходѣ смотра и думали, что

напрасно утомляютъ людей и лошадей, передвигая безпрестанно хоругви съ мѣста на мѣсто среди весьма знойнаго дня. Затѣмъ мы остановились на ночлегъ между селами Брамою и Долгомъ. Но едва мы расположились, какъ около восьми часовъ вечера случилась сильная тревога: слуги, находившіеся съ лошадьми въ полѣ, поссорились между собою; услышавъ шумъ и увидавъ сверканіе сабель, челядь, находившаяся въ полѣ, засуетилась и сообщила смятеніе солдатамъ, бывшимъ въ лагерѣ; полагая, что уже наступаютъ враги, все войско бросилось къ оружію и хоругви выбѣжали опрометью на лагерную площадь. Хорунжій надворной королевской хоругви, войскій люблинскій—Михаловскій разбудилъ короля и встревожилъ его, чуть не присягая, что видѣлъ врага собственными глазами. Король приказалъ трубачу трубить тревогу и самъ, обнаживъ саблю, сталъ у входа въ свою палатку. Въ этомъ происшествіи обнаружилась исправность нашего войска и готовность его, въ случаѣ настоятельной необходимости, быстро стать въ боевой порядокъ; почти въ одно мгновеніе и пѣхота, и конница выстроились на площади. Но въ тоже время обнаружилась неумѣлость и нерадѣніе вождей, особенно-же самаго короля: онъ потревожилъ все войско сигналомъ, довѣривъ рапорту лица, не имѣвшаго вовсе опытности въ военномъ дѣлѣ, болѣе, чѣмъ увѣреніямъ войсковаго стражника, который подъ присягою ручался, что извѣстіе ложно, такъ какъ онъ расположилъ кругомъ лагеря исправно стражу и отъ нея не получалъ никакихъ тревожныхъ вѣстей. Не менѣе важная ошибка состояла въ томъ, что король вмѣсто того, чтобы похвалить исправность хоругвей, явившихся къ нему въ порядкѣ по первому сигналу, сталъ неприлично ругать всѣхъ, произнося королевскими устами площадныя слова и матерную брань, что многихъ сильно скандализировало. Когда польный гетманъ (Калиновскій) и русскій воевода (кн. Вишневецкій) стали порицать сигналъ, поданный на тревогу, утверждая, что къ средству этому должно прибѣгать лишь въ крайнемъ случаѣ, при очевидной и несомнѣнной опасности (хотя и въ такихъ случаяхъ хорошіе вожди, не желая смущать войска, предпочитаютъ собирать его другими средствами), и требовали, чтобы трубачъ былъ казненъ смертью, король отвѣтилъ: „простите его, онъ не виноватъ: я самъ далъ ему приказъ трубить". Всѣ замолчали, но происшествіе это породило въ войскѣ толки о легкомысліи и малодушіи короля. Въ это время хорунжій коронный прислалъ рапортъ отъ Суходольскаго, начальника части отряда краковскаго

воеводы, князя Доминика Заславскаго. Суходольскій стоялъ въ лагерѣ у Дубна и наблюдалъ за движеніями непріятелей; онъ извѣстилъ, что нѣсколько тысячъ козаковъ возвращаются съ добычею изъ Волыни и просилъ прислать ему подкрѣпленіе для того, чтобы онъ могъ на нихъ ударить.

Іюня 18. Мы прошли мѣстность гористую и весьма неудобную и остановились на ночлегъ у села Немировки. Ночью лагерь оберегался усиленною стражею: въ самомъ лагерѣ ее отправляло десять хоругвей подъ начальствомъ подольскаго воеводы, а въ полѣ 18 другихъ хоругвей. Распоряженіе это послѣдовало по двумъ причинамъ: первая состояла въ томъ, что король, желая знать, о чемъ ведутъ разговоры между собою плѣнный мурза и пріѣхавшій навѣстить его татаринъ, который присутствовалъ при производствѣ смотра, приказалъ найти товарища, знающаго хорошо татарскій языкъ и, переодѣвши его въ мундиръ солдата королевской стражи, отправилъ въ качествѣ часового, который обыкновенно сторожилъ мурзу въ палаткѣ. Товарищъ сталъ курить табакъ и играть въ карты съ другими солдатами и притворился, что не обращаетъ никакого вниманія на плѣнника. Татаре, видя, что всѣ солдаты одѣты въ нѣмецкое платье, говорили совершенно свободно, безъ всякой предосторожности: они разсказывали о безпорядкѣ, господствующемъ въ нашемъ войскѣ, какъ во время похода, такъ и въ лагерѣ, о медлительности и неумѣніи располагать войско въ боевой строй и о непостоянствѣ нашего военнаго совѣта, хвалили исправность козаковъ и заявляли о готовности ихъ ударить на наше войско во время похода или на ночлегѣ, смотря по обстоятельствамъ. Всѣ ихъ разговоры товарищъ внимательно выслушалъ и сообщилъ. Другая причина усиленныхъ предосторожностей состояла въ показаніяхъ нѣкоего перебѣжчика, явившагося къ намъ изъ козацкаго лагеря; онъ утверждалъ также, что козаки готовятся напасть на насъ, или ночью на стоянкѣ, или во время похода на любой переправѣ. Оба показанія были тождественны, потому рѣшено было съ того времени ограждать лагерь усиленною стражею, дабы войско не подвергалось опасности отъ нерадѣнія. Такъ какъ хорунжій коронный (Конецпольскій) ушелъ впередъ съ слишкомъ слабымъ отрядомъ, то для усиленія его былъ отправленъ ротмистръ Янъ Соколъ съ отрядомъ въ 1200 человѣкъ.

Іюня 19. Пройдя одну милю съ половиною и встрѣтивъ на пути нѣсколько весьма трудныхъ переправъ, мы расположи-

лись лагеремъ между мѣстечками Струмильцемъ и Берестечкомъ, на берегу рѣки Стыри, окаймленной по обѣ стороны широкими полосами болотъ. Здѣсь мы простояли нѣсколько дней, ожидая прихода поголовнаго ополченія дворянъ, которые на силу собирались, а также устройства переправы у Берестечка, которую король приказалъ изготовить какъ можно поспѣшнѣе.

Того-же дня прислано было извѣстіе отъ короннаго хорунжія. Получивъ подкрѣпленіе, онъ хотѣлъ совершить подвигъ для пользы Рѣчи Посполитой и снискать себѣ славу; взявъ отрядъ въ 3,500 человѣкъ, онъ направился къ Дубну, желая соединиться съ Суходольскимъ и аттаковать козаковъ, возвращавшихся съ добычею. Но, прибывъ того-же дня въ Дубно, онъ получилъ точное извѣстіе, что козаки, возвращавшіеся съ добычею изъ Олыки, направились не прямо въ лагерь Хмельницкаго, но, опасаясь встрѣчи съ нашимъ войскомъ, вмѣсто Дубна пошли къ Острогу. Хорунжій сообразилъ, что догнать ихъ невозможно, ибо они тронулись съ мѣста еще въ минувшій четвергъ, и потому, не желая напрасно утомлять войска, воздержался отъ этого предпріятія. Замѣтивъ однако, что козаки изъ лагеря Хмельницкаго постоянно снуютъ въ той мѣстности небольшими отрядами, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, собирая провіантъ по селамъ, онъ отправилъ на слѣдующій день своего ротмистра, Ѳому Стржалковскаго, съ отрядомъ въ 400 человѣкъ для ихъ истребленія. Стржалковскій въ тотъ же день наткнулся въ трехъ миляхъ отъ Дубна, въ дубенской-же волости, на небольшой таборъ, въ которомъ находилось нѣсколько сотъ козаковъ. Не смотря на храбрую защиту, онъ изрубилъ ихъ, другихъ прогналъ и, захвативъ десятка два въ плѣнъ, возвратился назадъ.

Въ тотъ-же день разъѣздъ нашъ, встрѣтивши татаръ у Почаева, былъ разгромленъ и возвратился съ извѣстіемъ или, правильнѣе, съ предположеніемъ, что ханъ уже соединился съ Хмельницкимъ, ибо татары стали отправляться въ разъѣзды, чего прежде не осмѣливались дѣлать по причинѣ своей малочисленности.

Іюня 20. Карлъ Корніактъ привелъ въ лагерь хорошую козацкую хоругвь, нанятую на его счетъ.

Пріѣхали монахи изъ почаевскаго монастыря, извѣстные измѣнники и ненавистники *ляховъ* [1]). Они просили короля дать

---

[1]) Слово это употреблено въ подлинникѣ.

имъ охранный универсалъ для безопасности отъ нашихъ солдатъ. Просьба эта вызвала толки и предположенія (о которыхъ и раньше носились слухи), будто козаки рѣшились отступить въ Украину, почему монахи и опасаются раздраженія нашего войска; другіе-же утверждали, что поступокъ монаховъ задуманъ измѣннически и предпринятъ исключительно съ тою цѣлью, чтобы увѣрить насъ въ мнимомъ отступленіи козаковъ. Вслѣдъ затѣмъ явились мѣщане изъ Вишневца съ такою-же просьбою. Они утверждали, что у нихъ въ мельницахъ ежедневно бываютъ козаки и что изъ словъ ихъ они увѣрились, что Хмельницкій рѣшилъ окончательно отступить къ Константинову или къ Маначину, объяснивъ черни, что этого требуютъ отъ него татаре, желающіе занять позицію на мѣстѣ открытомъ, болѣе удобномъ для битвы, что въ той мѣстности находятся необозримыя равнины, между тѣмъ какъ настоящая ихъ стоянка находится въ мѣстности неудобной и тѣсной. Мѣщане эти обѣщали, если имъ будетъ выданъ охранный универсалъ, черезъ каждые три дня сообщать извѣстія о движеніяхъ непріятеля.

Іюня 21. Для того, чтобы получить точныя свѣдѣнія о замыслахъ непріятеля, отправленъ былъ Середа, ротмистръ хоругви сандецкаго старосты, храбрый юнакъ, съ отрядомъ въ 700 человѣкъ; ему было поручено придвинуться къ лагерю враговъ и постараться добыть языка. Несомнѣнно, что точное извѣстіе гораздо удобнѣе было-бы получить черезъ лазутчика, не утруждая напрасно людей; языкъ можетъ быть захваченъ только изъ непріятельскаго разъѣзда или изъ числа стражи, оберегающей пасущихся лошадей; трудно ожидать, чтобы онъ могъ знать что-либо о намѣреніяхъ своихъ вождей; между тѣмъ хорошій лазутчикъ можетъ всегда проникнуть въ лагерь, придумавъ вымышленную для себя роль; онъ можетъ присутствовать на сходкахъ и совѣщаніяхъ, многое видѣть, слышать, распросить и доставить гораздо болѣе обстоятельныя извѣстія.

Іюня 22. Въ лагерь пришли двѣ хоругви старосты войницкаго Оссолинскаго: одна козацкая, другая вооруженная на иностранный ладъ. Въ тотъ-же день иностранные отряды нашего войска переправились у города на ту сторону Стыри и заняли мѣсто, предназначенное для лагеря. Вечеромъ того-же дня войсковой судья, гетманскій поручикъ, Стефанъ Чарнецкій отправился въ разъѣздъ съ отрядомъ въ 1000 рейтаръ, 500 драгунъ и 10 козацкихъ хоругвей; онъ имѣлъ въ виду приблизиться къ ла-

герю враговъ, стараться освѣдомиться о ихъ намѣреніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попытаться перехватить второй козацкій отрядъ, возвращавшійся изъ-подъ Олыки, о движеніи котораго сообщили языки. Многіе полагали, что главное побужденіе къ посылкѣ этого разъѣзда состояло въ томъ, чтобы посрамить хоружія короннаго, предпринявшаго было съ значительными силами разъѣздъ къ Дубну и возвратившагося безъ всякаго успѣха. Дай Господи, чтобы Чарнецкій былъ болѣе счастливъ.

Іюня 23. Польскіе отряды войска стали переправляться черезъ Стырь; но такъ какъ переправы устроены были плохо, то успѣла переправиться только половина отрядовъ. Пока возы переходили черезъ рѣку у города и занимали мѣста въ лагерѣ, конница и пѣхота выстроились въ полѣ, гдѣ король, не желая терять времени, располагалъ ихъ въ боевой строй по новому плану, придуманному Гофвальдомъ. Разстановка эта происходила весьма медленно и безпорядочно; лошади и люди были страшно изморены, какъ отъ палящей жары, такъ и отъ постояннаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, и цѣль не была достигнута, ибо половина войска оставалась на той сторонѣ рѣки, и притомъ многіе отряды находились въ разъѣздахъ. Не выполнивъ плана, войско возвратилось въ лагерь. Мы расположились на ночлегъ въ безпорядкѣ, въ разсыпную; еслибы непріятель подступилъ въ то время съ сколько нибудь значительными силами, то могъ-бы причинить намъ значительный уронъ; онъ могъ-бы привести въ замѣшательство любую половину нашей арміи, раздѣленной на двѣ части русломъ рѣки.

Вечеромъ приведенъ былъ языкъ, захваченный въ Кременцѣ; онъ утверждалъ, что Хмельницкій намѣренъ двинуться въ Збаражъ, а оттуда въ Ожіевцы. Такое-же извѣстіе сообщилъ калауѣ (конвойный, проводникъ) брацлавскаго воеводы; онъ заявилъ притомъ, что Хмельницкій потерялъ всякую надежду на приходъ хана; послѣдній будто проникъ было уже на довольно значительное разстояніе, но, узнавъ на пути, что калмыки собрались напасть на Крымъ, разорилъ всю Украину и повернулъ назадъ. Извѣстія эти подтверждали разсказы почаевскихъ монаховъ и мѣщанъ изъ Вишневца; но вскорѣ обнаружилось, что всѣ эти вѣсти были измышлены измѣннически съ разсчетомъ на то, чтобы вызвать у насъ безпечность. Въ тотъ-же день плѣннаго мурзу отправили въ Сокаль, а оттуда приказано было препроводить его въ Варшаву. Дворянскія ополченія стали прибывать къ арміи и располагались

на взгорьяхъ по ту сторону рѣки, въ ожиданіи, пока переправится регулярное войско. Въ тотъ-же день получено было письмо отъ подкоморія мстиславскаго, подвоеводы смоленскаго, писанное изъ Смоленска 20 іюня, объ опасности, угрожающей Литвѣ, и о вторженіи въ нее козаковъ черезъ предѣлы великаго княжества московскаго, вѣроятно съ разрѣшенія московскаго правительства. Вотъ текстъ этого письма:

„Нападеніе на Рославль, о которомъ я васъ извѣщалъ, привело къ тому, что сволочь эта заняла Рославль безъ борьбы и безъ кровопролитія, ибо находившіеся тамъ въ весьма незначительномъ количествѣ шляхтичи, а также и подстароста бѣжали изъ Рославля. Подстароста явился сюда очень посрамленный и со слезами повѣствовалъ о своемъ бѣдствіи; въ сущности винить его нельзя, ибо если бы онъ и остался на посту, то, съ помощью десятка лишь дворянъ, не могъ бы оказать сопротивленія. Прошу вашу милость доложить объ этомъ королю и вѣрить истинѣ этихъ словъ. Рославль занятъ врагами 16 іюня, ночью съ четверга на пятницу. Непріятельскій отрядъ состоитъ изъ 7,000 человѣкъ, при нихъ семь пушекъ. Всѣ они имѣютъ прекрасныхъ лошадей и сами одѣты въ бѣлыя свитки. Они прошли черезъ московскіе предѣлы и въ Брянскѣ приводили въ порядокъ свои сотни и окончательно снаряжались. Первое извѣстіе объ нихъ получено было, когда они отправили впередъ разъѣзды для собиранія провіанта. Мосты для переправъ въ московской землѣ они сами себѣ строили съ царскаго разрѣшенія. Какъ я уже писалъ о томъ вашей милости, они получили царскую грамоту къ пограничнымъ воеводамъ, разрѣшавшую пропустить ихъ еще на русскаго Николая (9 мая); но Брянскій воевода задержалъ ихъ и послалъ просить вновь царскаго распоряженія, такъ какъ наши послы находились въ то время въ столицѣ. Приказано было задержать козаковъ впредь до выѣзда пословъ, а послѣ ихъ отпуска (они уже возвратились въ Смоленскъ) пропустить. Изъ Брянска возвратился посланный туда лазутчикъ. Онъ посѣщалъ бояръ, живущихъ въ окрестности Брянска, особенно-же Леонтьева и Семеева. Послѣдняго, я полагаю, ваша милость помнитъ; вы встрѣчали его, веселящагося у меня, въ послѣднюю вашу бытность. Это человѣкъ очень хорошій; онъ передалъ мнѣ весьма обстоятельныя извѣстія. По его словамъ, по царскому указу и по распоряженію брянскаго воеводы, мѣстные бояре провожали козацкое войско. Онъ даже назвалъ лично всѣхъ бояръ, а именно провожатыми были: онъ

самъ, Тимофей Голыновъ, Федоръ Безобразовъ, Алексѣй Требашный, Константинъ Мясоѣдовъ и до двадцати другихъ, именъ которыхъ лазутчикъ не помнитъ. Изъ Брянска въ Рославль они вели козаковъ по слѣдующему маршруту: Брянскъ, Леденево, Бирощекъ, Миловники, Клевитовъ, Новоселки, Черебинъ, Хорошково, Жарево. Люстрацію войска (по московски *смотръ*) [1]) производили въ Брянскѣ въ четвергъ, т. е. 15 іюня; войска оказалось 4,000, и имъ приказано было немедленно готовиться въ походъ. Московскаго войска очень много расположено на границѣ. Послы наши не имѣли въ Москвѣ успѣха: имъ отъ имени царя данъ былъ такой отвѣтъ: „управьтесь сами со своими хлопами, а потомъ уже я вамъ окажу помощь противъ татаръ". Ясно изъ этого, на сколько искренно относятся къ намъ въ Москвѣ. Такъ какъ притомъ они не обѣщали прислать къ намъ своего посольства и постоянно поступаютъ вѣроломно, то я полагаю, что, вслѣдъ за отправкою нашихъ пословъ, слѣдуетъ ожидать вторженія ихъ войска подъ Смоленскъ. Сегодня я опять получилъ точное извѣстіе, что начальникъ этой сволочи, Тарасенко, уже разослалъ разъѣзды изъ Рославля: одинъ въ Прудки и Череповъ, лежащій въ восьми миляхъ отъ Смоленска, другой—въ Ельню и Дорогобужъ; послѣднимъ городомъ они овладѣли, захватили въ немъ пушки и запасъ пороху, склонили къ бунту всѣ окрестныя волости и намѣрены изъ Дорогобужа идти на Кричевъ, Мстиславъ, Могилевъ и Оршу и затѣмъ, овладѣвъ этими городами, покуситься взять приступомъ Смоленскъ. Пожаръ приближается къ намъ; уже хлопы у насъ бунтуютъ, а между тѣмъ я не располагаю никакими средствами защиты. Въ разъѣзды мнѣ некого послать, кромѣ козаковъ, обязанныхъ службою за земли [2]); но послѣдніе не годятся для разъѣздовъ: отправивъ ихъ, я бы только доставилъ врагамъ языковъ, ибо козаки эти на клячахъ, взятыхъ отъ сохи, не въ состояніи ничего сдѣлать и сами безъ нужды погибнутъ. Изъ числа помѣщиковъ здѣсь нѣтъ никого; они медлятъ, затѣяли созвать сеймикъ, а между тѣмъ враги уже опустошаютъ страну, овладѣваютъ селами и съ каждымъ днемъ усиливаются и становятся опаснѣе. Проводивъ посланниковъ, я намѣренъ немедленно, сегодня-же, затвориться въ замкѣ съ ничтожнымъ отрядомъ солдатъ; между тѣмъ

---

[1]) Слово это въ подлинникѣ по русски.

[2]) Въ подлинникѣ: „jeżeli nie gruntowego kozaka".

пѣхота ропщетъ, вчинаетъ распри и несогласія; я-же не имѣю ни денегъ, ни провіанта, потому не смѣю рѣшительно распорядиться и не могу положиться на солдатъ, запасъ хлѣба въ Смоленскѣ незначителенъ, словомъ: я не въ состояніи помочь бѣдѣ. Во время послѣдней осады Смоленска, запасовъ было вдоволь и ихъ свозили отовсюду. Рожь во время осады стоила шесть злотыхъ, между тѣмъ какъ теперь уже за нее платятъ больше 10 злотыхъ и слѣдуетъ ожидать постояннаго повышенія цѣнъ. Одному Богу извѣстно, кто будетъ вкушать новый хлѣбъ; урожай въ волѣ Господней и долго придется ожидать его. При казакахъ находится отрядъ въ 600 всадниковъ московскихъ татаръ. Благоволите, ваша милость, извѣстить обо всемъ этомъ немедленно короля и гетмановъ, не колеблясь и не сомнѣваясь въ достовѣрности этихъ извѣстій. Я вполнѣ беру на себя отвѣтственность и потому благоволите немедленно сообщить королю все содержаніе этого письма“.

Въ тотъ-же день получены извѣстія о возстаніяхъ хлоповъ какъ въ великой Польшѣ, такъ и въ Подгоріи, возлѣ Кракова, подстрекаемыхъ разными лицами, вѣроятно подосланными Хмельницкимъ съ тою цѣлью, чтобы отвлечь наши силы бунтами, вспыхивающими въ разныхъ мѣстностяхъ. Прежде всего получены слѣдующія показанія, отобранныя на допросѣ въ Любачевѣ [1]) отъ арестованныхъ измѣнниковъ, главнымъ же образомъ отъ Андрушки Ворожбитовича изъ Подымщины:

„Въ пятницу послѣ дня святой Троицы, т. е. 2-го іюня 1651 года. Годъ тому назадъ передъ жнивами я ушелъ изъ дому по причинѣ долговъ, и отправился въ Езерну и въ Зборовъ; на пути меня встрѣтилъ мой близкій родственникъ, священникъ Яцко Пицунъ изъ Жукова, проживающій нынѣ въ селѣ Иваницы, въ окрестности Гадяча. Онъ спросилъ меня: „куда ты ходилъ?“ Я отвѣтилъ: „въ Зборовъ и въ Езерну“. Онъ мнѣ сказалъ: „садись на мою повозку! Я хотѣлъ было навѣстить брата въ Жуковѣ, но раздумалъ;—ѣздить туда опасно“. Я поѣхалъ съ нимъ и прожилъ въ его домѣ до Пасхи, а къ Свѣтлому Воскресенію я отправился въ Кіевъ. Изъ Кіева пошелъ въ Васильковъ, гдѣ гостилъ въ теченіи недѣли у родственниковъ, откуда отправился въ Паволочь и тамъ оставался три дня въ домѣ моего шурина;

---

[1]) Любачевъ городъ, принадлежавшій къ белзскому воеводству, нынѣ находится въ жолковскомъ округѣ Галиціи. Зборовъ и Езерна—мѣстечка въ злочевскомъ округѣ.

въ Паволочь въ то время собирался кіевскій полкъ, въ составѣ котораго было болѣе 2,000 человѣкъ; я слышалъ, что они собирались въ походъ въ Литву. Изъ Паволочи я вышелъ вмѣстѣ съ двумя товарищами; мы отправились въ Любаръ, а оттуда на Волынь; здѣсь насъ ограбили козаки, но потомъ въ числѣ ихъ встрѣтился мой знакомый Яцко Мутянка изъ Цѣшанова; онъ узналъ меня, возвратилъ намъ всѣ отнятыя вещи и пригласилъ съ собою въ Тарнополь. Мы пришли въ козацкій лагерь Хмельницкаго, расположенный между Тарнополемъ и Езерною. Оттуда мы отправились въ Сассовъ[1]) вмѣстѣ съ Яцкомъ, заявившимъ, что онъ пойдетъ съ нами навѣстить своего брата, живущаго въ Сассовѣ. Едва мы вышли въ поле, на насъ напалъ отрядъ волоховъ, которые меня взяли въ плѣнъ, товарищи-же мои убѣжали къ козакамъ". — Все это Ворожбитовичъ показалъ на предварительномъ допросѣ, но потомъ, когда его подвергли пыткѣ, сказалъ, что священникъ Пицунъ отправилъ его на родину съ тою цѣлью, чтобы онъ уговорилъ братьевъ и родственниковъ священника переселиться въ Украину, а проживающій въ Гадячѣ Яцковскій далъ ему такое-же порученіе къ своему сыну, что Яцко Мутянка, козакъ изъ Цѣшанова, похвалялся переселить въ Украину своихъ братьевъ, а священникъ Пицунъ говорилъ ему о томъ, что Хмельницкій послалъ приглашать къ себѣ орду, что онъ отъ Яцка Мутянки слышалъ, будто Хмельницкій отправилъ въ Польшу 150 шпіоновъ, переодѣтыхъ нищими, а козаки полка Богуна сказывали ему, что имъ приказано было двигаться вдоль по берегу Днѣстра, вмѣстѣ съ другимъ отрядомъ козацкимъ въ 4000 человѣкъ и съ половиною татаръ, бывшихъ при Хмельницкомъ, стараясь истребить польское войско, стоявшее у Каменца, что въ Литву отправили другую половину орды съ Васькомъ Чегринцемъ, что туда-же посланъ былъ и Крыса, но послѣднему потомъ приказано было возвратиться и что сынъ Хмельницкаго остался дома и долженъ дождаться прихода орды и прійти вмѣстѣ съ нею. Козаки говорили ему также, что великій коронный гетманъ посылалъ въ орду гонца съ цѣлью отклонить хана отъ союза съ Хмельницкимъ; но татаре не обратили на это вниманія и отвѣтили, что постараются гетмана вторично взять въ плѣнъ. О польномъ гетманѣ Калиновскомъ они выра-

---

[1]) Сассовъ мѣстечко въ злочевскомъ округѣ.

жались такъ: „его если-бы мы и захватили, то отпустили-бъ, потому что онъ хорошій человѣкъ“.—О королѣ, по словамъ ихъ, татары выражались съ озлобленіемъ, упрекали его въ нарушеніи мира, подтвержденнаго присягою и угрожали въ отмщеніе перерѣзать поголовно все народонаселеніе въ его владѣніяхъ.—Эти угрозы татаръ побудили, будто, главнымъ образомъ подсудимаго выйти изъ козацкаго лагеря, такъ какъ онъ желалъ предупредить своего отца объ угрожавшей опасности. Далѣе онъ показалъ: Яцко Мутянка говорилъ ему, что онъ разъ уже поджегъ замокъ въ Цѣшановѣ и намѣренъ поджечь оный вторично, равно какъ и городскія постройки, а Яцковскій похвалялся, что когда онъ отправится въ походъ, то будетъ искать случая, чтобы захватить въ плѣнъ белзскаго старосту. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ допрашиваемый оговорилъ слѣдующихъ лицъ: какого-то подмастерія портного изъ Любачева, имя котораго онъ забылъ,—Чупчаковскаго, Мотычина и Кашуба изъ села Брусьня, четырехъ крестьянъ изъ села Басьни, названій которыхъ не помнитъ, Грыцька Поповича изъ Ловчи, Данилика изъ Подымщины, Андрушка изъ Цеблева, Андрушка изъ Тушкова, Андрушка и Хведька изъ Жабца, которые похвалялись, что уже дважды поджигали городъ Белзъ и намѣрены были вновь оный поджечь,—Ивана Вычинскаго, слугу пана Домарадзкаго изъ Жолкви, который въ числѣ другихъ долженъ былъ отправиться въ окрестности Ярославля, Якова Поляка изъ Олыки, который пошелъ въ Люблинъ, двухъ жителей изъ Перемышля, которые отправились въ Краковъ. По словамъ допрашиваемаго, онъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами Андрушкомъ и Хведькомъ изъ Жабца, имѣлъ порученіе отправиться черезъ Мосты въ Белзъ, всѣмъ поименованнымъ лицамъ поручено было подстрекать народъ къ возстанію и жечь города; сборный пунктъ для нихъ назначенъ былъ въ окрестности Замостья, руководителемъ же всѣхъ состоялъ священникъ Андрей изъ Цѣшанова—онъ каждому указывалъ маршрутъ и направленіе пути, поручалъ все внимательно наблюдать и возвращаться въ лагерь Хмельницкаго. О Яцкѣ Мутянкѣ прибавилъ, что тотъ уговаривалъ ихъ взять въ плѣнъ белзскаго старосту, если они его застигнутъ въ Цѣшановѣ. О козацкомъ войскѣ показалъ, что оно очень многочисленно и что орда еще не пришла; исчислилъ 12 полковъ, а именно: 1) Полкъ чигиринскій Хмельницкаго, 2) полкъ изъ Варвы — полковникъ Косачъ, 3) полкъ черкасскій — полковникъ Иванъ Маткевичъ, 4) полкъ уманскій—полковникъ Григорій Державловскій, 5) полкъ бѣлоцер-

ковскій—полковникъ Грушка, 6) полкъ Богуна, 7) полкъ Кривоносика, 8) полкъ изъ Сахновки—полковникъ Гаркуша, 9) полкъ корсунскій—полковникъ старый Андрей Губайло, 10) полкъ паволоцкій — полковникъ Войтъ, 11) полкъ хвастовскій — полковникъ Иванъ Дзикъ, 12) полкъ боровицкій—полковникъ Хведько.

Вслѣдъ затѣмъ изъ Великой Польши получено было извѣстіе о такомъ-же подстрекательствѣ къ бунту; оно заключалось въ письмѣ отъ пана Твардовскаго, намѣстника познанскаго епископа. Письмо писано въ Калишѣ 4 іюня. Оно слѣдующаго содержанія: „Хоругвь познанскаго кастеляна доставила намъ сюда арестанта, задержаннаго паномъ Недзвѣдзкимъ, арендымъ владѣльцемъ села Кроликовецъ. Онъ назвалъ себя шляхтичемъ Сѣрадзкаго воеводства, Радомскаго повѣта, по фамиліи Кулаковскимъ; мать его, урожденная Вольская, пользуется гербомъ—разщепленная стрѣла. Онъ служилъ прежде въ войскѣ челядникомъ у разныхъ пановъ, въ послѣднее время у старосты Бржезинскаго во время похода подъ Пиляву, а потомъ у пана Гойскаго, въ хоругви Бутлера, квартировавшей въ Острешовѣ; послѣ Зборовскаго похода онъ заболѣлъ и былъ оставленъ хоругвью. Въ это время съ нимъ встрѣтился нѣкто Петръ Гржыбовскій, который сказывалъ о себѣ, будто онъ возвратился изъ татарскаго плѣна и собираетъ милостыню для уплаты выкупа; въ удостовѣреніе этого Гржыбовскій имѣлъ свидѣтельство отъ коронныхъ гетмановъ за ихъ подписями и печатями, но свидѣтельство это было, вѣроятно, подложно, такъ какъ онъ его не показывалъ въ шляхетскихъ домахъ, а лишь тамъ только, гдѣ пановъ не было: въ селахъ, городахъ и мѣстечкахъ или при встрѣчѣ съ людьми необразованными и неопытными. Гржыбовскій пригласилъ Кулаковскаго идти вмѣстѣ; передъ масляною они пришли въ Познань и тамъ остановились на квартирѣ въ рынкѣ, въ маленькомъ домѣ Якова Колодѣя, куда собралась цѣлая компанія неизвѣстныхъ лицъ. Гржыбовскій, напоивъ Кулаковскаго, предложилъ ему поступить въ ихъ общество, обѣщая богатую добычу и впослѣдствіи награду, если онъ согласится стать съ нимъ за одно, если будетъ соблюдать тайну и приметъ дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ. Кулаковскій изъявилъ согласіе и подтвердилъ оное присягою. Дѣятельность членовъ компаніи должна была состоять въ слѣдующемъ: притворяясь нищими, освѣдомляться о состояніи и зажиточности шляхетскихъ дворовъ и подстрекать крестьянъ къ возстанію противъ пановъ, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ власть послѣднихъ была особенно тяжела,

какъ, напримѣръ, въ мѣстности между Позианемъ и Межиричемъ. Гржыбовскій сообщилъ ему, что подъ его начальствомъ въ Великой Польшѣ находится 80 человѣкъ, во всей же Польшѣ до 2,000 подъ главнымъ начальствомъ какого-то полковника Стасенка. Кромѣ Гржыбовскаго, онъ зналъ еще до 20 лицъ изъ его компаніи, но по большей части не знаетъ ихъ именъ; онъ могъ назвать только слѣдующихъ: двухъ Островскихъ—старшій изъ нихъ имѣетъ большую черную бороду, ѣздитъ въ повозкѣ на сѣрой лошади и показываетъ двухъ обезьянъ, изъ которыхъ одна, большая и слѣпая, пріучена просить милостыню; другой Островскій моложе и называетъ старшаго дядею. Кромѣ того допрашиваемый назвалъ Островенцкаго и Пясецкаго, которыхъ ростъ, тѣлосложеніе и примѣты подробно описалъ; другихъ фамилій не припомнилъ. Всѣ они условились, послѣ того какъ поголовное ополченіе дворянъ тронется въ походъ, собраться въ мѣстности между селомъ познанскаго епископа—Ціонженемъ и лѣсомъ, принадлежащимъ аббату Ляндскому—въ деревняхъ: Ковалевкѣ, Ярошинѣ, Ляндкѣ и Воли. Тамъ они устроятъ совѣщаніе и отправятся въ разныя мѣста по указанію Гржыбовскаго. Они пріймутся тогда поджигать гумна, села и города, грабить дома и дворы шляхтичей, бунтовать хлоповъ, словомъ: творить всякое зло. Онъ сообщилъ слѣдующія примѣты предателей: Гржыбовскій—мужчина рослый, среднихъ лѣтъ, лице покрыто оспинками, усы черные, волосы острижены въ кружекъ; онъ не владѣетъ двумя пальцами лѣвой руки: указательный торчитъ неподвижно и не сгибается, мизинецъ-же согнутъ контрактурою; у конца лѣвой брови черный шрамъ отъ залѣченной раны. Пясецкій человѣкъ рослый, лѣтъ около 40; лѣвое плечо у него выше праваго, женатъ, разъѣзжаетъ въ повозкѣ на бѣлой лошади. Младшій Островскій также большого росту, не владѣетъ правою рукою.

Вчера мы судили Кулаковскаго согласно всѣмъ предписаніямъ закона и приговорили подвергнуть его пыткѣ.

Изъ письма пана Адама Недзвѣдзкаго отъ 7 іюня изъ Кроликовецъ видно, что въ лѣсу у Кроликовецъ предатели стали собираться и укрѣпляютъ валами свою стоянку. Числомъ они достистигаютъ 2,000, ротмистромъ ихъ состоитъ Гржыбовскій; многіе ходятъ въ одеждѣ пилигримовъ, ксендзовъ и даже женщинъ и высматриваютъ нужное. Они сожгли уже нѣсколько мельницъ.

Получены новыя письма изъ Литвы, въ которыхъ извѣщаютъ, что нѣкто Фокса (sic), посланный Хмельницкимъ для того, чтобы поднять крестьянское возстаніе, идетъ на Могилевъ съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ. Извѣстіе это сильно встревожило короля и весь дворъ.

(Продолженіе будетъ).

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

(Приложеніе къ статьѣ: Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ. «Кіев. Ст.» февр. и март. кн. 1882 г.).

(Окончаніе).

Олыцкія подъокружныя школы, академическія, о трехъ учителяхъ.

Проректоръ ксендзъ Матвѣй Романевскій, олыцкій (каѳедральный) схоластикъ.

Учители: 1 кл. ксендзъ Иванъ Хмѣлевскій,

„ математики и физики Иванъ Лучинскій,

„ краснорѣчія и права ксендзъ Уловичъ.

Осмотръ этихъ школъ производилъ ксендзъ Эдмундъ Попель-Брошніовскій, докторъ богословія и философіи, проректоръ луцкихъ школъ, на правахъ уполномоченнаго визитатора. Осмотръ начатъ 5, оконченъ 8 іюля 1789 г. Вотъ какъ онъ пишетъ объ этомъ:

Объ осмотрѣ объявлено въ засѣданіи.

Всѣхъ учениковъ 54 [1]).

Осмотръ классовъ. Въ присутствіи нѣсколькихъ почетныхъ лицъ (фамиліи которыхъ означены въ рапортѣ), послѣ обычной рѣчи, началъ осмотромъ 1 класса, продолжавшимся 3 часа. На математику употреблено болѣе трехъ часовъ, на физику и право около 4 часовъ (о всѣхъ предметахъ во всѣхъ классахъ говорится въ рапортѣ съ похвалою учителямъ).

Учители, при усиленной заботливости ксендза проректора, стараются, насколько можно, поставить обученіе на ту точку,

---

[1]) Въ 1786 г. было здѣсь 106 учениковъ, а въ 1792 г. 100. Въ разсматриваемое время сокращеніе числа учениковъ зависѣло отъ плохаго состава учителей, хотя визитаторъ и хвалитъ ихъ, какъ бывшихъ своихъ учениковъ, и отъ отсутствія преподавателей иностранныхъ языковъ.

на которой оно стоитъ всюду. Говорю: *насколько можно,* потому что, не имѣя никакихъ математическихъ приборовъ, они не могутъ заниматься практической геометріей, или—когда ни учители, ни ученики не имѣютъ ни одного циркула, то нельзя заниматься рисованіемъ. Ксендзъ-схоластикъ пропректоръ, просвѣщенный и весьма заботливый о пользѣ учениковъ и объ исполненіи всѣхъ установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, даетъ для пользованія (pożycza) собственныя географическія карты. Учитель краснорѣчія и права, ксендзъ Уловичъ, бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1787 году, человѣкъ степенный, старательный и довольно способный. Учитель математики и физики, ксендзъ Лучинскій, такъ же бывшій ученикъ луцкихъ школъ, получившій медаль въ 1786 году, имѣетъ хорошія способности къ этому предмету, старателенъ, степененъ, обучалъ этимъ предметамъ два года. Нынѣ онъ слушаетъ лекціи въ главной школѣ. Учитель 1 класса ксендзъ Янъ Хмѣлевскій учитъ другой годъ. Онъ уже не способенъ къ преподаванію, къ тому же заикается; но на жалованье въ 1020 злотыхъ лучшаго нельзя найти.

Окончивъ осмотръ классовъ, я объявилъ ученикамъ, что фамиліи болѣе старательныхъ изъ нихъ я помѣщу въ рапортѣ; тѣмъ, которые не ровно занимались, я сказалъ, что фамиліи ихъ тогда только будутъ напечатаны и отечество тогда только будетъ видѣть въ нихъ опору, когда они хорошо окончатъ курсъ ученія: пускай и ждутъ этого въ силу того только, что когда то хорошо начали оное.

Школьныя записи. Минуя другія книги, которыя мною подписаны, скажу только о слѣдующихъ: въ книгу мѣсячныхъ экзаменовъ вносимы были только фамиліи найболѣе старательныхъ учениковъ,—я указалъ, какъ нужно вести записи въ ней; книги объ особыхъ событіяхъ и происшествіяхъ [1]) не имѣется,—ксендзъ-схоластикъ пропректоръ объясняетъ, что въ мѣстечкѣ, какъ Олыка, кромѣ торговъ и ярмарокъ, ничего замѣчательнаго не бываетъ.

Личныя бесѣды. Я имѣлъ особыя бесѣды съ гг. служащими, начиная съ ксендза-схоластика пропректора. Изъ нихъ я узналъ, что на будущій годъ математика останется безъ учителя. Объ

---

[1]) Рекомендовавъ уставъ. Многіе не понимали, что именно нужно вносить въ эту книгу.

этомъ я тотчасъ письменно донесъ главной школѣ; но на скудное жалованье въ 200[1]) злотыхъ, вмѣстѣ за математику и физику, она не могла прислать въ Олыку учителя.

Богослуженіе производится по уставу.

Иностранные языки. Одинъ изъ директоровъ, прибывшій изъ-за цесарской (австрійской) границы, обучаетъ нѣмецкому языку. Такъ какъ онъ училъ не по обязанности и безъ опредѣленныхъ условій, то просилъ, чтобы ученики что-нибудь заплатили ему за его трудъ. Но это не состоялось, а потому онъ обучаетъ теперь только двухъ учениковъ. Этотъ директоръ имѣетъ произношеніе *австрійское,* говоритъ по навыку, учить правиламъ языка не умѣетъ.

Экзамены частные и публичные. Экзамены производятся ежемѣсячно. Одинъ изъ нихъ былъ опущенъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по причинѣ тревоги въ краѣ и приближавшихся праздниковъ (Пасхи). На публичныхъ испытаніяхъ обыкновенно бываютъ тѣ гости, которые присутствовали и на испытаніи во время визитаціи. Больше ихъ и ожидать нельзя въ неуѣздномъ городкѣ.

Физическое воспитаніе. Во время рекреацій дѣти играютъ въ мячъ, бѣгаютъ до назначенной меты. Въ теченіе года всѣ пользовались здоровьемъ.

Директоры оказываютъ должное уваженіе учителямъ, представляютъ мѣсячные рапорты, провожаютъ дѣтей въ школы и въ костелъ.

Ученики награжденные медалями. Хотя ученикъ III класса Григорій Лопуховичъ не изъ лучшихъ въ математикѣ, но принявъ во вниманіе, что это произошло не по недостатку прилежанія въ немъ, а по недостаточности первоначальныхъ основаній въ этомъ предметѣ, вынесенныхъ изъ низшихъ классовъ,—что все собраніе учителей засвидѣтельствовало объ усиленномъ стараніи его въ настоящее время и отлично рекомендовало его въ поведеніи,—что въ прочихъ предметахъ, какъ я самъ убѣдился, онъ значительно успѣлъ, вслѣдствіе сего, уважая болѣе усиленное трудолюбіе, чѣмъ таланты, часто безплодные, я назначилъ ему (серебренную) медаль его королевской милости, вмѣстѣ съ Дезидеріемъ Тачановскимъ, ученикомъ II класса.

---

[1]) Т. е. за вычетомъ суммы, положенной на общій столъ.

Пособія образованію. Фундаторы олыцкихъ школъ, кн. Радзивиллы, назначили въ пользованіе ихъ бенефиціи: колковскую, ямпольскую и казимиржецкую; но луцкіе епископы воспротивились этому, и бенефиціи остались въ исключительномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ, кромѣ казимиржецкой, на которую назначеніе зависитъ отъ коллегіата (школъ). По сношенію пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія съ кн. Радзивиллами и съ луцкимъ епископомъ, можно бы возвратить школамъ бенефиціи колковскую и казимиржецкую, доходы съ которыхъ поступали бы частію поссесорамъ (изъ учителей, получающихъ ихъ въ награду), частію на викарныхъ (священниковъ). Ямпольская бенефиція, какъ далеко отстоящая отъ школъ, именно въ кременецкомъ повѣтѣ, не могла-бы быть полезна для этой цѣли.

Распоряженія. 1) На основаніи постановленія пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, собраніе учителей, по знакомству съ родителями учениковъ, имѣетъ убѣждать ихъ вносить плату, слѣдуемую директорамъ, на руки начальника школъ, выставляя имъ въ томъ собственную ихъ и дѣтей ихъ пользу. 2) Учители обязаны ежемѣсячно исповѣдываться въ установленные для этого дни. 3) Ксендзъ и проректоръ имѣютъ заблаговременно предъ началомъ учебнаго года представить въ главную школу для утвержденія вѣдомость объ учителяхъ, избранныхъ на слѣдующій годъ. 4) Подтверждено распоряженіе прошлогодней визиты (пунктъ 2), о томъ, чтобы учитель краснорѣчія разговаривалъ съ учениками, а ученики III класса говорили съ нимъ и между собою не иначе, какъ на языкѣ латинскомъ [1]).

Желанія. Собраніе служащихъ проситъ поспѣшить изданіемъ учебниковъ и увеличить ихъ содержаніе. Вслѣдствіе скуднаго жалованья, въ 200 злотыхъ, учитель математики ксендзъ Янъ Лучинскій отказывается отъ дальнѣйшей службы. Ксендзъ проректоръ доселѣ получалъ добавочныхъ 100 злотыхъ, — на дальнѣйшее время ему отказано въ этой прибавкѣ...

---

[1]) Шляхта, болѣе и болѣе недовольная правительствомъ и принимавшая угрожающее положеніе, поколебала наконецъ стойкость коммисіи просвѣщенія. Въ 1788 г. въ угоду ей, предписано старшимъ ученикамъ говорить полатыни. Въ концѣ 1789 года она „разрѣшила“ побуждать къ тому же и учениковъ низшихъ классовъ! При поверхностномъ грамматическомъ изученіи языка, можно судить, что за латынь являлась въ говорѣ учениковъ! Она далеко должна была перещеголять латынь іезуитскую...

Владимірскія [1]) *подъокружныя школы базиліанскія, о шести учителяхъ.*

Ректоръ *коллегіи* (т. е. не только школъ, но монастырей, имѣній и проч.), проректоръ школъ ксендзъ Александръ Баранскій.

---

1) Лукашевичъ, какъ и авторы: *Starożytna Polska*, ничего не знаютъ о происхожденіи этихъ школъ. Между тѣмъ это одна изъ древнѣйшихъ русскихъ школъ на югѣ Руси, какъ это дознано по мѣстнымъ документамъ визитаторомъ 1788 года. По словамъ его (въ визитѣ) школы во Владимірѣ основаны стараніемъ и иждивеніемъ брестскаго каштеляна Ипатія Поцея, скоро за симъ принявшаго санъ епископа владимірскаго, въ которомъ онъ пріобрѣлъ такую грустную извѣстность въ исторіи православной церкви и русскаго народа. Въ 1595 году Поцей исходатайствовалъ для этихъ школъ привиллегію Сигизмунда III и поручилъ ее монахамъ чина св. Василія. Помѣщеніе для этихъ школъ онъ отвелъ въ каѳедральныхъ зданіяхъ и содержалъ ихъ на счетъ своихъ доходовъ. Умирая онъ завѣщалъ имъ 3500 злотыхъ. Епископы, преемники Поцея, Глинскій и Залѣсскій продолжали содержать эти школы такъ же на свой счетъ, но постояннаго фундуша не назначили для нихъ. Должно полагать, что затѣмъ устроенный базиліанскій орденъ, принявъ въ свое вѣдѣніе эти школы, содержалъ ихъ изъ своихъ средствъ. Что обученіе въ этихъ школахъ не прекращалось, это извѣстно изъ привиллегіи, данной владимірскимъ базиліанскимъ школамъ Августомъ III въ 1746 году и свидѣтельствующей, что владимірскіе базиліане издавна (od niemałego czasu) содержатъ школы и „учатъ дѣтей шляхетскихъ хорошо, старательно, съ немалою пользою". Въ 1768 году король Станиславъ Понятовскій подтвердилъ эти привиллегіи. Послѣ перваго раздѣла Польши владимірскіе базиліане потеряли почти все, чѣмъ въ послѣднее время надѣляли ихъ благотворители: земельныя угодья ихъ отошли къ Австріи, войска которой притомъ забрали у нихъ провизіи на 15 тысячъ злотыхъ. Въ 1782 въ первый разъ осмотрѣлъ эти школы визитаторъ коммисіи просвѣщенія Головчичъ. Онъ нашелъ въ нихъ: учителей съ префектомъ 5, классовъ 4, учениковъ 380, помѣщенія деревянныя, никуда негодныя, фундушъ крайне убогій; не было ни книгъ, ни геометрическихъ снарядовъ; Альваръ господствовалъ надъ всѣмъ обученіемъ. (Archivum, Краковъ. 1877 г. кн. 1, стр. 38—40). Коммисія просвѣщенія обратилась съ просьбой къ фундаторкѣ бывшей владимірской іезуитской миссіи подарить мѣстнымъ школамъ по-іезуитскій костелъ. Но вѣрная своимъ духовнымъ отцамъ, фундаторка Садовская объявила, что она лучше желаетъ видѣть этотъ костелъ въ развалинахъ, чѣмъ въ рукахъ не-іезуитовъ. Наконецъ въ 1786 году Садовская убѣдилась въ своемъ напрасномъ ожиданіи возвращенія іезуитовъ и уступила костелъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они выстроили новый домъ для школъ. Коммисія просвѣщенія съ своей стороны назначила въ пособіе этимъ школамъ 2000 злотыхъ. Дѣятельность базиліанъ оживилась, какъ оживилась она и всюду подъ вліяніемъ неприязни польско-католической, особенно проэкта 1787 года объ уничтоженіи православія и уніи. Не смотря на свои крайне скудныя средства, владимірскіе базиліане съумѣли поставить свои школы такъ, что онѣ стояли на ряду съ кременецкими, считавшимися найлучшими на Волыни и Украйнѣ, учредили 6 классовъ съ 6 учителями, завели преподаваніе не только нѣмецкаго и французскаго, но италіанскаго и англицкаго языковъ, и привлекали въ свои школы весьма

Проповѣдникъ и вице-ректоръ ксендзъ Аврелій Сулятицкій.

Префектъ школъ ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, состоитъ вмѣстѣ и учителемъ физики, а также языковъ итальянскаго и аглицкаго.

Учители: I класса ксендзъ Макарій Гибинскій,
„ II „ ксендзъ Іассонъ Гедройцъ,
„ математики—ксендзъ Іосафатъ Слободскій,
„ физики—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ, префектъ,
„ нравственности и права—ксендзъ Амвросій Калиновскій.

Преподаватели: языковъ нѣмецкаго и славянскаго—ксендзъ Амвросій Калиновскій, учитель права;
„ французскаго — ксендзъ Иларіонъ Хмѣлевскій, учитель краснорѣчія;
„ итальянскаго и аглицкаго—ксендзъ Юліанъ Антоновичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ Брошніовскимъ (Попелемъ), проректоромъ луцкихъ школъ, уполномоченнымъ со стороны генеральнаго визитатора,—начатъ 25, оконченъ 29 іюня. Ксендзъ Брошніовскій объявилъ о своемъ полномочіи въ собраніи служащихъ, на которомъ распрашивалъ обо всемъ, что относится къ преподаванію, а на другой день приступилъ къ осмотру классовъ. Объ этомъ и о дальнѣйшихъ своихъ занятіяхъ онъ пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее.

Осмотръ классовъ. Число учениковъ—337. Хотя это число учениковъ было отъ начала учебнаго года, однако при посѣщеніи мною классовъ ихъ оказалось всего 259. Уменьшеніе учениковъ произошло по случаю поступленія однихъ въ военную службу и отъѣзда другихъ въ домы родителей, вслѣдствіе тревоги, произведенной на Волыни частію извѣстіями о готовившемся бунтѣ, частію насильными вербунками. Добровольно поступило въ военную службу 14 учениковъ.

значительное число учениковъ. Король Станиславъ Понятовскій посѣтилъ эти школы въ 1787 году по дорогѣ въ Каневъ; ученики привѣтствовали его здѣсь на шести языкахъ (исключая русскаго!). Владимірскіе базиліане, польщенные этимъ визитомъ, съ особеннымъ рвеніемъ стали заботиться о патріотизмѣ учениковъ.

Испытаніе учениковъ 1 класса продолжалось три съ половиною часа. По предметамъ религіи я спрашивалъ всѣхъ учениковъ, по прочимъ предметамъ—только лучшихъ изъ нихъ, по особому списку, составленному для этого учителемъ. Иногда я спрашивалъ и такихъ, которые не были помѣщены въ этомъ спискѣ, для убѣжденія, дѣйствительно-ли они мало успѣли. Тѣмъ, которые не отвѣчали на вопросы, я выставлялъ на видъ, какъ не хорошо находиться въ средѣ не успѣвающихъ, а напротивъ для отвѣчавшихъ удовлетворительно я не щадилъ похвалъ. Кромѣ испытанія въ наукахъ я просматривалъ тетради чистописанія и нашелъ, что многіе изъ учениковъ имѣютъ начатки хорошаго письма. Испытаніе II и III классовъ продолжалось по три часа, IV—четыре часа, V—три съ половиною часа, VI класса, наименьшаго по числу учениковъ, два часа.

Префектъ и учители. Префектъ ксендзъ Антоновичъ уже десять лѣтъ служитъ въ школахъ. Онъ—просвѣщенный и трудолюбивый человѣкъ. Я исполнилъ порученіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія и выразилъ ректору Баранскому ея почтеніе и память о немъ [1]. Мнѣ кажется, что на будущій годъ слѣдовало-бы оказать подобное вниманіе и ксендзу префекту, достойному того, такъ какъ все управленіе школами и весь порядокъ въ нихъ отъ него зависятъ и имъ поддерживаются, хотя онъ и обязанъ докладами ректору. Исполненіе двухъ обязанностей—префекта и учителя физики и естественной исторіи, особенно-же преподава-

[1]) Мы не знаемъ, откуда такое вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору. Всѣ визитаторы отзываются, что ректоры базиліанскихъ коллегій почти не занимаются школами, а только интересами своего ордена, и часто не присутствуютъ при визитаціяхъ. Надзоръ надъ школами принадлежитъ префекту. Визитаторъ 1788 года весьма невыгодно отзывается о состояніи преподаванія и успѣховъ въ владимірскихъ школахъ. По отзыву его, первый классъ оказался совсѣмъ плохъ; второй классъ—лучше перваго, но въ ариеметикѣ также плохъ. Прочіе классы брали только памятью, безъ всякаго пониманія. Ученики не имѣли почти никакихъ свѣдѣній по исторіи и праву и „самъ учитель не знакомъ съ естественнымъ правомъ", такъ что визитаторъ долженъ былъ долго наставлять его въ понятіи объ этомъ предметѣ и указать источники для преподаванія его. Но визитаторъ съ большею похвалою отозвался о военной выправкѣ учениковъ. „Ни въ одной школѣ я не видѣлъ такого совершенства въ физическомъ воспитаніи, какъ здѣсь. Военныя упражненія учениковъ представляли прекрасный видъ и, по мнѣнію офицеровъ, присутствовавшихъ при этомъ вмѣстѣ со мною, производимы были съ точностью". Не этотъ ли отзывъ о военныхъ упражненіяхъ вызвалъ лестное вниманіе коммисіи просвѣщенія къ ректору?

теля аглицкаго и итальянскаго языковъ— не легко для него. Я совѣтовалъ ему ходатайствовать предъ своимъ орденскимъ начальствомъ объ увольненіи его отъ учительскихъ обязанностей и оставленіи при одной префекторской должности. Онъ сказалъ, что и самъ объ этомъ думаетъ. Если орденское начальство не согласится на просьбу его, по скудости суммъ, то помогло-бы представленіе со стороны главной школы. Имѣя больше времени, онъ могъ бы посвятить его на физическіе опыты и наблюденія. Вслѣдствіе заботливости его о томъ, чтобы доказать обывателямъ достоинства вышѣшняго образованія, учители усердно трудятся надъ образованіемъ молодежи.

Учитель 1 кл., мнѣ кажется, имѣетъ среднія способности, если только неясность и медленность въ отвѣтахъ учениковъ не происходила отъ несмѣлости, вслѣдствіе перваго опыта ихъ въ этой практикѣ (отвѣтомъ предъ визитаторомъ).

Учитель красноречія показалъ отличныя способности въ этомъ предметѣ и трудолюбіе. Учитель права показалъ меньше чѣмъ среднія способности; но онъ очень старателенъ, что доказалъ, какъ обиліемъ матеріала, преподаннаго ученикамъ, такъ и успѣхами учениковъ.

Иностранные языки. На испытаніе въ этихъ предметахъ посвящено было полтора часа. Преподаватель нѣмецкаго языка показался мнѣ мало знающимъ свой предметъ; успѣхи учениковъ въ этомъ предметѣ вѣроятно зависятъ отъ прежнихъ преподавателей. Въ французскомъ языкѣ ученики достаточно успѣли. Преподаватель довольно хорошо знаетъ этотъ языкъ. Переводили съ аглицкаго и итальянскаго подъ руководствомъ ксендза префекта Антоновича, который, по свидѣтельству многихъ знатоковъ, отлично знаетъ эти языки. Читали скоропись славянскую и русское (!) письмо. Аглицкому языку учится только одинъ ученикъ, прочимъ—по нѣскольку десятковъ. Найболѣе успѣвшіе въ языкахъ показаны мною въ особомъ приложеніи.

По окончаніи испытанія учениковъ, продолжавшагося болѣе двадцати часовъ, поздравивши лучшихъ учениковъ (съ отличіемъ), пожелавъ имъ найбольшихъ успѣховъ и увѣривъ ихъ въ несомнѣнной пользѣ ученія въ будущемъ, я объявилъ ученикамъ, что охотно приму всякаго изъ нихъ въ слѣдующій день, если кто-либо изъ нихъ пожелаетъ заявить мнѣ о какихъ-либо своихъ нуждахъ. Однако ни одинъ ученикъ не пришелъ, кромѣ двухъ, которые въ то время, какъ я уже выѣзжалъ изъ города, оста-

новили меня въ предмѣстьи на дорогѣ и просили о перемѣщеніи ихъ въ луцкія школы, что одноко я отложилъ на дальнѣйшее время.

Кандидаты. Ни одинъ изъ учениковъ не выразилъ желанія приготовляться къ поступленію въ академическое сословіе (на учебную службу). Предъ самымъ отъѣздомъ моимъ изъ Владиміра, ксендзъ префектъ доложилъ мнѣ объ одномъ ученикѣ, желающемъ приготовить себя къ учительской службѣ. Но, не нашедши этого ученика въ спискѣ найболѣе успѣвшихъ и избранныхъ мною для награжденія, я не хотѣлъ помѣстить его въ своемъ рапортѣ. Префектъ объяснялъ незначительный успѣхъ его въ этомъ году тѣмъ, что онъ долго болѣлъ лихорадкой. Такъ какъ этотъ ученикъ еще только въ пятомъ классѣ, то я рѣшилъ, чтобы онъ подождалъ съ своимъ намѣреніемъ до слѣдующаго года.

Школьныя записи. Я подписалъ ихъ. Но не всѣ онѣ исправны. Записи вновь поступающихъ учениковъ сдѣланы не по образцу, положенному подъ № 15 при уставѣ, и въ нихъ нѣтъ мѣста для записыванія выбывающихъ учениковъ Не записываются въ нихъ также (отдѣльно) ученики, переходящіе изъ другихъ школъ и не отмѣчаются училищныя свидѣтельства ихъ. Описаніе произшествій въ школѣ (domowych) ведется не такъ, чтобы оно могло послужить для составленія или объясненія мѣстной (krajowej) исторіи. Въ нихъ помѣщены только рѣчи, которыми привѣтствуемы были проѣзжія особы и описанія публичныхъ экзаменовъ. Обѣ эти книги также велись и прежде, во время прошлогодней визитаціи; но я не рѣшился сдѣлать выговоръ за неисправность, чтобы это не было сочтено за соперничество между школами—сосѣдями, въ чемъ существуетъ здѣсь предъубѣжденіе. Не заведена книга для описанія открытій и важныхъ опытовъ. Учители заявили, что, обязанные постоянно присутствовать въ школахъ, они не имѣютъ времени, ни даже необходимыхъ пособій для производства опытовъ. Не было также книги для отмѣтокъ поведенія учениковъ во время мѣсячныхъ экзаменовъ, равно какъ и книги протоколовъ о сдачѣ должностей. Я вновь подтвердилъ завести эти книги.

Богослуженіе. Литургія въ обыкновенные дни совершается въ классѣ по той причинѣ, что еще не окончены работы въ подаренномъ пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія [1]) костелѣ (по-іезу-

[1]) Точнѣе—Садовской.

итскомъ). Въ праздники однако она совершается въ этомъ костелѣ.

Экзамены мѣсячные и публичный. Въ мартѣ и апрѣлѣ не было экзаменовъ, потому что ученики разбѣжались въ страхѣ отъ угрожавшей рѣзни и отъ насилій вербунковъ. Въ другіе мѣсяцы и годы, какъ свидѣтельствуетъ описаніе школьныхъ происшествій, экзамены бываютъ исправно. На публичныхъ испытаніяхъ охотно присутствуютъ обыватели, если имъ случится на тотъ часъ быть во Владимірѣ. Хотя они и показываютъ, что весьма довольны нынѣшнею системою образованія, однако между ними нѣтъ ни одного, имя котораго можно было-бы огласить, какъ благодѣтеля просвѣщенія. Объ этомъ, на основаніи инструкціи главной школы, я собиралъ свѣдѣнія.

Конвиктъ. По причинѣ скудости фундуша, мѣстныя школы содержатъ конвиктъ для шляхетскихъ дѣтей, безъ помощи котораго не было-бы возможности содержать школъ. Всѣхъ конвикторовъ 15; они живутъ въ отдѣльномъ домѣ и ходятъ на уроки въ школы.

Директоры держатъ себя въ должномъ повиновеніи начальству и почтеніи къ учителямъ. Родители не вносятъ слѣдуемой директорамъ платы на руки префекта, а часто не хотятъ платить и директорамъ.

Приходскія школы. На вопросъ мой о нихъ мнѣ сказали, что есть одна школа въ трехъ миляхъ (отъ Владиміра) въ *Локачахъ*, при мѣстной фарѣ, а другая, такъ-же въ разстояніи трехъ миль, въ *Юржискѣ* содержится базиліанами. Я осмотрѣлъ эти школы и рапортъ о нихъ особо представилъ въ главную школу.

Личныя бесѣды. На основаніи ихъ составлена рубрика: *желанія служащихъ.*

Физическое воспитаніе. Въ теченіе этого года дѣти пользовались хорошимъ здоровьемъ, хотя многіе болѣли перемежающейся лихорадкою. Въ рекраціонные дни они занимаются военными упражненіями и практическою геометріей. Въ присутствіи моемъ они, въ числѣ 100, показывали (czynili popis) свои успѣхи въ военномъ искусствѣ, а потомъ отборными голосами пѣли пѣсню, составленную ксендзомъ префектомъ и возбуждающую стародавнее польское мужество.

Награда его королевской милости. По окончаніи болѣе чѣмъ двадцатичасоваго испытанія, убѣдившись въ особенныхъ способностяхъ Францишка Висневскаго, сына черняховскаго вгродскаго

судьи, въ его успѣхахъ во всѣхъ наукахъ не только сравнительно съ товарищами, но и съ учениками высшаго класса, а такъ же въ его успѣхахъ во всѣхъ языкахъ, исключая славянскаго, узнавши, что онъ старается больше и больше совершенствовать себя посредствомъ чтенія книгъ, которыя онъ выпрашиваетъ у учителей, сожалѣющихъ о слабости глазъ его,—я назначилъ этому Францишку Висневскому, ученику V класса, золотую медаль. На серебренныя медали избраны Антоній Рожанскій и Викентій Шолайскій, сынъ судьи владимірскаго, такъ же ученики V класса.

Препятствія образованію. Я расспрашивалъ о нихъ, и въ засѣданіи, и при личныхъ бесѣдахъ, не распространяютъ ли напримѣръ монахи вражды къ нынѣшней системѣ образованія, нѣтъ ли гдѣ частныхъ пансіоновъ, отвлекающихъ молодежъ отъ публичныхъ школъ. Собраніе не знаетъ ни о какихъ подобныхъ случаяхъ.

Распоряженія. 1) Должны быть заведены: книга протоколовъ о сдачѣ должности и книга объ успѣхахъ и поведеніи, показанныхъ учениками на мѣсячныхъ экзаменахъ; первая всегда должна быть наготовѣ, въ послѣднюю вписывать, что слѣдуетъ послѣ каждаго мѣсячнаго экзамена. 2) Безъ патентовъ (отъ школъ, въ которыхъ прежде учился) не должны быть принимаемы въ школы даже шляхетскія дѣти. Кто явится безъ патента, задержать его и письменно снестись о высылкѣ документовъ его. 3) Я просилъ собраніе такъ же тщательно и старательно заботиться объ успѣхахъ молодежи и въ будущемъ, какъ оно заботилось доселѣ.

Желанія служащихъ. 1) Благоволитъ главная школа представить пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія о необходимости поспѣшить изданіемъ остальныхъ учебниковъ. 2) Собраніе проситъ пресвѣтлую коммисію просвѣщенія удостоить и здѣшнія школы тою же милостію, какая сдѣлана другимъ школамъ дозволеніемъ увеличить число физическихъ и математическихъ инструментовъ и исчислить расходъ, необходимый на производство опытовъ, а такъ же нанять солдата для обученія военнымъ упражненіямъ, съ покрытіемъ расходовъ на эти предметы. 3) Алгебра, при своей обширности и при двухъ часахъ (въ недѣлю) для лекцій, не можетъ быть окончена.

Славянская грамматика. Такъ какъ ксендзъ Журавскій въ этомъ году перемѣщенъ (провинціаломъ) въ Литву, то ректоръ письмомъ

по почтѣ сообщилъ (провинціалу же) постановленіе пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія относительно славянской грамматики [1]).

Осмотръ оконченъ обычнымъ способомъ.

Острожскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о четырехъ учителяхъ.

Ректоръ мѣстной коллегіи, состоящій проректоромъ школъ, не вписывается въ актъ визиты и не присутствовалъ въ засѣданіи совѣта.

---

[1]) Уставъ допускалъ обученіе славянскому языку въ числѣ необязательныхъ предметовъ, но не сдѣлалъ никакихъ указаній о преподаваніи его, совершенно игнорируя его во всѣхъ работахъ о распорядкахъ преподаванія и отчетности въ немъ. Въ распоряженіяхъ коммисіи просвѣщенія не было никакихъ упоминаній и вопросовъ о немъ. Визитаторы такъ же не считали нужнымъ давать отчетъ о положеніи его, упоминая только иногда о томъ, что базиліане учатъ славянскому чтенію. 1787 годъ—время появленія проэкта объ уничтоженіи уніи и православія—вызвалъ ожесточенные нападки на русиновъ со стороны однихъ и притворное вниманіе къ нимъ со стороны другихъ. Визитаторъ 1787 года, въ обзорѣ владимірскихъ школъ, выражаетъ сожалѣніе, что базиліане учатъ съ большимъ успѣхомъ, и нѣмецкому, и французскому, и аглицкому, и итальянскому языкамъ, а „о своемъ природномъ (rodovitem) славянскомъ языкѣ забыли", почему онъ поручилъ ректору просить провинціала назначить въ владимірскія школы учителя этого языка. На слѣдующій учебный годъ назначенъ былъ учителемъ славянскаго языка базиліанинъ Журавскій. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ немъ хорошаго преподавателя и рекомендовалъ коммисіи просвѣщенія поручить ему составить славянскую грамматику. Предложеніе со стороны коммисіи просвѣщенія послѣдовало, но въ слѣдующемъ году провинціалъ перевелъ Журавскаго въ Литву. Тѣмъ дѣло и окончилось.

[2]) Не будемъ говорить о первой, столь извѣстной въ исторіи югозападной Руси, острожской школѣ, основанной приснопамятнымъ княземъ Конст. Конст. Острожскимъ. Прошло всего нѣсколько лѣтъ со времени смерти этого знаменитаго защитника православія и борца противъ козней іезуитовъ, какъ внучка его Анна, вступившая въ бракъ съ великимъ гетманомъ литовскимъ Яномъ Кардомъ Ходкевичемъ, оказалась, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, такъ же происходившемъ изъ русскаго православнаго рода, страстною почитательницей іезуитовъ. Въ 1624 году она вызвала ихъ въ Острогъ, устроила для нихъ великолѣпныя зданія, снабдила нѣсколькими помѣстьями (Княгининъ, Мощеницы, Берездовъ) и другими доходными статьями и поручила имъ содержать высшую школу. Іезуиты устроили здѣсь коллегію, въ которой обучали и высшимъ наукамъ: философіи и богословію. Къ этой коллегіи принадлежали іезуитскія резиденціи въ Кременцѣ, Овручѣ и Винницѣ, а такъ же нѣсколько миссій. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена явилась было мысль воспользоваться величественными и обширными зданіями ихъ для устройства въ нихъ особаго для южнорусскихъ областей польскаго университета. Но недостатокъ средствъ не дозволилъ осуществить этотъ проэктъ. Коммисія

Префектъ ксендзъ Павелъ Кучевскій,

Учитель 1-го класса ксендзъ Граціанъ Крупскій,

" математики ксендзъ Мартинъ Скибинскій,

" краснорѣчія и права ксендзъ Маркелъ Дычаковскій,

" физики ксендзъ Иннокентій Костюкевичъ,

Преподаватели: нѣмецкаго языка—ксендзъ Мартинъ Скибинскій, учитель математики; французскаго языка—ксендзъ Граціанъ Крупскій, учитель 1-го класса.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа, который началъ таковой 15, окончилъ 17 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Тѣ изъ нихъ, которыхъ не было въ прошломъ году, теперь заведены. Нашедши тѣ и другія въ порядкѣ, я подписалъ ихъ.

Состояніе и управленіе школъ. Префектъ имѣетъ надзоръ за всѣмъ порядкомъ. Ректоръ внимательно относится къ назначенію учителей, избираемыхъ провинціаломъ (ордена). Не смотря на стараніе учителей, учениковъ въ этихъ школахъ мало. Лекціи идутъ установленнымъ порядкомъ; учебники (изданные коммисіей просвѣщенія) введены. Тѣ предметы, по которымъ еще не изданы учебники, изучаются: краснорѣчіе—по руководству автора de Colonia [1]), съ объясненіями Цицерона, Квинтиліана, Тацита и др.; физика—по Гонорату [2]); право—по отрывкамъ изъ сочиненій Стройновскаго и Скшетульскаго [3]); огородничество, минералы и земледѣліе—по сочиненіямъ Клюка [4]). Правда, что уроки по этимъ предметамъ отнимаютъ много времени, которое ученики принуждены

просвѣщенія передала эти зданія базиліанамъ, имѣвшимъ свой монастырь въ Гощи, подъ условіемъ содержать въ нихъ подъокружныя школы. Но на содержаніе этихъ школъ она назначила имъ изъ поіезуитскаго наслѣдства только небольшое имѣніе Курозваны и по 2000 злотыхъ, тогда какъ содержаніе однихъ зданій требовало большихъ расходовъ. Къ тому же костелъ поіезуитскій, во время случившагося въ Острогѣ пожара, сгорѣлъ и вмѣсто пособія школамъ коммисія просвѣщенія должна была нести большіе расходы на возобновленіе этого обширнаго костела. Изъ обширной іезуитской библіотеки и музея базиліанамъ досталась только малая доля; все прочее расхищено то самими іезуитами, то пріемщиками имущества ихъ.

[1]) *Decolonia Dominik. De arte rhethorica libri quinque.* Lublin. 1712. 1754. 1763.

[2]) Точнаго заглавія этой книги нѣтъ ни въ одной изъ польскихъ библіографій.

[3]) О руководствахъ этихъ лицъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ.

[4]) То же.

тратить на списываніе (въ классѣ подъ диктовку). Но, взвѣшивая хорошіе успѣхи однихъ учениковъ и слабые успѣхи другихъ, я нашелъ, что причиною послѣднихъ были и другія обстоятельства, именно: а) недостаточное число директоровъ, которые могли бы повторять съ учениками уроки въ квартирахъ; б) частыя заболѣванія лихорадкою, по причинѣ которыхъ множество учениковъ во время моего посѣщенія имѣли видъ блѣдный, изнуренный; наконецъ, в) теперешнія замѣшательства, вслѣдствіе которыхъ родители для безопасности забирали своихъ дѣтей въ свои домы, а потомъ не во время представили ихъ въ школы, чѣмъ причинили имъ значительный ущербъ въ наукахъ.

Число учениковъ. Всѣхъ учениковъ считалось до 155 [1]). Я засталъ ихъ всего 102, такъ какъ однихъ родители изъ боязни не вернули вновь въ школы, другіе же сами ушли, особенно изъ найболѣе возрастныхъ, опасаясь вербовки въ солдаты. Посѣщеніе классовъ и спрашиванье, совмѣстно съ учителями, продолжалось два дня, всего около 14 часовъ.

Посѣщеніе классовъ. Въ присутствіи острогскаго духовенства, офицеровъ полка великой булавы и дамъ, ученики старшихъ трехъ классовъ испытываемы были по краснорѣчію, физикѣ, нравственности, праву, а такъ же огородничеству и земледѣлію. Переводы классическихъ авторовъ и сочиненія на латинскомъ языкѣ, читанныя учениками, убѣждали мущинъ, что въ школахъ существуютъ достаточныя упражненія въ латинскомъ языкѣ; физическіе опыты забавляли дамъ. Что касается моего собственнаго наблюденія, то я нашелъ даже въ первомъ классѣ такихъ учениковъ, которые прекрасно отвѣчали; тѣмъ болѣе—въ высшихъ классахъ, въ которыхъ и самый возрастъ, и собственный опытъ болѣе даютъ свѣта. Мало нашлось такихъ, которые отвѣчали бы хорошо по всѣмъ предметамъ: однихъ нужно было выводить на дорогу, другіе обнаруживали силу памяти и недостатокъ соображенія. Тѣмъ не менѣе нашлись и такіе, которые во всѣхъ предметахъ оказались успѣвшими настолько, чтобы заслужить награду.

Награда его королевской милости. Для наградъ медалями избраны слѣдующіе ученики, подающіе несомнѣнную надежду на успѣхи и въ дальнѣйшіе годы: ученикъ IV класса Гавріилъ Гач-

[1]) Въ прежніе годы число учениковъ бывало всегда гораздо значительнѣе. Въ 1785 году было ихъ 245.

ковскій, ученикъ III класса Янъ Рафаловскій и Петръ Соболевскій, новоградскій хорунжичъ, ученикъ II класса.

Директоры. Нѣкоторые изъ нихъ уѣхали вслѣдствіе замѣшательствъ; оставшіеся исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Успѣхи въ французскомъ языкѣ оказались средними, въ нѣмецкомъ—лучшими.

Музей. Стараніемъ учителя математики устроены цѣпь и палки въ дополненіе къ геометрическимъ инструментамъ, присланнымъ правительственною коммисіей [1]).

Богослуженіе. Хотя кармелиты дали пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія обѣщаніе пособлять (базиліанамъ) въ совершеніи религіозныхъ обрядовъ для учениковъ, однако базиліане сами исполняютъ всѣ богослуженія, предписанныя уставомъ.

Физическое воспитаніе. Ксендзъ префектъ уже упредилъ намѣреніе пресвѣтлой коммисіи и еще въ маѣ завелъ военныя упражненія, упросивши офицеровъ, квартирующихъ въ зданіи коллегіи, командировать для этого солдата.

Порученія. Во избѣжаніе пересудовъ, гг. служащіе въ школахъ должны прекратить сценическія упражненія. Въ случаѣ публичнаго акта, съ произнесеніемъ рѣчей самими монашествующими или учениками, эти рѣчи, для избѣжанія порицаній со стороны общества, должны быть предварительно прочитаны въ засѣданіи совѣта [2]). 2) Ксендзъ префектъ и учители постараются приличными способами склонить родителей къ тому, чтобы они, для собственной пользы, вносили плату директорамъ на руки префекта. 3) Не назначать въ директоры такихъ учениковъ, которые не были признаны способными на предшествовавшихъ экзаменахъ.

Заявленія. Учители просятъ главную школу ходатайствовать, дабы пресвѣтлая коммисія поспѣшила изданіемъ остальныхъ учебниковъ, такъ какъ имъ приходится слишкомъ много тратить времени на составленіе и диктовку уроковъ въ высшихъ классахъ.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

---

[1]) Визитаторъ 1788 года не нашелъ въ этихъ школахъ ни одного геометрическаго прибора.

[2]) Визитаторъ 1788 года, излагая причины слабыхъ успѣховъ учениковъ острожскихъ школъ, между прочимъ пишетъ: „два раза въ году устрояются здѣсь діалоги—безъ всякаго вкуса. Лучшихъ учениковъ выводятъ при этомъ на сцену и заставляютъ играть какія либо смѣшныя роли, напр. жида, хлопа и т. п., что, какъ сами ученики заявляли мнѣ, отнимаетъ у нихъ много времени“

Шароградскія подъокружныя школы[1]) *базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ коллегіи—проректоръ школъ ксендзъ Демкевичъ,
Префектъ ксендзъ Лука Сульжинскій,
Учители: 1 кл. кс. Θеодосій Токарскій,
„ математики кс. Амплеатъ Шелеховскій,
„ физики кс. Яцекъ Громачевскій,
„ краснорѣчія и права кс. Патрикій Концевичъ.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ ксендзомъ канонивомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 1, оконченъ 4 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Всѣ онѣ содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и мною подписаны.

Учениковъ 300 (по визитѣ 1782 г. учениковъ 600).

Посѣщеніе классовъ. Преподаваніе производится на основаніи росписанія предметовъ въ школахъ о 4 учителяхъ. Испытаніе учениковъ продолжается въ теченіи двухъ дней по четыре часа ежедневно утромъ и пополудни. Оно начато и кончено было рѣчью (обращенною къ ученикамъ и учителямъ). По краснорѣчію, поэзіи и праву успѣхи оказались весьма слабыми. Въ слѣдующемъ году краснорѣчіе и право будетъ преподавать ксендзъ Корычковскій, окончившій курсъ въ главной школѣ; надѣюсь, что тогда успѣхи будутъ гораздо лучше [2]).

---

[1]) Визитаторъ 1788 года, на основаніи разсмотрѣнныхъ имъ мѣстныхъ документовъ, сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о шароградскихъ школахъ. „Издавна базиліане поселились въ сосѣдней съ Шароградомъ деревнѣ Калиновкѣ. Въ 1746 году князь Станиславъ Любомирскій, воевода кіевскій, перемѣстилъ ихъ въ Шароградъ, свое помѣстье, и поручилъ имъ устроенныя иждивеніемъ его школы. Въ 1764 году летичевскій подстолій Андрей Годзеиба-Вардынскій назначилъ сумму, на проценты которой досель содержатся учители философіи и богословія (studia). Новый владѣлецъ Іосифъ Сосновскій устроилъ новыя помѣщенія для школъ на иномъ мѣстѣ. Коммисія просвѣщенія отпускаетъ на содержаніе этихъ школъ по 2000 злотыхъ. Платятъ *subsidii charitatis* 1400 злот. Лукашевичъ не имѣлъ этихъ свѣдѣній. На основаніи визиты 1784 года, онъ сообщаетъ только свѣдѣнія (обыкновенно неблагопріятныя) о состояніи этихъ школъ въ томъ же годѣ (т. IV, стр. 266—267), именно: учениковъ было до 600, однако, по нерадѣнію и невѣжеству базиліанъ, школы находились въ самомъ плохомъ состояніи; базиліане не хотѣли праздновать католическихъ праздниковъ и своихъ учениковъ-католиковъ—заставляли присутствовать только на богослуженіяхъ по восточному обряду.

[2]) Тутъ какое-то со стороны визитатора должно быть недоразумѣніе, или—мѣстная интрига. Генеральный визитаторъ 1788 г. Крисинскій отзывается о преподавателѣ Концевичѣ слѣдующимъ образомъ: „Здѣсь имѣется рѣдкій по усердію и способностямъ учитель краснорѣчія и права ксендзъ Патрикій Концевичъ, обучавшійся въ главной

Награда его королевской милости. Награждены серебренными медалями (патентами на медали) слѣдующіе выдѣляющіеся изъ ряда другихъ успѣхами и прилежаніемъ ученики: Феликсъ Гинтовтъ—Дзѣвялковскій, ученикъ II класса, и Петръ Лескевичъ, ученикъ III класса.

Директорство, богослуженіе, мѣсячные экзамены, годичные экзамены, рапорты директорскіе, посѣщеніе ученическихъ квартиръ, совѣщаніе съ директорами—все это производится точно по уставу.

Порученія. 1) Подтверждается первый пунктъ прошлогодней визиты, именно—чтобы учители, какъ академическихъ, такъ и среднихъ школъ, не принимали учениковъ къ общему своему столу.

2) Изученіе иностранныхъ языковъ, какъ и другихъ предметовъ преподаванія, не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ или родителей ихъ. Въ I и II класахъ ученики обучаются нѣмецкому языку, въ III и IV французскому. Уроки должны быть расположенны такъ, чтобы способные ученики могли по желанію обучаться обоимъ языкамъ.

3) Ученикамъ, окончившимъ курсъ, уставъ позволяетъ оставаться въ послѣднемъ классѣ для усовершенствованія въ нѣкоторыхъ предметахъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ другихъ предметовъ. Такъ какъ примѣръ такихъ учениковъ вредно вліяетъ на усердіе остальныхъ учениковъ, не окончившихъ курса, то для избѣжанія этого вреда, допускать къ занятіямъ одною какою либо наукою только такихъ учениковъ (окончившихъ курсъ), которые или заняты какою либо службою (напр. г. Крыдзинскій даетъ уроки французскаго языка, г. Веселовскій обучаетъ музыкѣ), или, оказавши вполнѣ удовлетворительные успѣхи во всѣхъ наукахъ (до окончанія курса), потомъ, избравши одинъ какой

школѣ. Ни въ одномъ классѣ не нашлось въ чемъ попрекнуть его. Имѣя любовь къ своему предмету и желая болѣе и болѣе совершенствоваться въ немъ, онъ проситъ главную школу ходатайствовать предъ начальствомъ базиліанскимъ, дабы его не устраняли отъ этого предмета". Какимъ образомъ Концевичъ вдругъ сталъ неспособнымъ?— Генеральный визитаторъ 1787 года, проф. Богдановичъ, отзывается о шаргородскихъ школахъ слѣдующимъ образомъ: „Эти школы во время визиты отличились болѣе всѣхъ базиліанскихъ школъ охотою къ наукамъ, трудолюбіемъ и знаменитыми успѣхами учениковъ, не исключая ни одной науки и ни одного класса: во всѣхъ одинаковый успѣхъ. Собраніе учителей состоитъ изъ людей способныхъ, которые учатъ старательно, усердно и заслуживаютъ особеннаго вниманія со стороны пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

либо предметъ, постоянно заняты были бы имъ посредствомъ чтенія книгъ, приготовленія диссертацій для публичного прочтенія ихъ, и не тратили бы даромъ времени при свободѣ отъ занятій другими предметами [1]).

Въ заключеніе я выразилъ всему собранію учителей благодарность за точное исполненіе предписаній устава и за почтенные труды ихъ по воспитанію молодежи.

БАРЪ.

Школы подъокружныя базиліанскія о 4-хъ учителяхъ [2]).

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Андріанъ Андрузкевичъ,
Префектъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій,
Учители: I класса ксендзъ Θеодосій Ольшанскій,
„ II „ ксендзъ Серафимъ Пыжицкій, субститутъ краснорѣчія [3]),
„ Краснорѣчія и права—ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ,

---

[1]) Замѣчаніе визитатора Вжеща, кромѣ общаго своего значенія, могло имѣть въ виду упоминаемый прежними визитаторами обычай шарогродскихъ базиліанъ увольнять отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ тѣхъ изъ учениковъ высшаго класса, которые изъявили желаніе поступить въ *Studia*. Такіе ученики, оставаясь въ школахъ, посѣщали вмѣстѣ и уроки въ *Studia*, ради которыхъ освобождаемы были отъ нѣкоторыхъ предметовъ школьнаго курса. Вжещъ, вообще неблагосклонный къ базиліанамъ, очевидно имѣлъ въ виду устраненіе этой аномаліи въ школахъ. Въ качествѣ окружнаго визитатора, въ 1787 году, онъ распорядился было закрытіемъ *Studia* въ Шаргородѣ, но генеральный визитаторъ отмѣнилъ это распоряженіе въ томъ же году.

[2]) Школы въ Барѣ учреждены первоначально іезуитами на иждивеніе извѣстнаго гетмана польскихъ войскъ Жолкевскаго (1610—1614 г.). Съ помощію другаго извѣстнаго гетмана Конецпольскаго, эти школы выросли въ коллегію. Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, при распредѣленіи по-іезуитскаго имущества, великолѣпное зданіе коллегіи оказалось собственностью жидовъ. Коммисія просвѣщенія затруднялась возстановленіемъ этихъ школъ и только въ 1781 году она передала по-іезуитскія зданія мѣстнымъ базиліанамъ подъ условіемъ, чтобы они содержали въ этихъ зданіяхъ школы. Послѣ возвращенія Подолья отъ турокъ къ Польшѣ, въ Барѣ оказались уцѣлѣвшими остатки издавна бывшаго здѣсь монастыря. Князь Доминикъ Любомирскій, владѣлецъ Бара, въ 1715 году отдалъ эти развалины его базиліанамъ. Послѣдніе до самаго уничтоженія іезуитскаго ордена не занимались обученіемъ юношества.

[3]) Субститутами назывались лица, приготовлявшіяся при школахъ къ занятію учительскаго мѣста и потому состоявшія въ подчиненіи учителю того предмета, который готовились преподавать.

Учители: математики—ксендзъ Симеонъ Билинкевичъ,
„ физики—ксендзъ Августинъ Пшыбыльскій,
Преподаватель иностранныхъ языковъ ксендзъ Іосафатъ Яницкій, префектъ.

Осмотръ произведенъ ксендзомъ каноникомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа. Начатъ 6, оконченъ 8 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

Число учениковъ 350. Отличные изъ нихъ награждены патентами на серебренныя медали, именно: Михаилъ Скибневскій, мечниковичъ, ученикъ I-го класса [1]), и Өедоръ Лисевичъ, ученикъ II-го класса.

Положеніе о директорахъ, мѣсячные и публичные экзамены и т. д. все исполняется по уставу.

Преподаваніе и успѣхи учениковъ я нашелъ не въ лучшемъ видѣ. Ученики высшихъ классовъ оказались довольно слабыми въ поэзіи и правѣ, какъ и учитель этихъ предметовъ, префектъ Яницкій. Въ слѣдующемъ году мѣсто Яницкаго заступилъ ксендзъ Литинскій, изъ Умани, какъ мнѣ кажется, человѣкъ способный.

Порученія. Изученіе иностранныхъ языковъ не должно быть предоставляемо усмотрѣнію учениковъ и родителей ихъ. Ученики I и II классовъ могутъ обучаться нѣмецкому, III и IV—французскому языку. Уроки должны быть распредѣлены такъ, чтобы желающіе могли заниматься обоими языками.

2) Такъ какъ я нашелъ, что здѣсь въ высшей степени неумѣло пользуются дозволеніемъ устава допускать окончившихъ курсъ къ занятіямъ однимъ какимъ либо предметомъ, то, послѣ объясненія этого дѣла въ собраніи учителей и на экзаменахъ, я распорядился, чтобы впредь никто не былъ допускаемъ къ занятіямъ однимъ предметомъ въ какомъ бы то ни было классѣ, пока со временемъ не найдутся такіе, которые вполнѣ были бы того достойны [2]).

---

[1]) Въ слѣдующемъ году учители жаловались генеральному визитатору Трефлеру на несправедливое назначеніе Вжещемъ медали ученику 1 класса, который вслѣдъ затѣмъ покинулъ школу. Трефлеръ нашелъ этого ученика въ каменецкихъ школахъ и велѣлъ ему возвратить медаль на руки префекта барскихъ школъ.

[2]) Визитаторы прежнихъ двухъ лѣтъ весьма неодобрительно отзываются о составѣ барскихъ учителей и объ успѣхахъ учениковъ. Въ описываемое время это была одна изъ самыхъ плохихъ школъ. Причиною такого состоянія этихъ школъ должно при-

Поручается обращать особенное вниманіе на то, чтобы ученики, поступающіе изъ другихъ школъ, не были принимаемы безъ свидѣтельствъ отъ этихъ школъ и чтобы свидѣтельства выдаваемы были только вполнѣ достойнымъ ученикамъ.

4) Нашедши, что нѣкоторыя изъ школьныхъ записей ведутся неисправно, даю рѣшительное предостереженіе по этому предмету.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

УКРАИНСКІЙ ОКРУГЪ.

Винницкія[1] *окружныя школы академическія о шести учителяхъ.*

Ректоръ округа ксендзъ Янъ Вжещъ, каменецкій и кіевскій каѳедральный каноникъ.

Префектъ г. Михаилъ Кубешевскій, докторъ философіи.

Учители: I класса ксендзъ Стефанъ Шидловскій,
„ II „ г. Севастіанъ Порембинскій,
„ краснорѣчія и поэзіи г. Модестъ Колежинскій,
„ математики г. Феликсъ Анцыпа,
„ физики г. Михаилъ Демидовичъ,
„ права г. Матвѣй Мехержинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій.

знать тогдашнее положеніе Бара среди огромныхъ болотъ, которыя и доселѣ вполнѣ не осушены, а въ то время дѣлали Баръ однимъ изъ самыхъ нездоровыхъ городовъ, почему способные изъ базиліанскихъ учителей всячески уклонялись отъ назначенія на должность въ этотъ городъ.

[1]) Въ Винницѣ школы учреждены первоначально іезуитами въ 1610—1617 гг., на иждивеніе Валентина-Александра Калиновскаго, генерала подольскаго и старосты брацлавскаго. Устройство школъ въ этомъ пограничномъ городѣ значительно подняло цѣлое пограничье въ экономическомъ отношеніи, такъ какъ дворянство, имѣя возможности воспитывать своихъ дѣтей на мѣстѣ, охотнѣе оставалось въ своихъ имѣніяхъ и заселяло ихъ. Сами іезуиты въ этомъ городкѣ, значительно удаленномъ отъ центровъ политической и религіозной борьбы, сосредоточивались преимущественно на занятіяхъ воспитаніемъ и потому винницкія школы пріобрѣли уваженіе у мѣстныхъ обывателей и серьезность занятій учителей обратилась здѣсь въ традицію, такъ что и по уничтоженіи іезуитскаго ордена, съ подчиненіемъ винницкихъ школъ краковской академіи, эти традиціи одушевляли новыхъ учителей, которые старались превзойти іезуитовъ въ мнѣніи обывателей. Всѣ визитаторы отзываются съ отличною похвалою объ этихъ школахъ. Эта репутація ихъ была причиною того, что въ 1785 году онѣ возведены на степень окружныхъ, вмѣсто школъ житомірскихъ.

Преподаватели иностранныхъ языковъ: нѣмецкаго—г. Каетанъ Закшевскій, порутчикъ кадетскаго корпуса; французскаго—для начинающихъ тотъ-же Закшевскій, а для успѣвающихъ—г. Демидовичъ, учитель физики.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Вжещемъ, ректоромъ украинскаго округа; начатъ 25, оконченъ 30 іюня. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи и богослуженіе исполняются точно по уставу.

Домъ, костелъ и школьныя помѣщенія съ каждымъ годомъ приходятъ въ худшее состояніе, по недостатку средствъ на содержаніе ихъ въ надлежащемъ видѣ. Изъ 400 злотыхъ, положенныхъ на *sarta tecta*, содержатся: смотритель зданій, почта, прислужникъ при олтарѣ (zakrystian), сторожъ,—покупаются: вино и свѣчи для богослуженій, газеты, совершенно необходимыя и разрѣшенныя коммисіей просвѣщенія, а между тѣмъ стѣны, крыши, печи, двери, окна, скамьи и все въ этихъ обширныхъ зданіяхъ, въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, ежегодно приходитъ въ худшее состояніе и все большихъ требуетъ расходовъ на починку. Необходимо назначить единовременно на починку 2000 злотыхъ, а на ежегодное содержаніе по 1000 зл.

Провинціальная касса. Жалованье получено всѣми. Доходы кассы оказываются недостаточными: въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ потребовалась помощь (изъ другихъ кассъ) въ 2000 злот.

Учениковъ 425.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе учениковъ изъ всѣхъ предметовъ происходило въ теченіи двухъ дней по 4 часа утромъ и по 5 часовъ пополудни. Преподаваніе производится на основаніи росписанія, положеннаго въ уставѣ, и по изданнымъ учебникамъ. Исключая 1 класса, во всѣхъ прочихъ классахъ ученики оказали значительные успѣхи.

Иностранные языки. Ученики показали въ нихъ значительные успѣхи, занимается ими не малое количество учащихся. Списокъ ихъ прилагается особо.

Награда его королевской милости. Золотая медаль назначена Стефану Заливскому, чесниковичу, Ливскому, ученику VI класса; серебренныя:—Эдуарду Жолтовскому, ученику V класса, и Григорію Рудавскому, ученику V класса.

Директоры. Всѣхъ 40. Совѣщанія съ ними и надзоръ за ними точно по требованію устава имѣетъ г. префектъ.

Физическое воспитаніе. Г. префектъ посѣщаетъ ученическія квартиры, заботится о порядкѣ въ нихъ, объ опрятности и здоровьи учениковъ. Лучше обученныхъ военнымъ упражненіямъ имѣется до 80; руководитъ ими въ этихъ играхъ ученикъ VI класса Николай Сциславскій, имѣя помощникомъ солдата изъ полка генерала коронной артиллеріи Потоцкаго.

Конвикта и пансіоновъ не имѣется.

Приходскія школы. 1) Въ *Браиловѣ* тринитары обучаютъ дѣтей чтенію и письму, не получая за то никакого вознагражденія и единственно ради того, чтобы дѣти могли имъ потомъ прислуживать при богослуженіи. Эту школу осматривалъ префектъ Кубешевскій. 2) Въ *Немировѣ*, подъ руководствомъ ксендза Шацинскаго, піариста, обучается 25 кадетовъ, на иждивеніи короннаго подкоморія Потоцкаго, безъ опредѣленнаго однако, какъ мнѣ говорили, содержанія [1]).

Порученія. 1) Въ самомъ началѣ учебнаго года имѣетъ быть совѣтъ, на которомъ прочитаны будутъ изъ устава наставленія для учителей и служащихъ и порученія генеральныхъ визитаторовъ, а тамъ составлено будетъ расписаніе хозяйственныхъ расходовъ и всѣхъ распорядковъ по дому, столу и школамъ. 2) Члены учебнаго состава не должны вмѣшиваться въ кругъ интересовъ, принадлежащихъ спеціальному вѣдѣнію начальника заведенія, какъ напр. наемъ помѣщеній, дозволеніе или не дозволеніе пользоваться квартирою или службами въ зданіи, установленіе (ученическихъ) складокъ и помѣщеніе учениковъ въ зданіи коллегіи.

Желанія. 1) Г. Мехержинскій, учитель права, проситъ пресвѣтлую коммисію, дабы возвращены были ему расходы, понесенные имъ при перемѣщеніи его изъ Познани въ Краковъ, оттуда въ Винницу, какъ на переѣздъ, такъ и на доставку книгъ и другихъ вещей его, въ размѣрѣ 340 злотыхъ, т. е. въ такомъ же ко-

---

[1]) Генеральный визитаторъ 1787 года Богдановичъ пишетъ о немировской школѣ, что ксендзъ Шацинскій, вмѣсто школы кадетовъ, на учрежденіе которой коммисія просвѣщенія выдала дозволеніе Потоцкому, содержитъ пятиклассныя школы и полный штатъ учителей, а вмѣсто 12 кадетовъ, опредѣленныхъ штатомъ школы, имѣетъ 168 учениковъ обыкновенныхъ. При этихъ школахъ Шацинскій устроилъ конвиктъ, отъ котораго имѣетъ большія выгоды. Богдановичъ проситъ закрыть эти школы, какъ существующія безъ разрѣшенія коммисіи просвѣщенія и притомъ въ подрывъ интересамъ правительственныхъ школъ, что и было исполнено. Но Шацинскій снова открылъ ихъ...

личествѣ, въ какомъ уплочены они были префекту кременецкому г. Лучевскому.

2) Г. Демидовичъ, учитель физики, на дорогу въ Овручъ [1]), на раскопку горы, на пробныя стекла и т. п. истратилъ 40 злотыхъ болѣе той суммы, которая назначена была ему пресвѣтлою коммисіей. Переѣздъ изъ Кракова въ Винницу потребовалъ отъ него расхода на 54 зл. больше той суммы, какая ему назначена была по таксѣ, установленной восемь лѣтъ назадъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ все вздорожало. Кромѣ того онъ оставилъ винницкимъ школамъ устроенные на свой счетъ физическіе инструменты: барометръ и термометръ въ одной оправѣ, стоившіе 20 злотыхъ,— глобусъ, стоившій 7 злотыхъ, трехсторонная призма—3 злота, электоръ—4 зл., за минералогическіе предметы 12 злотыхъ (не считая тѣхъ, которые онъ самъ собиралъ) [2]). Все это, вмѣстѣ съ суммою 40 + 54 = 94 злот., онъ проситъ пресвѣтлую коммисію возвратить ему.

Въ заключеніе осмотра я отдалъ полную справедливость всему собранію служащихъ, а въ классахъ учителямъ и ученикамъ, успѣвшимъ, за весьма малымъ исключеніемъ, во всѣхъ предметахъ [3]).

Перемѣны. 1) На мѣсто учителя 1 класса Шидловскаго поступилъ ксендзъ Матвѣй Венцковскій; 2) на мѣсто г. Анцыпы поступилъ учителемъ математики г. Смукровскій; 3) на мѣсто префекта Кубешевскаго назначенъ г. Ярковскій изъ Кременца; 4) на мѣсто г. Демидовича, учителя физики, поступилъ г. Витвицкій изъ Житоміра.

---

[1]) Цѣлію командировки Демидовича въ Овручъ вѣроятно было ознакомленіе его съ мастерской физическихъ инструментовъ ксендза Соболевскаго, о которой будетъ сказано при изложеніи осмотра овручскихъ школъ.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій свидѣтельствуетъ, что Демидовичъ, поступивъ на должность учителя физики, не засталъ въ винницкихъ школахъ ни одного физическаго инструмента и рѣшился самъ приготовлять таковые. Не понятно перемѣщеніе такого полезнаго учителя въ другія школы.

[3]) Тотъ-же генеральный визитаторъ отзывается о винницкихъ школахъ: „изъ всѣхъ провинціальныхъ академическихъ учительскихъ собраній здѣшнее собраніе найлучше понимаетъ свое призваніе и можетъ быть названо счастливымъ". Онъ порицаетъ только учителей: Анцыпу—за опущеніе обязанностей своихъ и Шидловскаго—за неуживчивый характеръ.—Врагами мѣстныхъ школъ Крусинскій признаетъ мѣстныхъ капуциновъ и доминикановъ.

Житомірскія[1] *подъокружныя школы академическія о 6 учителяхъ*

Проректоръ ксендзъ Янъ Одынецъ, кіевскій каѳедральный канопикъ, депутатъ короннаго трибунала.

Учители: I класса ксендзъ Ксаверій Олендзскій,
„ II „ „ Антоній Капица,
„ краснорѣчія г. Янъ Витвицкій,
„ математики г. Алексѣй Маршевскій,
„ физики г. Павелъ Старнавскій,
„ права г. Антоній Воленскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Іосифъ фонъ-Бомъ (Beaums)

Генеральный осмотръ произведенъ проректоромъ ксендзомъ Одынцемъ, начатъ 30 іюня, оконченъ 5 іюля. Изъ рапорта Одынца извлекается слѣдующее:

Учениковъ 519.

Посѣщеніе классовъ. Испытаніе всѣхъ классовъ происходило въ теченіе трехъ дней, 18 часовъ. Значительное большинство учениковъ давали отвѣты и объясненія съ полною сознательностью. При этомъ присутствовалъ галицкій войскій Гаичинскій, имѣющій двухъ сыновей въ уманскихъ школахъ и интересовавшійся порядками и способами обученія въ здѣшнихъ школахъ. Онъ такъ доволенъ былъ успѣхами обученія, что-не смотря на то, что имѣніе его находится въ разстояніи болѣе десяти миль отъ Житоміра, рѣшился перемѣстить своихъ сыновей въ здѣшнія школы.

Нѣмецкій языкъ преподается съ пользою для учениковъ.

Награда его королевской милости. Хотя медали не были еще присланы, однако онѣ назначены слѣдующимъ найлучшимъ ученикамъ: IV класса Викентію Залескому, луцкому ловчичу—золо-

---

[1]) Въ Житомірѣ открыта іезуитская миссія и при ней грамматическая (въ составѣ трехъ классовъ) школа въ 1724 году, на иждивеніи Казиміра Стецкаго. Извѣстный епископъ Андрей Залускій основалъ при этой школѣ *Studium theologiae moralis* (Łukaszewicz, т. 4, стр. 195). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія, не смотря на ограниченныя и ветхія деревянныя помѣщенія, оставшіяся послѣ іезуитовъ, рѣшилась открыть въ нихъ окружныя школы, назвавши по имени этого города и цѣлый округъ житомірскимъ (Головчичъ въ своей визитѣ 1782 году рекомендовалъ переименовать его въ украинскій, что потомъ и исполнено) Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что братъ Пирамовича хлопоталъ объ устройствѣ въ Житомірѣ уніатской семинаріи. Искуственное возвышеніе Житоміра, можетъ быть въ противувѣсъ сосѣднему Кіеву, оспаривали другіе города, болѣе удаленные отъ русской границы. Въ 1785 г. округъ учебный перенесенъ въ Винницу, съ переименованіемъ въ украинскій.

тая, Іоакиму Лосинскому, ученику IV класса, и Ваврживцу Малевскому, ученику III класса, серебренныя.

Мѣсячные годичные экзамены. Первые производятся точно по уставу. На публичныхъ экзаменахъ, которые приходятся на время сеймиковъ, а также собраній капитулы, обыкновенно присутствуютъ первыя особы изъ обывателей, прелаты и каноники, а также и многія другія лица.

Богослуженіе. Совершается по уставу. Мѣстные бернардины за условленную плату совершаютъ богослуженіе, сказываютъ проповѣди и т. п.

Физическое воспитаніе. Квартиры учениковъ посѣщаются, ученики пріучиваются къ опрятности, къ труду, упражняются въ занятіяхъ, укрѣпляющихъ силы ихъ. Военными упражненіями занимаются по преимуществу ученики низшихъ классовъ. Ученики возвращаются въ городъ съ ученья обыкновенно вечеромъ подъ звуки барабана. Этимъ оскорбился капитанъ Овсинскій, комендантъ мѣстнаго гарнизона, принадлежащаго къ полку генералъ-инспектора Мальчевскаго; онъ нѣсколько разъ просилъ запретить ученикамъ эти упражненія, особенно послѣ пробитія вечерней зари, положеннаго въ 8 часовъ, угрожалъ даже силою разгонять учениковъ. Эти поступки г. Овсинскаго сильно оскорбили обывателей, которые всегда довольны были приготовленіями молодежи къ службѣ на защиту отечества, а также охладили самихъ учениковъ къ упражненіямъ этого рода.

Провинціальная касса. Содержится подъ двумя ключами и со всею осторожностью. По уплатѣ жалованья за апрѣль, въ ней осталось 305 злотыхъ и 20¹/₄ грошей. Изъ этой суммы нужно еще уплатить эмериту ксендзу Рушковскому 300 злотыхъ, за полученіемъ которыхъ онъ доселѣ не являлся.

Домъ, комнаты, костелъ. Домъ находится въ плохомъ состояніи. Учители принуждены терпѣть въ своихъ квартирахъ разныя невыгоды, то отъ дымящихся печей, построенныхъ неумѣлыми мастерами изъ плохихъ кафлей, слѣпленныхъ плохою глиною, то отъ согнившихъ оконныхъ рамъ, то отъ дверей, плохо пригнанныхъ или разсохшихся. Крыша на коллегіи, устроенная уже больше 20 лѣтъ, во время дождей протекаетъ. Окна въ корридорахъ также портятся то отъ случайныхъ, то отъ намѣренныхъ поврежденій, которыхъ нѣтъ возможности исправить по причинѣ совершенной недостаточности суммы на *sarta tecta.* Все это увеличиваетъ невыгоды всѣхъ жильцовъ. Въ классныхъ комнатахъ пять печей

безусловно требуютъ передѣлки, съ придачею новыхъ кафлей. Слѣдовало-бы также каждый годъ побѣлить хотя двѣ классныя комнаты. Скамьи такъ ветхи, что напрасны были-бы расходы на починку ихъ. На костельныхъ куполахъ крыши издавна ожидаютъ починки, а между тѣмъ своды и стѣны все больше и больше портятся отъ течи и возбуждаютъ опасенія.

Общій столъ. Получивъ отъ пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія единовременно 300 злотыхъ на устройство принадлежностей для общаго стола, собраніе учителей приноситъ ей за это милостивое вниманіе искреннюю благодарность. На что именно употреблена будетъ эта сумма, покажетъ потомъ отчетъ въ расходѣ ея. Но собраніе предпочитало получать и меньшую сумму, только ежегодно, а не единовременно, такъ какъ, за отсутствіемъ колодца, оно принуждено дорого оплачивать воду, доставляемую изъ отдаленнаго мѣста на взгорье. Собраніе проситъ объ этомъ пресвѣтлую коммисію.

(Далѣе идетъ подробное исчисленіе суммъ, потребныхъ, по мнѣнію Одынца, на починки и на ежегодное содержаніе всѣхъ зданій и богослуженія, на пріобрѣтеніе разныхъ предметовъ для костела и т. под. На починки исчислено 1500 злотыхъ, на *sarta tecta* 820 злот., на экстраординарные расходы 299 злот.; въ возвратъ служащимъ за исправленіе занимаемыхъ ими помѣщеній 429 зл. и 26 грошей. При этомъ ничего не упоминается объ учебныхъ принадлежностяхъ, не говорится о библіотекѣ, кабинетахъ, хотя изъ прежнихъ визитъ видно, что онѣ находились въ очень убогомъ состояніи).

Порученія. Таковыхъ сдѣлано 15, всѣ онѣ вписаны въ книгу порученій и предостереженій.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Перемѣны. На мѣсто учителя краснорѣчія г. Витвицкаго (поступившаго въ винницкія школы учителемъ физики) назначенъ кандидатъ г. Янъ Рыхарскій. На мѣсто учителя физики, г. Павла Старнавскаго поступилъ г. Николай Хрусцѣльскій, бывшій учителемъ права въ Люблинѣ.

Любарскія[1]) *подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.*

Ректоръ колегіи, проректоръ школъ ксендзъ Венедиктъ Ржицицкій,
Префектъ ксендзъ Флавіанъ Петринскій,
Учители: 1 го класса ксендзъ Павлинъ Калинскій,
" математики ксендзъ Анастасій Недзѣльскій,
" физики ксендзъ префектъ Ф. Петринскій,
" краснорѣчія и права ксендзъ Эразмъ Міяковскій.

Проповѣдникъ и духовники учениковъ ксендзы: Даміанъ Чемеринскій и Мартинъ Ляторовскій.

Преподаватели: французскаго языка г. Скочковскій, нѣмецкаго—г. Гайдрихъ.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ каноникъ Одынецъ, депутатъ трибунала, проректоръ житомірскихъ школъ, начавъ его 9, окончивъ 11 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее:

Предварительно осмотра въ собраніи всѣхъ служащихъ я держалъ рѣчь о замѣшательствахъ въ краѣ по поводу хлопскихъ бунтовъ и о заботливости пресвѣтлой коммиссіи просвѣщенія и главной школы о распространеніи и развитіи въ этомъ краѣ образованія, для улучшенія въ немъ нравственности и для искорененія предубѣжденій и ненависти къ польскому имени, послѣ чего спрашивалъ обо всемъ, что относится къ общественному образованію.

Школьныя записи содержатся въ надлежащемъ порядкѣ и подписаны мною.

Учениковъ 353.

---

[1]) Лукашевичу (т. IV, стр. 265—266) ничего не извѣстно о началѣ этихъ школъ. Тоже и визитатору 1781 года, Головчичу (Archivum, т. 1, стр. 47). Визитаторъ 1788 года говоритъ, что школы въ Любарѣ основаны въ 1760 году княземъ Францишкомъ-Фердинандомъ Любомирскимъ. Лукашевичъ утверждаетъ, что коммисія просвѣщенія, преобразовала эти школы въ шестиклассныя. Но, начиная съ первой визиты 1781 года, всѣ онѣ находятъ въ этихъ школахъ 4 учителей и съ начала четыре, потомъ три класса Однако любарскія школы первоначально считались въ числѣ первыхъ по численности учениковъ (по визитамъ 1781 и 1784 г. учениковъ было до 450). Визитаторъ 1787 года очень хвалилъ успѣхи учениковъ въ физикѣ и математикѣ. Визитаторъ 1788 г. нашелъ въ этихъ школахъ только слѣдующіе приборы по математикѣ и физикѣ: два негодныхъ къ употребленію столика для измѣренія, желѣзную цѣпь, поломанную, астролябію такъ-же поломанную и негодную къ употребленію, ничего больше. Школьная библіотека почти не существовала.

Испытанія учениковъ продолжались 13 часовъ. Уроки производятся одни по учебникамъ, другіе—по програмамъ, указаннымъ въ уставѣ. Вопросы давались мною, начальникомъ заведенія и учителями. Большинство учениковъ отвѣчали съ полною сознательностью и свободою.

Иностранные языки. До іюня французскій языкъ преподавалъ Димитрій Трешинскій, а нѣмецкій—Саломонскій; оба они уволены по основательнымъ причинамъ (?), и мѣсто перваго занялъ г. Скочковскій, втораго—Гайдрихъ. Французскому языку обучается 28 учениковъ, нѣмецкому—12; всѣ они показали успѣхи [1]).

Награда его королевской милости. Награждены (серебренными медалями) ученикъ III класса Іосифъ Зелинскій и II класса Іосифъ Цѣлецкій.

Мѣсячные экзамены и годичныя испытанія. Экзамены производятся точно по уставу. На публичныхъ актахъ присутствуютъ обыватели, а также почтенный пріоръ, славный проповѣдникъ, любимый обывателями ксендзъ Доминикъ Вышинскій со всѣмъ собраніемъ доминикановъ, которое, какъ извѣстно здѣсь всѣмъ, повсюду превозноситъ похвалами нынѣшнюю систему образованія [2]).

---

[1]) Визитаторъ 1787 года поручалъ собранію ходатайствовать у провинціала между прочимъ о назначеніи учителя славянскаго языка. Но или это порученіе не было исполнено, или ходатайство не уважено, потому что ни въ слѣдующемъ, ни въ текущемъ году славянскій языкъ не преподавался. Странно, поляки хлопочутъ о преподаваніи славянскаго языка въ базиліанскихъ школахъ, а базиліане, любители роднаго, славянскаго богослуженія, повсюду уклоняются отъ преподаванія его! Тутъ очевидно недоразумѣніе: 1) въ то время славянская филологія еще не пробуждалась и славянская грамматика могла быть преподаваема развѣ по невозможнымъ учебникамъ Susanis и „студеѵъ, иже въ Львовѣ"; 2) польскіе реформаторы усиливались убѣдить базиліанъ и русиновъ вообще, что природный языкъ ихъ есть славянскій, а не русскій, тогда какъ базиліане желали обучать русскому языку, что доказываетъ появленіе въ печати нѣсколькихъ грамматикъ русскаго языка, сдѣланныхъ базиліанами, о чемъ нами сказано было въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Рѣдкій примѣръ представляли эти доминикане между монашествующими тогдашняго времени, если только ксендзъ Одынецъ не кривитъ въ этомъ случаѣ душою въ пользу ксендзовъ-доминикановъ противъ не любимыхъ всѣми ксендзами, особенно въ то время, базиліанъ. Генеральный визитаторъ 1788 Крусинскій, свѣтское лицо, вообще всюду встрѣчавшій со стороны монашествующихъ только непріязнь къ новой системѣ обученія, доносилъ коммисіи просвѣщенія о любарскихъ доминиканахъ: „служащіе въ школахъ жаловались на любарскихъ доминикановъ, что они повсюду, гдѣ только можно, поносятъ нынѣшнюю систему образованія и подрываютъ между обывателями довѣріе къ лицамъ, трудящимся на пользу этого образованія".

Порученія. Кромѣ 12 общихъ, подтверждено прежнее порученіе объ осмотрѣ приходской школы въ Полонномъ [1]), устройствѣ въ ней порядковъ и о донесеніи о томъ главной школѣ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Овручскія [2]) подъокружныя школы базиліанскія о 4-хъ учителяхъ.

Префектъ ксендзъ Климентъ Веселовскій,
Учители: 1 класса ксендзъ Анастасій Малецкій,
„ математики Климентъ Веселовскій, префектъ,
„ физики ксендзъ Анатолій Садовскій,
„ краснорѣчія и права ксендзъ Иларій Делявскій.

---

[1]) О школѣ въ Полонномъ визитаторъ Крусинскій, такъ же не посѣтившій ее, говоритъ только, что въ ней очень много учениковъ и что, по слухамъ, въ ней не соблюдаются постановленія коммисіи просвѣщенія.

[2]) Учрежденіе учебнаго заведенія въ Овручѣ, въ этой столицѣ полѣсскихъ болотъ и полудикихъ полѣшуковъ, представляетъ по времени дѣйствительно смѣлое предпріятіе и самоотверженное служеніе образованію, какъ понимали его учредители—іезуиты, которые перенесли сюда свою резиденцію и школы около 1680 года изъ Ксаверовки, совершенно разоренной во время московскихъ войнъ за Малороссію. Конечно въ такой полудикой сторонѣ, каковою было Полѣсье, трудно было возбудить расположеніе къ школамъ, особенно іезуитскимъ, потому что это полудикое населеніе отличалось крѣпкою привязанностью къ старымъ своимъ обычаямъ, составлявшимъ весьма грубую смѣсь язычества съ христіанскимъ православіемъ. Овручскія школы никогда не были въ цвѣтущемъ состояніи въ рукахъ іезуитовъ, не смотря на то, что мѣстная іезуитская миссія пользовалась значительными поземельными владѣніями (Лукашевичъ, т. 4, стр. 125 и 126). Послѣ уничтоженія іезуитскаго ордена, коммисія просвѣщенія поручила эти школы краковской академіи, преобразовавъ ихъ въ трехклассныя, съ тремя учителями. Но вѣроятно краковская академія затруднялась пріисканіемъ учителей изъ своихъ воспитанниковъ, которые имѣли бы охоту поселиться среди этого царства болотъ и страшныхъ въ тогдашней Польшѣ полѣшуковъ, и составъ учителей въ Овручѣ постоянно былъ не полный. Поэтому коммисія просвѣщенія склонялась къ мысли передать какому либо монашескому ордену, преимущественно базиліанскому, къ которому русское населеніе имѣло болѣе довѣрія, нежели къ орденамъ католическимъ. Первый изъ визитаторовъ коммисіи просвѣщенія, не разъ упоминаемый нами ксендзъ Головчичъ, посѣтивши овручскія школы въ 1782 году, пишетъ по этому поводу въ своей визитѣ (*Archivum*, стр. 43 и 44): „Эти школы, расположенныя на окраинѣ, заселенной мелкою шляхтою, чуждой всякаго образованія, должны обратить на себя особенное вниманіе пресвѣтлой коммисіи. Здѣшняя молодежь и большая часть обывателей *мало знакомы съ польскимъ языкомъ.* Необходимо поэтому посылать сюда способныхъ учителей, которые могли бы распространить науку и цивилизовать этотъ край. Но сохрани Богъ поручать эти школы

Генеральный осмотръ произведенъ кіевскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, эмеритомъ ксендзомъ Михаиломъ Соболевскимъ, начатъ 22, оконченъ 25 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 192. Изъ нихъ директоровъ 23. Во время вербунковъ взято въ военную службу 28.

Богослуженіе. Проживая всегда здѣсь (въ Овручѣ), помогая на сколько могу (въ богослуженіи), я вижу здѣсь настоящее католическое образованіе.

Испытаніе учениковъ. Въ 1 классѣ я испытывалъ первогодичныхъ въ теченіе трехъ часовъ, второгодичныхъ въ теченіе четырехъ часовъ. Во второмъ и третьемъ классахъ испытаніе продолжалось десять часовъ съ половиною. Во всѣхъ классахъ я съ истиннымъ удовольствіемъ нашелъ успѣхи, а потому, собравши учениковъ всѣхъ классовъ, я выразилъ имъ заслуженную ими похвалу, а найстарательнѣе приготовлющихся къ службѣ отечеству увѣрилъ въ особенномъ вниманіи къ нимъ со стороны высшаго правительства. Постановленія по учебной части, касательно распредѣленія предметовъ и учебныхъ часовъ, а также другихъ полезныхъ занятій, соблюдаются здѣсь съ примѣрнымъ стараніемъ [1]).

Школьныя записи всѣ мною разсмотрѣны и подписаны.

Инструменты. Ихъ мало и всѣ уже испорчены отъ долгаго употребленія. Однако всѣ они сохраняются. Всѣ они—геометрическіе, для физики-же нѣтъ ничего.

монахамъ, такъ-какъ это значило-бы укрѣпить въ этомъ краѣ гнѣздо суевѣрій... Я совершенно не одобряю мысли отдать эти школы и костелъ базиліанамъ, отъ которыхъ нельзя ожидать надлежащаго обученія". Лукашевичъ, въ одномъ мѣстѣ (т. 4, стр. 266) допускающій, что отъ іезуитовъ овручскія школы перешли къ базиліанамъ, въ другомъ мѣстѣ той-же книги (стр. 126) раскаевается въ этомъ своемъ будто-бы заблужденіи и утверждаетъ, что школы оставались академическими. На самомъ дѣлѣ коммисія просвѣщенія, не смотря на предостереженіе со стороны Головчича, нашлась вынужденною передать эти школы базиліанамъ (послѣ 1784 года): другого способа для поддержки школъ въ этомъ глубокомъ захолустьи не было. Головчичъ нашелъ здѣсь школьныя помѣщенія вполнѣ достаточными, классныя помѣщенія, заново отстроенныя, въ очень хорошемъ состояніи, хотя домъ требовалъ починки, костелъ содержался прекрасно, хотя не оконченный и требовавшій поправокъ въ наружныхъ частяхъ, плохую библіотеку и необходимое число геометрическихъ приборовъ, учениковъ—150 (Лукашевичъ, не извѣстно на какомъ основаніи, показываетъ ихъ здѣсь въ этомъ годѣ 245).

[1]) Визитаторъ 1788 года такъ-же отзывается съ большою похвалою объ усердіи Учителей и успѣхахъ учениковъ „въ этомъ захолустьи, куда трудно проникнуть свѣту".

Иностранные языки. Преподаются только нѣмецкій и славянскій, ученики испытываются въ нихъ на публичныхъ актахъ [1]).

Порученія. Я составилъ здѣсь только общія порученія, взятыя изъ предписанія пресвѣтлой коммисіи и изъ наставленій главной школы.

Награда его королевской милости. Наиболѣе достойны этой чести ученики II класса: Игнатій Яновскій и Ѳедоръ Михневичъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

Добавленіе со стороны генеральнаго визитатора. О выдѣлкѣ инструментовъ ксендзъ Соболевскій донесъ мнѣ, что она прекращена: такъ какъ пресвѣтлая коммисія не дала завѣренія (въ производствѣ заказовъ), то рабочіе, въ числѣ восьми, пріученные имъ къ этого рода работамъ, разошлись въ разныя стороны и, не имѣя чѣмъ жить, одни занялись позолотой, другіе принялись за бронзовыя издѣлія, иные стали часовщиками, отчего Соболевскій понесъ большіе убытки [2]).

Описаніе мѣста. Въ этихъ школахъ не имѣется ничего новаго, какъ и въ цѣломъ уѣздѣ. Можетъ быть тутъ нашлось-бы что полезнаго для края, но для этого здѣсь нужны другіе люди, какъ правители, такъ и подданные, потому что первые проводятъ время въ пьянствѣ, послѣдніе въ праздности. Почва на нѣсколько миль вокругъ Овруча хороша: въ ней имѣется известь, желѣзо, мельничный камень, прекрасный матеріалъ для мощенія

---

[1]) Въ слѣдующемъ году генеральный визитаторъ нашелъ, что ни нѣмецкій, ни славянскій языки не преподаются по недостатку способныхъ учителей.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій пишетъ въ своемъ рапортѣ слѣдующее: „Здѣсь проживаетъ давній эмеритъ преклонныхъ лѣтъ, ксендзъ Соболевскій, владѣющій сноровкою въ выдѣлкѣ математическихъ и физическихъ инструментовъ. При немъ обучается этимъ работамъ много молодыхъ людей. Я видѣлъ нѣсколько математическихъ предметовъ, сдѣланныхъ имъ; они уступаютъ заграничнымъ, но въ полевыхъ работахъ могутъ имѣть преимущество предъ иностранными. Если-бы пресвѣтлая коммисія рѣшила надѣлить школы физическими и математическими инструментами, то можно бы условиться съ Соболевскимъ насчетъ доставки ихъ по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ". Къ сожалѣнію коммисія упустила этотъ единственный случай для надѣленія школъ необходимѣйшими инструментами, не поддержала этого перваго зарождавшагося въ краѣ заведенія, какъ поддерживала разныя не нужныя для школъ фабрики. Въ 1782 г., во время осмотра овручскихъ школъ Головчичемъ, Соболевскій былъ проректоромъ этихъ школъ и обратилъ его вниманіе „особенною любовію къ механикѣ и архитектурѣ, въ которыхъ оказываетъ услуги обывателямъ".

улицъ, глина для выдѣлки кирпича, чистая и здоровая вода, всегда урожайныя поля, лѣса наполненные звѣрями, птицами и пчелами, рыбныя рѣчки. Овручъ считается главнымъ городомъ обширнаго уѣзда, но онъ не городъ; ученики терпятъ въ немъ большія нужды, какъ по причинѣ плохаго устройства усадьбъ, такъ въ особенности для пріѣзжихъ издалека, по причинѣ трудности въ пріобрѣтеніи предметовъ продовольствія [1]).

Каневскія [2]) *подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ.*

Префектъ ксендзъ Адріанъ Славинскій.

Учители: 1 класса и славянскаго языка—ксендзъ Станиславъ Тучанскій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Іеронимъ Гуринъ,

„ математики—префектъ Славинскій,

Проповѣдникъ ксендзъ Ипатій Фидрицкій.

Преподаватель нѣмецкаго языка г. Залѣскій.

Генеральный осмотръ производилъ ксендзъ Янъ Дынецъ, кіевскій каноникъ, депутатъ, проректоръ житомірскій; начатъ 28, оконченъ 29 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

---

[1]) Головчичъ подтверждаетъ то-же самое, причемъ не хвалитъ и мѣстности. „Ученики, говоритъ онъ въ своей визитѣ, заболѣвали катарами и горячками, которыя обыкновенно господствуютъ здѣсь въ началѣ весны, по причинѣ болотъ, окружающихъ лежащій на пригоркѣ Овручъ и распространяющихся по цѣлому уѣзду. Вслѣдствіе неряшества въ городѣ и въ дворахъ хозяевъ, у которыхъ квартируютъ ученики, учители при посѣщеніи этихъ квартиръ никакъ не могутъ внушить ученикамъ опрятности, такъ какъ квартиры пріучаютъ ихъ къ неопрятности.

[2]) Генеральный визитаторъ 1788 года Крусинскій, на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ: „Основатель этихъ школъ—ксендзъ опатъ Физикевичъ, который, еще будучи коммисаромъ при старостѣ, князѣ Понятовскомъ, построилъ для нихъ деревянный домъ. Получивши мѣсто опата (почетнаго начальника монастыря), въ 1781 году, когда староство стало дѣдичнымъ имѣніемъ князя литовскаго подскарбія, онъ склонилъ князя построить для школъ новый каменный домъ и назначить для нихъ содержаніе. Постановленіемъ отъ 23 мая 1786 года, коммисія просвѣщенія устранила отъ завѣдыванія школами лицо не монашествующее и назначила имъ по 3550 злотыхъ (ежегодно)“. Значитъ эти школы поступили въ вѣдомство коммисіи пр. и въ завѣдываніе базиліанъ только въ 1786 году, до тѣхъ-же поръ существовали въ видѣ элементарной или фарной школы. Въ генеральной визитѣ 1782 года каневская школа значится въ числѣ парафіальныхъ (вмѣстѣ съ *бѣлоцерковскою*, о которой, кромѣ этого упоминанія, мы не нашли другихъ свѣдѣній), находящихся въ вѣдомствѣ ректора житомірскихъ школъ (Archivum, стр. 43).

О генеральной визитѣ объявлено было въ собраніи служащихъ, послѣ чего я спрашивалъ обо всемъ, что относится къ воспитанію.

Школьныя записи ведутся въ порядкѣ и подписаны мною.

Богослуженіе совершается сообразно требованіямъ устава. Для пріобщенія учениковъ латинскаго обряда приглашается тринитаръ изъ Быща. Всегда имѣется также освященная гостія (св. дары запасные) для пріобщенія заболѣвающихъ.

Всѣхъ учениковъ 139. Я засталъ только 28 учениковъ; остальные, не дожидаясь конца ученія, разъѣхались по домамъ родителей (!). Большею частію эти ученики отвѣчали сознательно и легко. Испытаніе продолжалось два дня, по 4 часа.

Иностранные языки. Нѣмецкому языку обучалось 23 ученика, славянскому—30 [1]). Изъ тѣхъ и другихъ осталось мало; оказавшіеся на лицо давали удовлетворительные отвѣты.

Награда его королевской милости. Хотя Ѳома Рыхловскій получилъ медаль прежде сего, однако, принимая во вниманіе, что онъ случайно утерялъ эту медаль и нынѣшнимъ постояннымъ усердіемъ вновь заслужилъ ее, я назначилъ ему таковую вмѣсто Романа Евфимовича, который въ этомъ году получилъ-бы первую медаль, если бы нѣсколькими днями раньше не уѣхалъ на вакацію. Другой, получившій медаль, Ѳедоръ Домницкій. Оба ученики III класса.

Мѣсячные экзамены, физическое воспитаніе и т. п. производятся точно по уставу.

Порученія. Я оставилъ только общія порученія, означенныя въ предписаніи пресвѣтлой коммисіи и главной школы.

Дополнимъ это скудное описаніе свѣдѣніями изъ другихъ визитъ. Генеральный визитаторъ 1787 года нашелъ, что всѣ предметы преподаются слабо и что Опатъ не можетъ удерживать должный порядокъ въ школахъ и почти не занимается ими. Визитаторъ не засталъ одного изъ учителей. Опатъ объяснялъ отсутствіе его необходимостью посовѣтоваться съ докторами въ Богуславѣ относительно леченія разстроеннаго здоровья, а также даннымъ ему порученіемъ купить на ярмаркѣ кое-какіе необходимые предметы для школъ. Но префектъ сообщилъ визитатору, что ничего этого не было и что учитель уѣхалъ на ярмарку по другимъ побужденіямъ. Визитаторъ хотѣлъ было строго оштрафовать этого учителя, но затѣмъ «встрѣтивъ шляющихся (błąkającyćh) по Каневу житомірскихъ учителей,

---

[1]) По числу обучавшихся славянскому языку можно съ точностью судить о числѣ русскихъ учениковъ въ школахъ.

забившихся сюда за 20 миль, простилъ этого учителя, уѣхавшаго всего за 5 миль», поручивъ однако сдѣлать ему выговоръ въ собраніи учителей. Учители жаловались визитатору, что существующая въ Богуславѣ школа отвлекаетъ учениковъ отъ каневскихъ школъ и что тѣ изъ нихъ, которые поступаютъ изъ богуславской въ каневскія школы, съ большимъ трудомъ отвыкаютъ отъ старыхъ способовъ ученія и привыкаютъ къ новымъ. Генеральный визитаторъ 1788 года пишетъ, что «ксендзъ Опатъ теперь рѣдко бываетъ въ Каневѣ и надзоръ его мало можетъ принести пользы школамъ». Обязанный отчетностью предъ визитаторомъ въ суммѣ, отпускаемой коммисіей просвѣщенія (3550 зл.), Опатъ прислалъ ему списокъ расходовъ и замѣтки о нихъ на отдѣльныхъ листкахъ безъ подписи. Визитаторъ хвалитъ префекта Бавульскаго, преподававшаго краснорѣчіе и право, но порицаетъ порученіе преподаванія краснорѣчія во II классѣ *субституту*, «всего менѣе способному къ этому предмету». На вопросъ, почему не всегда бываютъ мѣсячныя засѣданія совѣта, собраніе отвѣчало, что «не о чемъ было совѣщаться». Визитаторъ приказалъ непремѣнно собираться ежемѣсячно и, если-бы не нашлось о чемъ разсуждать, то въ протоколѣ записать: № дня и мѣсяца состоялось засѣданіе педагогическаго совѣта, которое за недостаткомъ предметовъ для обсужденія закрыто». Тотъ же визитаторъ пишетъ въ своей визитѣ слѣдующее о *богуславской* школѣ. «Проѣзжая изъ Канева въ Умань, я остановился на цѣлый день въ Богуславѣ, чтобы ознакомиться съ состояніемъ мѣстной школы. Директоромъ этой школы состоитъ Павелъ Петровичъ, 39 лѣтъ отъ роду, который самъ учитъ давнимъ способомъ грамматикѣ, поэзіи и риторикѣ. Я засталъ до 40 учениковъ, собранныхъ изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ. Я пошелъ экзаменовать эту школу вмѣстѣ съ учителемъ житомірскихъ школъ Витвицкимъ, котораго я засталъ въ Богуславѣ. Оказалось, что даже мнимые риторы не умѣютъ ни попольски, ни полатыни. Я спросилъ директора, знакомъ ли онъ съ курсомъ предписаннымъ коммисіей просвѣщенія для приходскихъ школъ. Но онъ отвѣтилъ, что гораздо полезнѣе обучать полатыни подавнему. Началъ я разговаривать съ нимъ о разныхъ предметахъ полатыни и убѣдился, что онъ ни старымъ, ни новымъ способомъ не выучился полатыни. Окончивъ испытаніе, я призвалъ директора къ себѣ и объявилъ ему, что онъ измѣнникъ и публичный обманщикъ, который обманываетъ столько дѣтей, чтобы отнять у нихъ возможность получить образованіе. Я объяснилъ ему все то, что относится къ 3 пункту инструкціи, данной мнѣ главною школою, и объявилъ ему, что если и впредь онъ будетъ ставить такія-же препятствія полезному общественному образованію, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности за обманъ столькихъ лицъ, сколько въ школѣ его дѣтей. Директоръ послѣ этого обѣщалъ исполнять распоряженіе пресвѣтлой коммисіи и обучать чтенію, письму, религіи и счету, притомъ только дѣтей мѣстныхъ официjалистовъ. О фундушѣ школьномъ нельзя было добиться ничего вѣрнаго. Въ прежнее время директоръ получалъ изъ кассы имѣнія 300 зл. Впослѣдствіи выдача этой суммы прекращена, но официјалисты сами сло-

жили эту сумму, чтобы удержать такую, по мнѣнію ихъ, полезную для дѣтей ихъ особу. Если-бы во время пребыванія моего въ Богуславѣ я засталъ было кого либо изъ болѣе смыслящихъ оффиціалистовъ, то постарался-бы въ пріятной бесѣдѣ вывести его изъ такого заблужденія". Въ слѣдующемъ году Крусинскій, по назначенію главной школы, ревизовалъ школы въ великой и малой Польшѣ и при этомъ въ Лешно (недалеко Калиша) «нашелъ школу высшихъ наукъ», которая ярко напомнила ему богуславскую школу, чѣмъ онъ и ограничился въ описаніи и характеристикѣ этой школы. Визитаторъ 1790 года Треффлеръ нашелъ въ каневскихъ школахъ 200 учениковъ; префектъ Славинскій и учитель краснорѣчія оказались способными, но успѣхи учениковъ не вполнѣ удовлетворительными, въ нѣмецкомъ и французскомъ языкѣ только «начатки», военныя упражненія въ отличномъ состояніи. О славянскомъ языкѣ онъ ничего не упоминаетъ.

Уманскія подъокружныя школы базиліанскія о трехъ учителяхъ [1]).

Префектъ ксендзъ Іоассонъ Корженевичъ.

Учители: 1-го класса ксендзъ Далматъ Бровинскій,

„ математики и физики—ксендзъ Пахомій Левицкій,

„ краснорѣчія и права—ксендзъ Граціанъ Литинскій.

Проповѣдникъ ксендзъ Лукіанъ Стебельскій.

Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языковъ г. Францишекъ Хросцицкій.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ г. Михаиломъ Кубешевскимъ, бывшимъ винницкимъ префектомъ; начатъ 9, оконченъ 10 іюля. Изъ рапорта его извлекаемъ слѣдующее.

---

[1]) Визитаторъ 1788 г., на основаніи мѣстныхъ документовъ, говоритъ слѣдующее: „Францъ-Салезій Потоцкій, воевода кіевскій, желая исправить худые нравы украинскаго народа, основалъ въ Умани въ 1766 году школы, назначивъ на постройку каменнаго костела, дома для учителей и классныхъ помѣщеній, равно и на содержаніе школъ, двѣстѣ тысячъ злотыхъ. Изъ этой суммы сто тысячъ употреблены на постройки, а другія сто тысячъ остаются въ кассѣ Станислава-Щенснаго (сына Салезія) Потоцкаго и проценты отъ нихъ расходуются на содержаніе заведенія и на нужды учительскаго собранія". Первоначально уманскія школы содержали 6 учителей, имѣли до 400 учениковъ, какъ въ 1782 (Archivum, стр. 48), такъ и въ 1784 г. (Лукашевичъ, т. IV стр. 265). Неизвѣстно, по какому случаю число учителей уменьшено до трехъ. Съ уменьшеніемъ числа классовъ въ школахъ, базиліане открыли при нихъ *Studium* съ преподаваніемъ курса философіи. Въ 1787 г. въ этомъ Studium было 9 студентовъ. Жестокая участь, постигшая уманскія школы во времена Гонты и Желѣзняка, настолько извѣстна, что мы опускаемъ здѣсь этотъ ужасный эпизодъ народной мести за средства, помощію которыхъ неразборчивые и фанатическіе польскіе цивилизаторы „исправляли грубые нравы украинскаго народа".

На предварительномъ собраніи я объяснилъ значеніе генеральныхъ визитъ, установленныхъ пресвѣтлой коммисіей и главною школою.

Учениковъ 400.

Посѣщеніе классовъ. Предъ началомъ испытаній я собралъ учениковъ всѣхъ классовъ и въ обращенной къ нимъ рѣчи изложилъ имъ заботливость о надлежащемъ образованіи молодежи со стороны пресвѣтлой коммисіи, которая не только установила въ школахъ необходимыя и полезныя науки, устроила всѣ порядки въ учебныхъ заведеніяхъ, но и старается вникать во все то, отчего зависитъ успѣхъ общественнаго образованія, совершенствованіе въ наукахъ и воспитаніе молодыхъ людей въ добрыхъ обывателей. Далѣе, изложивъ пользу наукъ для края и для учащагося юношества, я возбуждалъ ревность учениковъ къ успѣхамъ въ наукахъ и въ доброй нравственности. Испытаніе начато съ III класса, потомъ произведено во II и въ I классахъ, окончено иностранными языками. Во время самыхъ испытаній я обращалъ вниманіе на способы обученія и на способность учителей, равно какъ и на успѣхи учениковъ. Вслѣдствіе этихъ наблюденій, имѣю честь рекомендовать высшему правительству прежде всего ксендза префекта Корженевича, старательно по своей должности и хорошо правящаго молодежью, потомъ—ксендза Литинскаго, учителя нравственности, и ксендза Левицкаго, учителя математики, которые показали способность и опытность въ преподаваніи своихъ предметовъ. Эти три лица заслуживаютъ той чести, какая отдается лицамъ, отлично служащимъ образованію [1]). Учитель 1-го класса ксендзъ Бровинскій показалъ среднія способности.

Иностранные языки. Преподаватель французскаго и нѣмецкаго языка не получаетъ жалованья, но за свой трудъ онъ обезпеченъ кондиціями (частными занятіями съ учениками). Оба языка онъ знаетъ хорошо. Нашедши незначительное число учащихся этимъ языкамъ, я объяснялъ (ученикамъ) пользу отъ изу-

[1]) Времена перемѣнились. Во время первой ревизіи этихъ школъ въ 1782 г., онѣ стояли на самомъ низкомъ уровнѣ, о чемъ мы упоминали въ своемъ мѣстѣ; то-же, по свидѣтельству Лукашевича, было и въ 1784 г. Теперь, не смотря на сокращеніе штата учителей, состояніе этихъ школъ является въ иномъ видѣ. Визитаторъ 1788 года приписываетъ успѣхъ школъ ректору мѣстной базиліанской коллегіи ксендзу *Морулецу*, отличавшемуся любовію къ наукамъ, а также бывшему въ то время префекту и профессору философіи въ Studium Концевичу.

ченія ихъ и просилъ префекта позаботиться объ увеличеніи съ будущаго года числа учащихся имъ, посредствомъ заохочиванія учениковъ, каковое порученіе я даже записалъ въ книгу.

Награда его королевской милости. По совѣщанію съ служащими, я назначилъ медали ученикамъ: III класса Кириллу Сероцинскому и II класса Іосифу Качинскому.

Школьныя записи. Между ними не доставало книги объ успѣхахъ оказанныхъ учениками на мѣсячныхъ испытаніяхъ. Я поручилъ завести ее.

Частныя бесѣды. Нѣкоторые изъ служащихъ выражали свое неудовольствіе на управленіе ордена за то, что оно постоянно перемѣщаетъ учителей изъ одного класса въ другой, съ одного предмета на другой, безъ всякаго вѣдома со стороны главной школы и не смотря на желаніе учителя остаться при своемъ предметѣ [1]). Жаловались также на скудость получаемаго ими жалованья, именно по 400 злотыхъ [2]), изъ которыхъ они должны покупать себѣ одежу и проч.; выражались, что орденъ не признаетъ заслугъ въ трудѣ ихъ и гораздо лучше оплачиваетъ проповѣдниковъ и другихъ лицъ, даже служащихъ въ орденѣ частнымъ образомъ, чѣмъ учителей, отчего теряется охота служить отечественному просвѣщенію.

Богуслуженіе. Совершается по указаніямъ (школьнаго) устава. Ксендзъ Стебельскій, ордена миссіонеровъ, способностей среднихъ, въ праздничные дни сказываетъ проповѣди ученикамъ.

Классныя помѣщенія.—деревянныя, очень поврежденныя (zrójnowane) и не выгодныя. На будущій годъ классы помѣщены будутъ въ каменномъ зданіи коллегіи, которое теперь починяется. Нашедши, что въ I и II классахъ слишкомъ много учениковъ [3]), я просилъ ректора Моргулеца съ началомъ будущаго учебнаго года

---

[1]) Жалоба справедливая; распоряженія ордена ничѣмъ не объяснимы. Сличивъ списки служащихъ во всѣхъ базиліанскихъ школахъ за 1787, 1788, 1789 и 1790 годы, мы не находили ни одной школы, въ которой большинство служащихъ, часто всѣ до одного, не были-бы перемѣщаемы ежегодно съ одного мѣста на другое, безъ всякаго соображенія съ пользою для учебнаго дѣла и очевидно съ единственною цѣлію пріучать монашествующихъ къ безусловной покорности, смиренію, устраненію въ себѣ всякихъ внѣшнихъ привязанностей, честолюбія и под.

[2]) Конечно, не считая квартиры и продовольствія пищею.

[3]) Такъ какъ въ старшихъ классахъ всюду бывало мало учениковъ, то очевидно, что въ двухъ низшихъ въ этихъ школахъ было не меньше, какъ по 150 учениковъ на одного учителя.

увеличить школы однимъ классомъ и однимъ учителемъ, что онъ обѣщалъ исполнить [1]).

Физическое воспитаніе. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ и заботится объ опрятности въ квартирахъ и въ ученикахъ. Ученикамъ дозволяются развлеченія; лѣтомъ всѣ идутъ въ поле, гдѣ занимаются разными играми, военными упражненіями и всѣмъ, что содѣйствуетъ ловкости, живости, здоровью и мужеству.

Директоры. Установленныя собранія директоровъ (у префекта) происходятъ какъ предписано Въ собраніяхъ читаются постановленія (объ обязанностяхъ директоровъ), внушается старательность въ занятіяхъ съ учениками, ласковость въ обхожденіи съ ними, осмотрительность въ исправленіи и внимательность къ здоровью ихъ.

Порученія. Кромѣ общихъ порученій, сдѣланы два слѣдующія: 1) чтобы заведена была книга для записыванія результатовъ мѣсячныхъ экзаменовъ; 2) дабы ксендзъ префектъ озаботился увеличеніемъ числа обучающихся нѣмецкому и французскому языкамъ.

Визитація окончена обычнымъ порядкомъ.

ЧАСТЬ ПІАРСКАГО ОКРУГА.

Межирѣчскія [2]) *подъокружныя школы.*

Ректоръ коллегіи, проректоръ школъ ксендзъ Доминикъ Шибинскій [3]).

---

[1]) Изъ визиты 1790 года видно, что это предложеніе не было исполнено.

[2]) *Межирѣчъ*—мѣстечко по сосѣдству съ г. Острогомъ—издавна входило въ составъ имѣній, резиденціей которыхъ былъ Корецъ, а потому назывался Межирѣчъ-Корецкій, въ отличіе отъ Межирѣча-Подляскаго. Основателемъ школъ въ Межирѣчѣ-Корецкомъ былъ мѣстный владѣлецъ кн. Доминикъ Любомірскій, соорудившій для нихъ отличныя зданія и снабдившій ихъ достаточными средствами содержанія. Это было въ 1702 году. Это были единственныя піарскія школы на Волыни, а потому піарскій орденъ имѣлъ о нихъ особенную заботливость. Изъ оконъ межирѣчскихъ піарскихъ школъ видны были величественныя зданія острожской іезуитской коллегіи, которая должна была возбудить въ нихъ соревнованіе. Піары (дѣлаемъ уступку одному нашему почтенному критику въ употребленіи этой формы слова вмѣсто *піаристы*, хотя въ послѣдней формѣ не видимъ никакого грѣха) умѣли поставить эту школу такъ, что въ теченіе всего 18-го вѣка она была одною изъ лучшихъ на Волыни и Украйнѣ. (*Лукаш.* т. IV, стр. 217 и 218. *Archivum*, стр. 56. *Визиты* 1787, 1788 и 6790 г.). Число учителей въ межирѣчскихъ школахъ бывало не одинаково. Съ 1787 г. прибавка двухъ учителей къ прежнимъ четыремъ осталась не измѣнною.

[3]) Доминикъ Шибинскій былъ девятнадцать лѣтъ начальникомъ этихъ школъ (Бѣльскій у Лукаш. т. IV стр. 218, въ примѣч.). Однимъ изъ предмѣстниковъ его долгое время былъ ученый Александръ Шибинскій, наслѣдовавшій это мѣсто послѣ другого

Префектъ ксендзъ Янъ Хрисостомъ Дылевскій,
Учители: II класса ксендзъ Матвѣй Подгороденскій,
" краснорѣчія " Ѳадей Голынскій,
" математики " Корнилій Даниловичъ,
" физики " Самуилъ Близинскій,
" права " Іосифъ Трепаловскій.

Учитель 1 класса г. Николай Павловскій и учитель приготовительнаго класса [1]) г. Іеронимъ Могельскій, оба директоры, не принадлежатъ къ составу служащихъ, а потому не были приглашены въ засѣданіе.

Преподаватели: французскаго языка ксендзъ Корнилій Даниленичъ, учитель математики, нѣмецкаго языка г. Игнатій Домбровскій.

Генеральный осмотръ произведенъ ксендзомъ Лукою Свѣбоцкимъ, ректоромъ волынскаго округа. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Школьныя записи. Ведутся всѣ по формамъ, указаннымъ въ уставѣ, и всѣ имѣются, даже тѣ, которыхъ въ прошломъ году не было, исключая вѣдомости о приходскихъ школахъ, которая хранится у окружнаго ректора.

Состояніе школъ. Нужно отдать справедливость собранію служащихъ, которое, состоя изъ лицъ монашествующихъ, нравственныхъ, любящихъ и понимающихъ все разнообразіе наукъ, старательныхъ и усердныхъ въ точномъ исполненіи установленій пресвѣтлой коммисіи просвѣщенія, поставило свои школы такъ, что онѣ, въ отношеніи достоинства преподаванія, распредѣленія учебнаго времени, разумныхъ способовъ для возбужденія въ ученикахъ охоты къ ученію, вполнѣ соотвѣтствуютъ намѣреніямъ устава.

Учениковъ до 300.

Посѣщеніе классовъ. Изъ всѣхъ учениковъ едва нѣсколько оказалось не успѣвшими и то такіе, которымъ природа не дала

ученаго піара Іодловскаго, такъ же не мало потрудившагося для этихъ школъ. Піары имѣли на это дѣло взгляды, противуположные базиліанскимъ. Неудивительно, что піары настолько были привязаны къ своимъ школамъ, насколько базиліане были апатичны къ нимъ.

[1]) Приготовительные классы были во всѣхъ піарскихъ школахъ и были причиною того, что съ перваго же класса піарскія школы рѣзко отличались по успѣхамъ учениковъ отъ прочихъ школъ.

способностей. Въ нѣкоторыхъ замѣтны были вялость соображенія и преобладаніе памяти, но эти недостатки искупались въ нихъ одушевленіемъ. Въ теченіе полутора дня до поздней поры вмѣстѣ съ учителями я испытывалъ учениковъ изъ каждой науки, начиная съ приготовительнаго и оканчивая шестымъ классомъ и иностранными языками. Ученики доказали (своими отвѣтами), что они, въ особенности дѣти обывателей, при своихъ способностяхъ, увѣнчаютъ славою дорогое отечество.

Награда его королевской милости. Медали назначены: золотая ученику V класса, сыну инфлянтскаго подкоморія Ипполиту Дунину; серебренныя: директору Петру Свидзинскому и Іосифу Бачинскому, ученикамъ VI класса.

Директоры, надлежаще руководимые, исполняютъ свои обязанности.

Иностранные языки. Преподаватель, лично мнѣ извѣстный своими способностями и опытностію, кромѣ классныхъ уроковъ, обучаетъ французскому и нѣмецкому языку конвикторовъ въ ихъ квартирѣ. Всѣ учащіеся значительно успѣли въ нихъ.

Музей рисунковъ. Рисунки геометрическихъ фигуръ, присланные пресвѣтлою коммисіей просвѣщенія, я засталъ въ цѣлости. Ими пользуется на урокахъ учитель математики, но что и ученики не довольствуются созерцаніемъ ихъ, въ этомъ я убѣдился, когда разсмотрѣлъ сдѣланные ими чертежи цѣлаго мѣстечка съ его окрестностями и всѣхъ мѣстныхъ піарскихъ зданій.

Физическое воспитаніе. Хотя господствующія въ этихъ мѣстахъ лихорадки постигали многихъ учениковъ, однако я засталъ всѣхъ ихъ въ добромъ здоровьи. Послѣднему содѣйствуетъ опрятность въ квартирахъ, разныя игры, придумываемыя учителями, а больше всего частныя военныя упражненія, которыя облегчаются для нихъ употребленіемъ военной униформы. Эти упражненія сильно воспламеняютъ ихъ на служеніе отечеству. Руководилъ ими, воспитывая въ ученикахъ старопольскій духъ, ксендзъ Близинскій, учитель физики.

Мѣсячные экзамены. Я засталъ приготовленный для главной школы рапортъ о мѣсячныхъ экзаменахъ, но такъ какъ по установившемуся порядку піары посылаютъ свои рапорты чрезъ своихъ провинціаловъ, то я рѣшился не нарушать этого порядка и не взялъ этого рапорта.

Конвиктъ. Въ виду репутаціи, какую имѣетъ межирѣчскій конвиктъ столько-же у визитаторовъ, сколько и у піарскихъ про-

винціаловъ, представляющихъ свои отчеты по учебной части пресвѣтлой коммисіи, я не рѣшился напомнить ректору о сдѣланномъ генеральнымъ визитаторомъ Крусинскимъ порученіи. Нашедши въ цѣломъ заведеніи все въ отличнѣйшемъ порядкѣ, я оставилъ только такія порученія, которыя не были предложены прежними визитаторами, именно: 1) чтобы на директорство избираемы были только такіе ученики, которые признаны способными къ тому, послѣ долгаго наблюденія надъ образомъ жизни ихъ и послѣ испытанія учителями познаній ихъ; 2) чтобы школьное начальство убѣдило родителей вносить слѣдуемую директорамъ плату на руки префекта, что принесло-бы пользу и дѣтямъ, и родителямъ.

Заявленія служащихъ. Убѣдившись, что порученія визитаторовъ мало помогаютъ успѣхамъ учениковъ старшихъ классовъ въ латинскомъ языкѣ, здѣшнее учительское собраніе единогласно постановило просить ходатайства главной школы о томъ, чтобы пресвѣтлая коммисія приказала напечатать остальные учебники логики, физики и права на латинскомъ языкѣ. Изложеніемъ своихъ мыслей на этомъ языкѣ ученики, приготовленные посредствомъ переводовъ классическихъ писателей, сдѣлали-бы въ немъ значительные успѣхи. Умѣнье владѣть языками пріобрѣтается гораздо болѣе живымъ опытомъ, чѣмъ переводами.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Заявленіе учителей достаточно показываетъ, насколько тогдашняя система запуталась въ опредѣленіи значенія латинскаго языка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ основахъ обученія. Знаменательно и то, что это предложеніе въ категорической формѣ высказано піарами, которые въ свое время, въ числѣ другихъ школьныхъ реформъ, ратовали противъ преподаванія на языкѣ латинскомъ. Кстати припомнить здѣсь одно заявленіе межирѣчскихъ піаровъ, также единогласно высказанное ими визитатору 1785 года и достаточно обрисовывающее отношеніе ихъ къ тому народу, среди котораго они были представителями своего ордена и передовыми проповѣдниками просвѣщенія, именно народу русскому. «Межирѣчское піарское собраніе, пишетъ въ своей визитѣ визитаторъ этого года, Богуцицкій,—заявило просьбу, дабы пресвѣтлая коммисія просвѣщенія нашла способы устранить неудобства, происходящія отъ соблюденія праздниковъ, постовъ, совершенія литургіи и обрядовъ по двумъ обрядамъ, что попеременно отрываетъ учениковъ (значитъ въ межирѣчскихъ школахъ было не мало русскихъ учениковъ) отъ уроковъ, а учителямъ мѣшаетъ правильно распредѣлить свое время и правильно вести преподаваніе, *вноситъ рознь между членами одного народа* (!), препятствуетъ установленію правильнаго, однообразнаго во всѣхъ школахъ порядка». Другими словами: піары хо-

датайствовали о томъ-же, о чемъ порѣшила было волынская шляхта на сеймѣ 1787 года—уничтожить въ предѣлахъ Польши церковно-восточный обрядъ, какъ одну изъ причинъ розни между поляками и русскими, какъ одно изъ препятствій къ слитію русскихъ съ поляками въ одинъ народъ. Эта же шляхта, по свидѣтельству кс. Вжеща (въ общихъ замѣчаніяхъ о результатахъ произведеннаго имъ осмотра школъ), на сеймѣ 1789 года по поводу возникшихъ тогда народныхъ волненій постановила, дабы на каждую школу по крайнѣй мѣрѣ русскихъ воеводствъ выдано было на счетъ казны по 50 ружей какъ для военныхъ упражненій, такъ и на случай нужды въ защитѣ города отъ враждебныхъ нападеній. Фальшивыя основы просвѣщенія конечно не могли установить здравыхъ понятій въ такомъ важномъ дѣлѣ и сами служили тѣмъ-же страстямъ политическимъ, противъ которыхъ повидимому направлена была учебная реформа. Читатели вѣроятно обратили вниманіе, что въ 1789 году всюду уже въ базиліанскихъ школахъ значится одинъ проповѣдникъ и духовникъ для всѣхъ учениковъ—римско-католическій ксендзъ!..

Въ связи съ межирѣчскими школами приведемъ извѣстіе о *корецкой* школѣ, находившейся въ завѣдываніи ректора этихъ школъ. Генеральный визитаторъ 1788 года Круснискій пишетъ о ней слѣдующее: «Вмѣстѣ съ ректоромъ ксендзомъ Шибинскимъ я поѣхалъ (изъ Межирѣчья) въ Корецъ, гдѣ представился сіятельному князю Чарторыйскому, литовскому стольнику, и просилъ его дозволить мнѣ осмотрѣть мѣстную приходскую школу, состоящую подъ протекторатомъ его, что онъ разрѣшилъ мнѣ съ большимъ удовольствіемъ. Осмотръ произведенъ въ присутствіи многихъ свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Учениковъ оказалось больше 30; они хорошо читали, показывали успѣхи въ чистописаніи, давали отвѣты по религіи и нравственности, а найлучше отвѣчали по ариѳметикѣ. Для приходской школы этого достаточно... Директоромъ школы состоитъ Антоній Левецкій, пользующійся репутаціей за свой образъ жизни и показавшій на экзаменѣ свою старательность... Мѣстный пастырь ксендзъ каноникъ луцкій Гузковскій, на свой счетъ построилъ для школы деревянный домъ, а князь даетъ содержаніе директору. Завѣдываетъ школою ксендзъ Баранскій, управляющій приходомъ въ отсутствіи пробоща. По окончаніи экзамена, я поблагодарилъ всѣхъ присутствовавшихъ за сочувствіе къ образованію и поспѣшилъ въ замокъ, чтобы поблагодарить самого князя за такую примѣрную заботливость его объ обученіи своихъ крѣпостныхъ (между приведенными визитаторомъ 14-ю фамиліями, едва-ли хотя одна принадлежитъ крестьянину: все это обыкновенныя мелко-шляхетскія фамиліи, принадлежащія очевидно мѣстнымъ оффиціалистамъ)».

Холмскія [1]) *подъокружныя школы піарскія о 3-хъ учителяхъ.*

Префектъ школъ ксендзъ Эразмъ Соколовскій.

Учители: 1 класса—Іосифъ Вѣркевскій,

" математики и физики—Фридерикъ Линтнеръ,

" краснорѣчія и права—ксендзъ Яковъ Пинярскій.

Преподаватель нѣмецкаго языка — ксендзъ Фридрихъ Линднеръ, учитель математики.

Генеральный осмотръ этихъ школъ произведенъ холмскимъ каѳедральнымъ каноникомъ, ректоромъ малопольскаго округа Трефлеромъ; начатъ 8, оконченъ 9 іюля. Изъ рапорта его извлекается слѣдующее.

Учениковъ 120 [2]).

Посѣщеніе классовъ. Ученики испытываемы были изъ всѣхъ предметовъ въ теченіе восьми часовъ. Всѣ они успѣли въ наукахъ и въ доброй нравственности. Префектъ и учители способны и усердны въ своихъ обязанностяхъ.

Нѣмецкому языку обучаются успѣшно. Занималось имъ 40 учениковъ.

Богослуженіе, школьныя записи, экзамены мѣсячные и публичные производятся точно по уставу.

Физическое воспитаніе производится точно по уставу. Я присутствовалъ при военныхъ упражненіяхъ учениковъ [3]), происходившихъ подъ руководствомъ проживающаго въ Холмѣ солдата.

---

[1]) Піарская коллегія учреждена въ г. Холмѣ въ 1677 году. Піарамъ уступленъ мѣстный фарный костелъ со всѣми постройками и цѣлое пробоство со всѣми доходными статьями. Но, не извѣстно почему, піары долгое время не открывали здѣсь школъ и открыли ихъ только во времена Августа III. Коммисія просвѣщенія преобразовала ихъ въ подъокружныя о трехъ учителяхъ. Эти школы никогда не пользовались сочувствіемъ мѣстнаго населенія и всегда имѣли не значительное число учениковъ, не смотря на увѣреніе Лукашевича (т. IV, стр. 197) въ противномъ. Въ близкомъ сосѣдствѣ съ этими школами находились іезуитскія коллегіи въ Люблинѣ и Красноставѣ, соперничество съ которыми было трудно. Въ 1788 г., во время пожара, истребившаго большую часть Холма, піарскія школы потеряли многое изъ своего имущества и не скоро могли оправиться.

[2]) Въ 1786 году ихъ было всего 66.

[3]) Визитаторъ 1783 года сообщилъ, что холмскіе ученики для военныхъ упражненій надѣлены были ружьями и саблями; но первое примѣрное сраженіе они хотѣли учинить надъ своимъ ректоромъ, угрожая ему, во время какого-то своего возмущенія, ружьями и саблями, такъ что ректоръ долженъ былъ шесть недѣль не выходить изъ своей квартиры, пока возмущеніе не усмирено.

Въ этомъ году придется уплатить ему 81 зл. Префектъ посѣщаетъ квартиры учениковъ, внушаетъ опрятность и т. п.

Порученія. Осматривать приходскія школы [1]). Затѣмъ общія порученія.

Осмотръ оконченъ обычнымъ порядкомъ.

Опускаемъ общія замѣчанія нѣкоторыхъ изъ этихъ визитаторовъ по поводу настоящей визитаціи, такъ какъ онѣ не сообщаютъ ничего новаго о нашемъ предметѣ. Предпочитаемъ при-

---

[1]) Районъ префекта холмскаго былъ наиболѣе богатъ приходскими школами. По визитѣ 1784 г., школы существовали здѣсь въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ *Красноставѣ*, *Дорогускѣ*, *Савинѣ*, *Любомлѣ*, *Мацѣевѣ* и въ *Осховѣ*. Въ первыхъ двухъ обучали тогда по старому, въ послѣднихъ уже по новому плану. Исчислимъ здѣсь всѣ приходскія и вообще низшія, хотя бы то и съ высшими претензіями, школы въ описываемыхъ русскихъ областяхъ, по визитамъ 1782—1792 г. Кромѣ указанныхъ въ холмскомъ районѣ, на Волыни—въ *Дубнѣ*, *Ровналѣ*, *Заславлѣ*, *Гулевичахъ*, *Юржискѣ*, *Локачахъ*, *Берестечкѣ* (въ 1782 г. было три учителя, 130 учениковъ. Учредители тринитары просили визитатора 1782 г. включить эту школу въ число высшихъ, но коммисія просвѣщенія не нашла возможнымъ исполнить просьбу ихъ и зачислила ее въ разрядъ приходскихъ), *Корцѣ*; на Украйнѣ: въ *Немировѣ*, *Богуславлѣ*, *Бѣлой-Церкви*, *Купинѣ*, *Гродкѣ*. Образованная въ 1790 году военно-гражданская коммисія, имѣвшая задачею между прочимъ привести въ извѣстность фундуши парафіальныхъ школъ и изыскать мѣстныя средства къ устройству училищъ, начала свои дѣйствія съ западныхъ границъ и далеко не успѣла дойти до границъ Волыни и Украйны.

Приведемъ здѣсь замѣтку визитатора 1787 г. сдѣланную имъ по поводу бесѣдъ его съ холмскими піарами объ успѣхахъ народнаго образованія въ русскихъ областяхъ. „Визитаторъ, представляя главной школѣ отчетъ о русскихъ (!) піарскихъ школахъ, обязанъ присовокупить, сколько препятствій испытываетъ нынѣшняя система образованія отъ піаровъ, шляющихся по Руси и занимающихся частнымъ обученіемъ, безъ вѣдома своего орденскаго начальства“. Въ примѣръ приводится школа немировская, въ которой такой піаръ „подъ предлогомъ военнаго образованія“, обучаетъ не вѣсть чему „единственно въ видахъ своей корысти“. Визитаторъ приводитъ фамиліи еще трехъ піаровъ: „Терницкаго, Спелинскаго и Стройнскаго, изъ которыхъ первые два бродятъ отъ одного обывателя къ другому, напрашиваясь въ домашніе учители,—кончивъ обученіе въ одномъ домѣ, поступаютъ въ другой. Третій изъ нихъ занимаетъ мѣсто директора въ кременецкихъ школахъ, не слушаетъ приказаній орденскаго начальства о снятіи съ себя піарскаго костюма или о возвращеніи въ орденъ. Піары (холмскіе и межирѣчскіе) слышали, что весьма многіе изъ членовъ ордена ихъ занимаются тѣмъ-же ремесломъ (въ тѣхъ-же мѣстахъ); они рады были-бы, если-бы эти учители или насильно возвращены были въ орденъ, или прикрѣплены были каждый къ опредѣленному мѣсту, дабы можно было имѣть надъ ними надзоръ и не допускать ихъ срамить свой орденъ“. Визитаторъ настаиваетъ на принятіи строгихъ мѣръ противъ этихъ бродячихъ учителей.

вести здѣсь выписку изъ послѣдней генеральной визиты, относящейся къ школамъ Волыни и Украйны, именно изъ визиты 1792 года. Въ этомъ году, въ обычный срокъ, выѣхалъ изъ Кракова генеральный визитаторъ Фіалковскій и направился въ русскія области обычнымъ визитаторскимъ трактомъ, Люблинъ—Владиміръ... „Во Владимірѣ, пишетъ онъ въ своей визитѣ, я узналъ о занятіи русскими войсками польской Украйны, Подолья и части Волыни, и тотчасъ написалъ объ этомъ въ главную школу, спрашивая ее, какъ мнѣ поступить въ отношеніи къ школамъ, очутившимся за новымъ русскимъ кордономъ, и долженъ-ли я передать этимъ школамъ назначенныя для нихъ медали. Въ Кременцѣ я получилъ письмо отъ секретаря главной школы, который сообщалъ мнѣ слѣдующія распоряженія ея:

1) По окончаніи осмотра школъ, оставшихся (въ предѣлахъ Польши), тотчасъ отправиться къ губернатору занятыхъ областей, Кречетникову, и, изложивъ цѣль своей командировки, просить его, не позволитъ-ли онъ осмотрѣть школы, отошедшія за кордонъ. Въ случаѣ отказа въ осмотрѣ школъ, просить его о позволеніи по крайней мѣрѣ получить деньги за учебники, принадлежащіе главной школѣ и въ теченіе двухъ лѣтъ продававшіеся (при школахъ), и сдѣлать счетъ не проданнымъ книгамъ.

2) Въ томъ-же случаѣ назначенныя для этихъ школъ медали привезти въ Краковъ.

3) Устраненіе могущихъ встрѣтиться затрудненій главная школа предоставляетъ собственной находчивости визитатора.

Представляю отчетъ въ исполненіи этихъ порученій.

1) Тотчасъ по полученіи означеннаго письма я отправился изъ Кременца за новый русскій кордонъ, прямо въ Лабунь, въ которомъ Кречетниковъ имѣлъ свою резиденцію. Прибывши въ Острогъ, я узналъ здѣсь, что въ это самое время губернаторъ выѣхалъ въ Каменецъ-Подольскій. Такъ какъ я не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, то рѣшился остаться въ теченіе сутокъ въ Острогѣ и употребилъ это время на сведеніе счетовъ за учебники и на повѣрку не проданныхъ книгъ, которыя нашелъ въ надлежащей сохранности. Я ни за что не согласился на просьбу острогскихъ учителей произвесть осмотръ мѣстныхъ школъ и объяснилъ имъ, что не могу приступить къ осмотру безъ разрѣшенія здѣшняго правительства. Такъ какъ все еще не вполнѣ подтверждалось извѣстіе о выѣздѣ губернатора въ Каменецъ-Подольскій, то я снова направился въ

Лабунь чрезъ Заславль. Но тутъ я получилъ печальное извѣстіе (smutną wiadomość) о смерти г. Кречетникова, постигшей его въ Межибожѣ, по дорогѣ въ Каменецъ. Не заставши въ Лабунѣ вице-губернатора и узнавши, что время возвращенія его не извѣстно, я поѣхалъ въ Межибожъ. Здѣсь я засталъ вице-губернатора и, получивъ аудіенцію, изложилъ ему цѣль моего пріѣзда. Вице-губернаторъ отвѣтилъ мнѣ, что, не будучи губернаторомъ, онъ не можетъ дать разрѣшеніе на осмотръ школъ, но что, если-бы я приступилъ было къ осмотру, ни у кого не испрашивая на то разрѣшенія, то никто не препятствовалъ бы въ этомъ. Теперь, прибавилъ онъ, если-бы я захотѣлъ получить разрѣшеніе, то долженъ былъ-бы ожидать пріѣзда новаго губернатора, который прибудетъ можетъ быть только чрезъ два мѣсяца. Тогда я приступилъ къ исполненію втораго порученія главной школы относительно денегъ, слѣдуемыхъ ей за проданные въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ учебники. Именемъ главной школы я просилъ позволенія получить эти деньги, какъ ея собственность, и свести счеты съ проректорами о не распроданныхъ учебникахъ, которые и переслать въ тѣ школы, какія укажетъ главная школа. Но вице-губернаторъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ и на это дать позволенія, такъ какъ дѣло идетъ о вывозѣ (за границу) денегъ. Напрасно я доказывалъ, что деньги за проданные учебники никоимъ образомъ не могутъ быть признаваемы общественными суммами, но должны быть признаны собственностью главной школы, а на перевозку ихъ нужно смотрѣть, какъ на перевозку товара. На все это я получилъ отвѣтъ, что онъ не противъ полученія во всякое время какъ денегъ, такъ и остатка учебниковъ, но въ виду настоящаго несчастнаго случая, когда губернаторъ умеръ, а другого на его мѣсто еще нѣтъ, онъ, вице-губернаторъ, не считаетъ себя въ правѣ давать разрѣшенія по предметамъ подобнаго рода. Онъ нѣсколько разъ повторялъ мнѣ, чтобы я засвидѣтельствовалъ главной школѣ его высокое уваженіе къ учебному сословію и что онъ будетъ считать для себя за особенную честь подтвердить это самимъ дѣломъ, и если главная школа дастъ ему возможность помочь ей въ этомъ дѣлѣ, то онъ тотчасъ по пріѣздѣ новаго губернатора постарается о самомъ скоромъ и благопріятномъ рѣшеніи дѣла объ учебникахъ" [1].

---

[1]) Школы, отошедшія за новый русскій кордонъ, были слѣдующія: академическія —въ Винницѣ, Житомірѣ и Каменцѣ; базиліанскія—въ Острогѣ, Любарѣ, Овручѣ,

„Что касается личнаго объѣзда мною школъ для сведенія счетовъ съ проректорами, онъ сказалъ мнѣ, что это было-бы напрасною тратою и времени, и денегъ и не принесло-бы ничего, потому что—прибавилъ онъ—можно быть увѣреннымъ, что главная школа не потерпитъ въ этомъ дѣлѣ никакого убытка. Наконецъ онъ заявилъ, что каждому изъ учителей здѣшнихъ школъ дозволено будетъ выѣхать въ Польшу со всѣмъ своимъ имуществомъ, на что каждому безпрепятственно данъ будетъ пашпортъ. Получивъ такой отвѣтъ, я просилъ о выдачѣ мнѣ паспорта для свободнаго возвращенія, каковой мнѣ тотчасъ и былъ выданъ".

2) „Медали, соотвѣтственно рѣшенію главной школы, я сохранилъ и при семъ представляю ихъ: золотыхъ 3, серебреныхъ 20".

3) Далѣе визитаторъ описываетъ свою поѣздку для сведенія счетовъ съ проректорами за учебники и для личныхъ условій по этому дѣлу съ базиліанскимъ провинціаломъ: былъ онъ въ Винницѣ и Каменцѣ, искалъ провинціала въ Любарѣ, Бѣлиловкѣ и въ Барѣ, успѣлъ свести счеты за учебники, но нигдѣ не принялъ за нихъ денегъ, распорядившись только хранить ихъ въ школьныхъ кассахъ впредь до распоряженія со стороны новаго правительства, а самъ вернулся въ Краковъ [1]).

Каневѣ, Умани, Шаргородѣ и Барѣ; піарская—въ Межирѣчѣ. Отъ всѣхъ этихъ школъ (кромѣ межирѣчскихъ) слѣдовало главной школѣ получить за учебники 19,080 злот. и 20 грошей.

[1]) Намъ не извѣстно, получила-ль краковская главная школа эти деньги.

Интимная переписка Θеофана Прокоповича съ Яковомъ Марковичемъ *).

Въ „Трудахъ кіевской духовной академіи“ за 1865 годъ помѣщены были, въ русскомъ подлинникѣ или въ переводѣ съ латинскаго, письма Θеофана Прокоповича къ разнымъ лицамъ, какъ важные „матеріалы для исторіи русской религіозной и церковной жизни“, въ которыхъ ярко отражается духъ и образъ мыслей этого замѣчательнаго русскаго іерарха. „Его личный характеръ,—говоритъ издатель г. Терновскій,—рѣзко отличался смѣлостью мысли, любовію къ свободѣ изслѣдованія, способностію отрѣшаться отъ преданій старины: законодательныя мѣры, составленныя по его мысли и при его непосредственномъ участіи, оставили глубокій слѣдъ въ исторіи русской церкви и русскаго духовенства“.

Но личный характеръ Θеофана Прокоповича не вполнѣ высказывался въ этихъ его письмахъ, часто разсчитывавшихъ на цѣлый кругъ читателей и потому въ нѣкоторой мѣрѣ сдержанныхъ и офиціальныхъ: и современники дорожили его письмами и передавали ихъ другъ другу, какъ нѣчто необыкновенное, и самъ Θеофанъ Прокоповичъ иногда просилъ получателя письма передать съ него копію другимъ лицамъ. Но, сдерживая, по возможности, проявленіе своихъ мыслей и чувствъ въ самыхъ письмахъ, Θеофанъ Прокоповичъ съ большею откровенностію и задушевностію высказывался въ припискахъ къ этимъ письмамъ. Таковы именно письма его къ другу своему, бунчуковому товарищу Якову Марковичу. Они обыкновенно раздѣляются на двѣ половины, изъ коихъ первая заключаетъ самое письмо, болѣе или менѣе общаго характера, которое могло быть передано и другимъ лицамъ, а вторая—приписку о своихъ частныхъ дѣлахъ и интересахъ. Эти приписки не встрѣчались въ извѣстныхъ доселѣ печатныхъ и рукописныхъ сборникахъ писемъ Θеофана Прокоповича, а потому

*) Бунчуковымъ товарищемъ, извѣстнымъ авторомъ „Дневныхъ Записокъ“.

не помѣщены и у г. Терновскаго. Мы нашли ихъ на латинскомъ языкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими не изданными письмами Ѳ. Прокоповича, въ одномъ рукописномъ южнорусскомъ сборникѣ XVIII вѣка, хранящемся въ частномъ музеѣ Т. В. Кибальчича, и издаемъ ихъ, въ той увѣренности, что по своему интимному характеру они могутъ отчасти дать намъ ключъ къ психическому анализу и разгадкѣ характера этого замѣчательнаго человѣка. Достойны сами по себѣ вниманія интересующіе обоихъ друзей предметы, а также нѣкоторыя частныя сообщаемыя Прокоповичемъ свѣдѣнія, между прочимъ о коллекціяхъ и библіотекѣ Петра I-го.

I.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 13 апрѣля, 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ: „Epistolae illustrissimi ac reverendissimi Theophanis Procopowicz, variis temporibus et ad varios amicos datae, nunc primum in unum corpus collectae et suo ordine digestae. Typis Universitatis Caesareae Mosquensis, anno 1776, ep. 1.“ Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка къ этому письму:

Благоволи увѣдомить, кто были спутниками *ясновельможнаго гетмана* (*ducis*)? гдѣ ясновельможный гетманъ останавливался? когда былъ у царя? и былъ ли царь у него? былъ ли царь на обѣдѣ у рязанскаго первосвятителя? посѣщалъ ли коллегію? Кого, кромѣ того, принималъ въ гости? и у кого былъ самъ въ гостяхъ? какіе ты посѣщалъ храмы и монастыри? что новаго изъ Малой Россіи?

II.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 24 мая 1716 года. Издано въ латинскомъ сборникѣ писемъ Прокоповича, 1776 г. Въ припискѣ къ этому письму читается слѣдующее:

Монахи эти сербы показались намъ хорошими, простыми и смиренными и истинными монахами, на сколько они намъ извѣстны: они гостили у насъ 8 недѣль. Итакъ прошу за нихъ твою вельможность, не откажись помочь имъ и устроить доступъ къ славнѣйшему дворцу (гетманскому?) Можетъ быть придетъ туда другой монахъ, сербъ, который выдаетъ себя за архимандрита: онъ человѣчишко негодный, надутый, тщеславный, какимъ онъ невольно самъ покажетъ себя предъ вашими глазами. Такимъ бездѣльникамъ не совѣтую покровительствовать. Это тѣ, которые изъ бѣднаго міра изгоняютъ Христа и съ нимъ все доброе.

Вельможности твоей, господину моему и брату дражайшему, смиренный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Въ Кіевѣ, въ коллегіи могилеанской.
1716. Мая 24.

III.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 25 мая, 1716 года.

Знатнѣйшій и благороднѣйшій господинъ Марковичъ, господинъ мой и братъ во Христѣ возлюбленнѣйшій! Вотъ нѣчто на твои требованія: говорю—*нѣчто* потому, что желаешь многаго, а я представляю немножко. По поводу отвѣтовъ, которые я далъ на посланныя тобой предложенія, я написалъ цѣлый трактатецъ объ оправданіи. Написалъ я наскоро и почти бѣглымъ шагомъ, употребивъ на это дѣло два дня; посему не удивляйся, если что нибудь изложено будетъ нестройно и въ не надлежащемъ порядкѣ, равно, если будетъ что нибудь излишнее и не станетъ чего нибудь необходимаго. Надлежащую книгу о семъ предметѣ мы обѣщаемъ въ концѣ нашего богословія, а въ какомъ мѣстѣ,—самъ можешь видѣть изъ оглавленія послѣдующихъ книгъ, которое ты имѣешь въ нашихъ трактатахъ, недавно посланныхъ къ тебѣ. Тамъ постараемся и о методѣ, и о полнотѣ. Но въ исполненіи сего нашего обѣщанія мы также увѣрены, какъ увѣрены въ завтрешнемъ днѣ. Именно мы помнимъ о томъ спасительнѣйшемъ божественномъ наставленіи, которое преподано соименнымъ тебѣ Апостоломъ: „*аще Господь восхощетъ и живи будемъ*“ (Іак. 4 ст. 15), равно какъ и о томъ, что въ началѣ письма мы обѣщали сказать кратко, между тѣмъ, какъ бы забывъ обѣщаніе, говоримъ пространно. Прошу не прогнѣваться за это; ибо этотъ грѣхъ нашъ мы извинимъ мнѣніемъ св. Григорія Назіанзина во 2-мъ письмѣ къ Никовуму. Вотъ это мнѣніе: „Лаконизмъ не въ томъ, какъ ты думаешь, чтобы писать въ не многихъ словахъ, но малое во многихъ; такимъ образомъ я считаю Гомера краткоглаголивымъ, а Антимаха—широковѣщательнымъ: почему? потому, что приписываю длинноту предметамъ, а не писавіямъ“. Доздѣ онъ. Если краткость должна сама за себя говорить, то она не можетъ говорить короче, и однако если тебѣ покажется, что мы написали много о маломъ, то просимъ извиненія и больше не безпокоимъ. Прощай!

Вельможности твоей преданнѣйшій Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Кіевъ. Въ коллегіи кіево-могилеанской.

Посылаемъ 6 книгъ: апологію англійскаго короля Іакова и объясненіе изъ посланія къ римлянамъ, что современная римская апостольская церковь не есть апостольская: это—богословы; потомъ польскую книгу о лошадяхъ, подъ названіемъ „Hippica“, математику хорошую Финея Орорція и политику о правѣ германскомъ, автора Готфрида Гофмана, который учитъ теперь въ Лейпцигѣ сыновей нашего гетмана и недавно прислалъ мнѣ сію книгу съ другими. Твоихъ двухъ книгъ, которыя, какъ ты говоришь, у меня,—я не нахожу у насъ и не могу о нихъ припомнить. Посему напиши мнѣ о нихъ яснѣе, какія онѣ и когда къ намъ поступили: тогда, можетъ быть, найдемъ.

О тѣхъ-же книгахъ, которыя посылаю, я упоминаю въ другомъ моемъ письмѣ, къ тебѣ-же посланномъ, которое получишь отъ монаха серба, нашего гостя, честнаго и простаго человѣка, котораго опять поручаю твоей вельможности.

IV.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 30 мая, 1716 года. Издано въ латинскомъ Сборникѣ 1776 г., *ер*. IV. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

Мы слышали, что ты путешествовалъ въ Петербургъ,—ты слышалъ, что я страдалъ продолжительною болѣзнію; но ни та, ни другая причина не побудила тебя написать что-нибудь къ намъ. Откуда это молчаніе? Иные объясняютъ перемѣною твоей благорасположенности, чего я менѣе всего ожидаю. Ибо я знаю, какъ ты расположенъ къ моему убожеству, не сомнѣваюсь въ дружбѣ и благосклонности того, кто считаетъ себя какъ-бы сыномъ моимъ и кого я желаю звать братомъ и не стыжусь называть господиномъ. И такъ какая-же причина молчанія? Къ извиненію твоему, сказалъ-бы я, что это—общій недостатокъ, какая-то неохота писать письма и проистекающее отсюда забвеніе. Признаюсь, что и меня она сильно одолѣваетъ. Впрочемъ, къ твоей вельможности я никогда не буду медлителенъ; и отъ тебя также по праву ожидаю взаимности въ этомъ, прошу не отвергнуть. И такъ, напиши намъ о своемъ здоровьи во время прошлаго путешествія и объ его результатахъ, и не захочешь-ли написать или поручить мнѣ что другое? Будь здоровъ, какъ можно лучше.

V.

Письмо къ Якову Марковичу, безъ даты; но, судя по содержанію, написанное вскорѣ послѣ предыдущаго.

Знатнѣйшій и вельможнѣйшій господинъ Марковичъ, мой господинъ и братъ многоуважаемый!

Прошу не удивляться, что въ предыдущемъ письмѣ я спрашивалъ о твоемъ молчаніи; ибо письма твои ко мнѣ, посланныя благовременно, я наконецъ получилъ только теперь, именно уже послѣ отъѣзда нашего отца префекта и послѣ отправки моего письма къ тебѣ. Здѣсь-же вмѣстѣ прошу прощенія въ томъ, что и самъ на этотъ разъ могу говорить съ тобой весьма мало,— такъ отовсюду заваленъ множествомъ работъ. Но признаюсь чистосердечно и откровенно, что я такъ пораженъ и возбужденъ твоимъ ко мнѣ письмомъ, дышащимъ однимъ только Христомъ, что не могу не отвѣтить тебѣ тѣми словами, какія апостолъ Павелъ написалъ къ римлянамъ: *Благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ* о тебѣ, *яко вѣра* твоя *возвѣщается во всемъ мірѣ.* (Римл. 1, ст. 8). Прибавляю и послѣдующее: *свидѣтель ми есть Богъ, ему же служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его, яко безпрестани память о тебѣ творю, всегда въ молитвахъ моихъ моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити* къ тебѣ. *Желаю бо видѣти* тя, *да нѣкое подамъ* тебѣ *дарованіе духовное ко утвержденію* твоему; *сіе же есть соутѣшитися* въ тебѣ *вѣрою общею* твоею *и моею.* Если мое путешествіе не осуществится, то прошу, молю, требую, настаиваю, умоляю Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, удовлетвори нашимъ желаніямъ, предпринявъ, если можно, свое путешествіе къ намъ. Ибо почему, спрашиваю, не можешь выдумать причины или отыскать поводъ подъ видомъ другаго дѣла, которое бы могло привести тебя къ намъ? Но вы свое лучше знаете: дѣлайте, чтобъ исполнить задуманное, и простите насъ, если что болтнули безъ разсужденія. Богъ да сохранитъ тебя, драгоцѣннѣйшій изъ всѣхъ братъ и господинъ, невредимымъ, счастливымъ на войнѣ и въ мирѣ, равно и торжествующимъ въ апостольской мантіи, и да сохранитъ какъ можно долѣе. Прощай.

Знатнѣйшаго и вельможнѣйшаго панства твоего преданный братъ и слуга Ѳеофанъ, коллегіи кіево-могилеанской ректоръ.

Что ты написалъ намъ объ имѣющемъ прибыть гостѣ,—радуюсь и веселюсь и за эту пріятнѣйшую вѣсть приношу вели-

чайшую благодарность. О, если бы ты скоро исполнилъ обѣщанное и удовлетворилъ нашимъ желаніямъ! Ибо и я въ первомъ письмѣ моемъ, посланномъ черезъ Завратинскаго, особенно объ этомъ безпокоилъ тебя. Вотъ удивительное, какъ бы условленное согласіе нашихъ обоюдныхъ желаній.

Съ господиномъ Борзаковскимъ, родственникомъ вашимъ, хотя онъ тяжко насъ оскорбилъ и нашу расположенность передъ многими толковалъ за ненависть, мы немедленно и охотно примирились, по просьбѣ знатнѣйшаго господина тестя твоего и по твоей собственной. Для этого весьма достаточно было и твоего одного ходатайства; ибо нѣтъ для меня важнѣе, достойнѣе и сильнѣе твоихъ просьбъ; да будетъ такъ милостивъ ко мнѣ, грѣшнику, Господь кровію Сына Своего Господа нашего Іисуса Христа.

Чего отъ насъ требуешь, скоро пришлю;—какъ нѣкоторыя книги, такъ и мои отвѣты. И между прочимъ посылаю два мои уже преподанные трактаты богословскіе: 1-й—О твореніи и промыслѣ, второй — О состояніи перваго человѣка. Полагаю, найдешь въ нихъ кое-что обыкновенное, кое-что и любопытное, легкое, трудное, годное, не годное,—разное; наконецъ, найдешь то, надъ чѣмъ можешь, если угодно, провесть или, можетъ быть, потерять хорошее время. Но прошу панство ваше, благоволи приказать, если угодно, переписать сію рукопись и возвратить ее намъ; ибо мы взяли ее у одного ученика, между прочимъ, для того, чтобы удовлетворить твоимъ требованіямъ.

VI.

Письмо къ Якову Марковичу, отъ 19 августа, 1716 года. Издано въ Трудахъ кіев. дух. академіи, за январь, 1865 года, съ помѣтой 9 августа, 1716 г. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая къ нему приписка:

Благороднаго господина Василія Савицкаго особенно рекомендую твоей вельможности. Можетъ быть, это излишне, поелику онъ очень хорошо тебѣ извѣстенъ и пріятенъ. Однако и я говорю, что̀ чувствую. Кажется, онъ весьма преданъ тебѣ, и экономъ, и совѣтникъ, и вѣрный домашній: и насъ принялъ отъ твоего имени весьма любезно.

Помогите ради любви Христовой оглашенному іудею, и хотя бы жена его не пожелала креститься, однако можетъ быть его женою, если только сама не заупрямится, по ученію Апостола

1 Кор. гл. 7. Не слѣдуетъ слушать негодяя попа, который, говорятъ, подстрекаетъ къ противному.

И опять о семъ единственно прошу, чтобы ты не удостоивалъ своими учеными бесѣдами неблагодарныхъ бездѣльниковъ, о которыхъ самъ знаешь, что они слѣпые, дерзкіе и не ученые. Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся. Не повергай святая псамъ, не мещи бисера твоего предъ свиньями.

VII.

Письмо къ Якову Марковичу изъ С.-Петербурга, отъ 27 января, 1717 года. Съ ошибочной и неопредѣленной датой отпечатано, въ русскомъ переводѣ, въ Трудахъ кіевской духовной академіи за январь 1865 года. Въ нашемъ сборникѣ слѣдующая приписка:

Не полѣнись написать, не представлялся ли ты преосвященнѣйшему предстоятелю рязанскому, и какъ онъ принялъ тебя? Какой былъ разговоръ, обращеніе и весь пріемъ? Не было ли и обо мнѣ помину?

Прошу, напиши мнѣ объ о. Стефанѣ Прибыловичѣ: гдѣ онъ и что съ нимъ? ибо мнѣ прежде сообщено было, что онъ обвиненъ былъ за ложно приписанную ему Шидловскимъ ересь, если это правда. Этотъ Шидловскій, какъ былъ вѣроломенъ предъ земнымъ царемъ, такъ и предъ царемъ небеснымъ, и—рабъ непотребный.

Между значительными, которые меня любятъ и глубоко уважаютъ (если не ошибаюсь), суть слѣдующіе: сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, Ѳеодоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, начальникъ флота, иначе адмиралъ; сенаторъ Іоаннъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ и первый изъ сенаторовъ Яковъ Ѳеодоровичъ Долгорукій, генералъ Григорій Петровичъ Чернышевъ. Объ о. архимандритѣ Невскомъ [1]), который путешествовалъ съ пресвѣтлѣйшимъ, хорошо знаю отъ достовѣрнѣйшихъ лицъ, что онъ чтитель истины и сильный врагъ ханжей и всякаго суевѣрія, почему и мнѣ обѣщаютъ въ немъ единственнаго друга, каковымъ онъ уже и есть; ибо вездѣ доселѣ превозносилъ мое имя и, говорятъ, ожидалъ моего прибытія съ величайшимъ желаніемъ. Тоже обѣщаютъ и о самомъ пресвѣтлѣйшемъ.

---

[1]) Ѳеодосіѣ Яновскомъ.

Между другими проповѣдями, которыя я здѣсь говорилъ, проповѣдь на Рождество Христово, въ которой въ отдѣлѣ объ оправданіи положилъ основаніемъ сіе изрѣченіе Апостола: *немощное закона, въ немъ-же немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти, да оправданіе закона исполнится въ насъ*, и проч. (Римл. 8, ст. 3); ибо я показалъ, какимъ образомъ законъ во плоти немоществовалъ, и какимъ образомъ Сынъ Божій исцѣлилъ законъ и требуемое закономъ оправданіе исполнилъ для насъ на себѣ самомъ: эта, говорю, проповѣдь принята была съ такимъ восторгомъ и всеобщимъ одобреніемъ, что разныя лица открыто превозносятъ ее разными похвалами, даже къ величайшему стыду моему, и всѣ потребовали, чтобы она не медленно была напечатана, и нынѣ уже въ печати. Когда выйдетъ изъ печати, пришлю тебѣ. И такъ, отсюда свѣтитъ надежда божественной благодати, имѣющей показать свою силу. О, если-бы! О, Боже! О, Христе Боже! Исполни желанія наши! Не намъ, Господи, не намъ, но имени твоему даждь славу! О полученіи таковаго успѣха молюсь я, грѣшникъ; молись и ты непрестанно, любезнѣйшій!

Благоволи написать въ Кіевъ къ о. Кохановскому и увѣдомь его, что два его письма получены мною, и что при этомъ желаю я, чтобы онъ и еще писалъ къ намъ: и я кратко буду писать.

Прошу прислать мнѣ двѣ книги—Финея Оророція и другую: „De horologiis“, которую я оставилъ у господина Савицкаго; я ихъ послѣ возвращу вамъ съ другими новыми.

Если будетъ отъ васъ удобный случай сюда (прошу простить безстыдной скудости), пришли мнѣ сколько нибудь „сивушки“: до того мы здѣсь бѣдны, что я не стыжусь писать тебѣ объ этомъ.

Покорнѣйше прошу извинить, что я и обременяю тебя многимъ чтеніемъ, и налагаю трудъ писанія.

Когда возвратится изъ долговременнаго путешествія пресвѣтлѣйшій, полагаю, что отъ ясновельможнаго гетмана послѣдуетъ привѣтствіе. Но едва-ли не сообразнѣе было-бы, если-бы ты прибылъ поздравителемъ, о чемъ и совѣтую тебѣ постараться.

Достопочтенному отцу архимандриту привѣтствіе твое весьма пріятно: нисколько не мѣшаетъ, даже сдѣлаешь хорошее дѣло, если, еще пославши къ нему письмо, подтвердишь свою расположенность.

Что писалъ ты намъ о нашихъ хорошихъ благопріятеляхъ и хвалителяхъ, за это благодарю; но едва могу вѣрить, не притворныя ли это похвалы. Прошу также, не полѣнись писать намъ, если что новаго о насъ услышишь, но чрезъ вѣрнаго письмоносца и такого, который бы вручилъ мнѣ письмо въ руки.

Прошу прислать книги господина генерала: онъ просилъ меня, чтобы я навѣстилъ его домъ въ качествѣ гостя; но, обѣщавшись, я доселѣ не сдѣлалъ этого, чтобы онъ не помянулъ о книгахъ.

Его величество, самодержецъ пресвѣтлѣйшій, предпринявъ путь въ Москву, при самомъ выѣздѣ, отозвавшись обо мнѣ превосходно, приказалъ также дать мнѣ особенный подарокъ изъ своихъ домашнихъ денегъ, именно 100 рублей, о чемъ мы не знали, и уже нѣсколько дней послѣ его отъѣзда я узналъ по случаю и деньги получилъ изъ царскаго дворца.

Сіятельнѣйшій князь Меньшиковъ, вмѣстѣ съ княземъ Димитріемъ и сенаторомъ Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ и другими вельможами (между ними и господинъ Шпетакъ) обѣдали у меня съ удовольствіемъ и благодарностію 15 января. Потомъ и съ тѣми же гостями мы были 17 января на обѣдѣ у отца архимандрита.

Что теперь дѣлается въ Москвѣ, я не желалъ бы, чтобы ты писалъ мнѣ объ этомъ, поелику не приходится намъ знать о томъ; развѣ, можетъ быть, что сообщено будетъ къ общему свѣдѣнію и о чемъ приказано будетъ опубликовать [1]).

VIII.

Письмо къ Якову Марковичу отъ 26 февраля 1719 года, изъ Нарвы. Отпечатано въ латинскомъ сборникѣ 1776 года. Въ нашей рукописи слѣдующая приписка:

По написаніи сего письма получилъ я печальное извѣстіе о смерти брата моего Нестора; что иное должно дѣлать, какъ не умѣрять печаль размышленіемъ о божественномъ попеченіи о насъ!

IX.

Письмо къ Якову Марковичу изъ Петербурга отъ 10 мая 1720 года. Въ русскомъ переводѣ издано въ Трудахъ кіевской ду-

---

[1]) Разумѣется дѣло о царевичѣ Алексіѣ Петровичѣ. Въ этой предупреждающей осторожности живо рисуется одна изъ коренныхъ чертъ политики Прокоповича.

ховной академіи, за февраль 1865 года, но безъ точной и опредѣленной даты. Въ концѣ письма, по нашей рукописи, слѣдующая приписка:

Вотъ суета человѣческихъ дѣлъ! По написаніи сего, въ тотъ же день, по прошествіи почти пяти часовъ, скончался о. Михаилъ, къ величайшему нашему прискорбію. Водянкою, такъ какъ былъ толстый, болѣлъ 6 недѣль: сначала ноги опухли; потомъ, когда врачъ составилъ лекарство и нѣсколько разъ далъ ему пить, опухоль въ ногахъ прошла, но мокрота перешла въ животъ и оттуда бросилась въ легкія. Два врача не одинаково опредѣляли пульсъ и кровь, но предполагали, что онъ умретъ отъ паденія мокроты на грудь. Не было недостатка въ медицинской помощи и, послѣ одного и другаго сильнаго пароксизма, мокрота выплевана, и онъ сталъ чувствовать себя лучше. Потомъ опять усилилась болѣзнь, дыханіе сдѣлалось весьма тяжелымъ, и наконецъ, въ означенный день, въ исходѣ 11-го часа по полудни, не стало человѣка, въ самое полнолуніе, когда, по словамъ врача поляка, чаще умираютъ страдающіе водянкой. Превосходнымъ умомъ человѣка (каковыя дарованія я обыкновенно цѣню выше всего, чему удивляются люди) и свѣтлой простотой я удивительно пользовался и смерть его приписываю своимъ грѣхамъ. Однако насъ утѣшаетъ смерть его, полная спасительной надежды. Ибо когда, по полученіи извѣстія, что отцу Михаилу хуже, я пришелъ къ нему и спросилъ, узнаетъ ли меня, онъ весьма слабымъ голосомъ отвѣчалъ, что узнаетъ. Приступивъ къ нему укрѣпить его, я особенно увѣщевалъ его касательно двухъ предметовъ: во первыхъ, чтобы онъ не жаловался на свою участь, т. е. на Божественное Провидѣніе, что рано долженъ умереть, изобразивъ ему суету жизни и внушивъ ему, чтобы онъ предалъ себя въ волю Божію; во вторыхъ, чтобы молился и молясь не отчаевался въ божественномъ къ нему чрезъ Христа милосердіи. Когда я говорилъ ему объ этомъ, онъ набожно сочувствовалъ мнѣ движеніемъ руки и выраженіемъ глазъ. Тотчасъ по моемъ уходѣ началась агонія, и черезъ 20 минутъ послѣ моего ухода онъ скончался. Буди ему вѣчная память!

Объ одномъ при этомъ я позабылъ. Недалеко отъ нашего дома есть прекрасный каменный домъ, прежде Кикина, теперь—Императора. Тамъ хранится имущество Его Величества, весьма драгоцѣнное: 1) анатомическое, находящееся въ многочисленныхъ камерахъ, которыя наполнены всякими человѣческими частями,

сберегаемыми въ спиртѣ; 2) многія рѣдкости природы, змѣи, крокодилы, монстры и проч., побѣги коралловъ всякаго рода, раковины выше всякаго удивленія, и проч., и проч.; 3) библіотека, доходящая числомъ до 15-ти тысячъ книгъ. Поэтому и отсюда мы можемъ получать пособіе въ литературныхъ занятіяхъ, такъ какъ она находится не далеко и открыта для насъ во всякое время.

Славнѣйшаго господина Генеральнаго Писаря съ любовію привѣтствую и отъ души ему соболѣзную о смерти дорогаго сына. Прошу и молю, чтобы всемогущій Богъ вознаградилъ его за сію утрату всѣми другими счастливѣйшими успѣхами.

Достопочтеннѣйшаго отца Епифанія Тихорскаго игумена (если не архимандрита, какъ я наслышанъ) привѣтствую усерднѣйше и прошу для него у вашей вельможности копіи съ моего письма.

Н. Петровъ.

Библіографія.

„Хуторна поэзія“ и „Крашанка“. П. А. Кулиша. Львовъ. 1882.

Первая изъ этихъ брошюръ г. Кулиша имѣетъ своею задачею поднятіе народнаго украинскаго духа, пробужденіе народнаго украинскаго самосознанія, а вторая пытается склонить украинцевъ къ примиренію съ поляками. Не смотря однако на кажущуюся разность брошюръ, по ихъ цѣлямъ, между ними есть много сходства. Въ обѣихъ своихъ брошюрахъ авторъ пытается стать на историческую почву и освѣтить исторіею современныя отношенія Украины; въ той и другой проводится одинъ и тотъже почти историческій взглядъ и высказываются одинаковыя симпатіи и антипатіи, съ небольшими развѣ только разностями. Поэтому, на основаніи названныхъ брошюръ, можно воспроизвести то историческое міровоззрѣніе автора, какое сложилось у него за послѣднее время.

Историческій взглядъ свой на судьбу украинскаго народа и его словесности въ „Хуторной поэзіи“ г. Кулишъ представляетъ въ слѣдующемъ видѣ. „Наше слово, говоритъ, закалено въ устахъ Олеговъ, Святославовъ, Владиміровъ еще тогда, какъ Москва и не народилась. Закалили мы его и въ устахъ того рыцарства, къ которому обращалась съ приглашеніями вся Европа, воюя съ врагами вѣры Христовой или свободы религіозной“. Это слово стало подвергаться стѣсненію подъ владычествомъ Польши и Россіи надъ Малороссіей. Какимъ образомъ Малороссія подпала подъ власть Польши, объ этомъ г. Кулишъ вскользь замѣчаетъ въ своей „Крашанкѣ“. „Козаки, говоритъ онъ, не допуская вдову кіевскаго князя Симеона Олельковича господствовать, принудили ее просить короля, чтобы онъ взялъ себѣ неспокойный Кіевъ и далъ ей въ замѣну Пинскъ съ Кобриномъ и

Рогачевымъ"; слѣдовательно поддача кіевлянъ польскому королю была добровольная и не справедливо извѣстіе лѣтописей, будто ляхи силою сдѣлали изъ русскаго княжества польское воеводство. Какъ-бы то ни-было, фактъ подчиненія Украины Польшѣ совершился. „Во время господства Польши нашимъ предкамъ казалось, будто Русь отъ Карпатъ до Путивля есть недѣлимая часть Рѣчи Посполитой польской, и будто-бы, не держась съ ляхомъ за руки, нельзя русину жить на свѣтѣ". Они уже слишкомъ стали склоняться на сторону поляковъ и ассимилироваться съ ними. Важнѣйшіе дома въ Червоной Руси, на Покутьи, на Подольѣ, на Волыни, въ Бѣлоруссіи и на Украинѣ по обоимъ берегамъ Днѣпра оставляли даже старую вѣру греческую, чтобы не разниться ни въ чемъ съ польскими панами. А между тѣмъ украинское простонародье, предоставленное самому себѣ, пробавлялось своими стародавними преданіями и пѣснями, стояло въ сторонѣ отъ прогресса и цивилизаціи и все болѣе и болѣе удалялось отъ высшихъ сословій, цивилизованныхъ по-польски. Результатомъ этой розни была соціальная усобица въ концѣ XVI столѣтія, когда низшее духовенство русское отреклось отъ единенія съ русскою церковною аристократіею, а народъ, по внушенію духовенства, сталъ называть ляхами и русскихъ вельможъ. Такимъ образомъ соціальныя усобицы въ Рѣчи Посполитой приняли зловѣщее названіе борьбы козаковъ съ ляхами, не смотря на то, что козаки боролись съ вельможными представителями Руси: Острожскими, Вишневецкими, Сангушками, Четвертинскими, Корецкими и т. д. Въ этой гибельной для обѣихъ націй борьбѣ, русскихъ пановъ поддержали польскіе паны, а русскихъ козаковъ—бояре московскіе, думные люди царя Алексѣя Михайловича. Такимъ образомъ древняя варяго-русская аристократія потеряла територію, которую заняла-было по праву защиты отъ хищнаго азіатства.

Забытая своими церковными и мірскими властями Русь оставила слѣды въ польской словесности и, принявъ въ себя довольно польщизны, перешла подъ московское владычество такою же просторѣчивою, какою была и подъ польскимъ. Послѣ Великой Руины, уничтожившей всю работу европейской культуры на обоихъ берегахъ Днѣпра, изъ заселенныхъ вновь городищъ и селищъ возникла такъ называемая по-книжному Малая Россія, а по-народному Украина. Здѣсь опять глубоко укоренилась и широко разлилась украинская простонародная рѣчь, которая

однако не пользовалась вниманіемъ высшихъ властей и украинскаго панства, стремившагося на „россійскій Гелиюнъ“. Украина была какъ будто въ летаргическомъ снѣ, отъ котораго пробудила ее та-же родная рѣчь. „По какому-то таинственному закону воскресенія замерших народностей, въ Полтавщинѣ, въ Харьковщинѣ и, какъ видимъ, даже въ Черниговщинѣ, какъ будто на кобзѣ струна къ струнѣ, отозвались одинъ по одному люди чужіе и далекіе между собою и провозгласили новую націю между націями, во имя роднаго слова и самобытнаго міровоззрѣнія“. Это дѣло началъ простодушно Котляревскій въ своей „Перелицованной Энеидѣ“. Онъ постаскивалъ съ Олимпа боговъ и богинь съ полубогами и славныхъ героевъ, и всю эту олимпійскую знать повернулъ въ мужицкую простоту. Такъ зародилась новѣйшая украинская литература. Она сдѣлалась демократическою и получила широкое и прочное развитіе.

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этого развитія представляетъ эпоха 40-хъ годовъ, съ Шевченкомъ во главѣ. Этой эпохѣ, въ которой принималъ нѣкоторое участіе и Кулишъ, онъ посвящаетъ свое „историчне оповіданне“, служащее какъ бы предисловіемъ къ „Хуторной Поэзіи“. По его словамъ, года за три—за четыре до 1847 г. кіевская молодежь, проникнувшись евангельскимъ ученіемъ, задумала проповѣдывать среди просвѣщенныхъ пановъ украинскихъ освобожденіе народа отъ крѣпостничества путемъ просвѣщенія, вмѣстѣ и христіанскимъ и научнымъ. Во главѣ этой молодежи стоялъ Шевченко. Къ ней принадлежалъ и самъ Кулишъ. Осенью 1845 года онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда переписывался съ своими кіевскими друзьями. Въ началѣ 1847 года Кулишъ снова является на Украинѣ, куда онъ заѣхалъ по дорогѣ за границу. Къ этому времени Шевченко получилъ мѣсто профессора живописи при кіевскомъ университетѣ св. Владиміра. Вмѣстѣ съ Шевченкомъ Кулишъ былъ на свадьбѣ, въ черниговской губерніи, у одной знакомой дѣвицы, отдавшей все свое приданое для Шевченка, и гостилъ нѣсколько времени у другаго украинскаго поэта, воспитанника нѣжинской гимназіи, холостяка, кажется—Забѣлы, который былъ „великий недурень выпити“. Въ Кіевѣ Кулишъ узналъ стороною, что кіевскіе его пріятели составили какое-то „общество Кирилла и Меѳодія“, сочинили уставъ и имѣли свой значекъ—перстни изъ чистаго желѣза съ литерами К. М., но не былъ посвященъ въ тайны этого общества. Въ уставѣ, какъ послѣ извѣстно стало, между другими премудрыми замыслами,

было сказано, что украинцы получатъ всю славянщину въ одну федерацію, подъ протекціей всероссійскаго императора, а если-бы всероссійскій императоръ на это не согласился, то будутъ промышлять о себѣ какъ нибудь иначе. Извѣстно, что на членовъ кирилло-меѳодіевскаго общества или братства послѣдовалъ доносъ, вслѣдствіе котораго пострадалъ и Кулишъ изъ-за своей переписки съ кіевскими пріятелями своими. Главными обвинительными пунктами противъ Кулиша были: его переписка съ кіевскими его пріятелями и „повѣсть объ украинскомъ народѣ“, напечатанная въ дѣтскомъ журналѣ г-жи Ишимовой „Звѣздочка“. Содержанія своей переписки Кулишъ не открываетъ, хотя, быть можетъ, она помогла-бы намъ разрѣшить не излишній для его характеристики вопросъ о томъ, почему онъ не былъ посвященъ въ тайны кирилло-меѳодіевскаго общества. По его-же словамъ, и ген. Дубельтъ давалъ ему понять, что онъ выгораживаетъ себя, не щадя своихъ соучастниковъ. Что касается повѣсти объ украинскомъ народѣ, помѣщенной въ „Звѣздочкѣ“, то, по отзыву самого Кулиша, „это была компиляція тѣхъ шкодливыхъ для нашего разума выдумокъ, которыя наши лѣтописцы выдумывали про ляховъ, да тѣхъ, что́ наши кобзари сочиняли про жидовъ, для поджоги или для забавы козакамъ-пьяницамъ, да тѣхъ, которыя разбросаны по апокрифамъ старинныхъ будто-бы сказаній и по подделаннымъ еще при нашихъ прадѣдахъ историческимъ документамъ. Это было одно изъ тѣхъ утопичныхъ и фантастическихъ сочиненій безъ критики, изъ какихъ сшита у насъ вся исторія борьбы Польши съ Москвою. Козаки являлись въ ней, какъ нація, а все то, что дѣлаетъ націею, игнорировалось или отбрасывалось въ противоположный лагерь. Всѣ козацкіе враги изображены тутъ людоѣдами, а сами козаки праведными мучениками и благородными патріотами“. О Кулишѣ опредѣлено было: „на два мѣсяца въ крѣпость, а потомъ въ отдаленныя губерніи, съ запрещеніемъ служить по министерству народнаго просвѣщенія“.

Судьба другихъ соучастниковъ кирилло-меѳодіевскаго кружка болѣе или менѣе извѣстна, и Кулишъ не касается ея. Но не безъинтересно его мнѣніе о Т. Г. Шевченкѣ. Сравнивая Шевченка и Пушкина, Кулишъ говоритъ, что оба они одарены были великими дарами природы, Шевченко еще большими, чѣмъ Пушкинъ. Но Пушкинъ глубже могъ проникнуть въ историческую правду, чѣмъ Шевченко, не имѣвшій возможности развить свой природный даръ широкимъ опытомъ жизни, культурой и наукой. Если-бъ

Шевченка не постигла извѣстная печальная участь ссылки, то онъ путемъ науки сравнялся-бы съ Пушкинымъ, и русское единство, къ которому стремились Петръ I и Екатерина II, подкрѣпилось-бы Шевченкомъ еще больше, чѣмъ самимъ Пушкинымъ.

Послѣ погрома кіевскаго кирилло-меѳодіевскаго кружка,— по представленію и Кулиша,—настали тяжелыя времена для украинской литературы, продолжающіяся и до послѣдняго времени. „Что послѣдовало на Украинѣ послѣ 1847 г., говоритъ онъ, это мы всѣ знаемъ". Въ другихъ мѣстахъ Кулишъ даетъ понять читателю, что цензурныя стѣсненія послѣдняго времени были причиною удаленія его изъ Россія за границу, въ Галицію, хотя мы замѣтимъ, что никто не мѣшалъ ему писать и печатать здѣсь свою пресловутую „Исторію возсоединенія Руси", и почти одновременно предлагать своимъ землякамъ перелицовать эту „Исторію" въ ихъ пользу, подъ условіемъ уплаты ему по 100 руб. с. за каждый печатный листъ.

Въ заключеніе своей „Хуторной поэзіи" Кулишъ, указывая на то зло, какое сдѣлали Украинѣ сначала Польша, а въ послѣднее время Москва, приглашаетъ своихъ земляковъ работать для воскрешенія украинской народности на поприщѣ украинскаго слова и литературы и разработывать родное слово въ переводахъ поэтическихъ твореній великихъ народовъ и въ философіи, опирающейся на науку естествовѣдѣнія.

Казалось бы, что Польша и Москва, одинаково, хотя и въ разное время, повредившія Украинѣ, должны были вызывать въ Кулишѣ и одинаковую антипатію; но на самомъ дѣлѣ онъ отдаетъ явное предпочтеніе Польшѣ предъ Москвою и даже старается помирить своихъ земляковъ съ поляками въ своей „Крашанкѣ". Здѣсь онъ развиваетъ ту мысль, что главною причиною всѣхъ историческихъ недоумѣній между южноруссами и поляками были духовные руководители обоихъ народовъ, разжигавшіе религіозную вражду между ними и намѣренно искажавшіе, въ смыслѣ этой вражды, мѣстныя лѣтописи и историческіе документы. Напоенные этой враждой, разнузданные козаки - разбойники неистовствовали противъ своихъ братьевъ—поляковъ, представителей цивилизаціи и культуры въ ихъ краѣ, а украинская муза восхваляла эти неистовства въ козацкихъ думахъ и пѣсняхъ и окончательно затемнила подлинный образъ исторіи Украины и ея отношеній къ Польшѣ. Слѣдовательно историческіе

документы и лѣтописи малорусскія, казацкія думы и т. п. Кулишъ считаетъ не надежными источниками для исторіи Украины. Audiatur et altera pars,—говоритъ онъ—и обращается къ польскимъ свидѣтельствамъ и источникамъ, отдавая имъ явное предпочтеніе передъ отечественными украинскими. Критическаго разбора этихъ польскихъ источниковъ мы не видимъ въ брошюрахъ г. Кулиша, который въ свое оправданіе авторитетно и съ бранью указалъ своимъ рецензентамъ только на то, что онъ-де просидѣлъ въ библіотекахъ и архивахъ десятки годовъ и написалъ цѣлую охапку томовъ. Въ другомъ мѣстѣ той-же брошюры, порицая русскихъ историковъ за то, что они занимаются будто-бы только „фабулою исторіи", а не „описательною соціологіею", онъ даетъ понять, что „описательная соціологія" и составляетъ задачу историческихъ работъ его, г. Кулиша. Вотъ въ этихъ-то соціологическихъ задачахъ и нужно искать у г Кулиша критерія при оцѣнкѣ имъ историческихъ матеріаловъ или источниковъ. Для него достовѣрно все то, что служитъ его соціологическимъ задачамъ, и не заслуживаетъ никакого довѣрія то, что противорѣчитъ этимъ задачамъ, не согласно съ ними. Понятно отсюда, что его соціологія основана не на твердыхъ данныхъ, а на пескѣ. По ея выводамъ оказывается, что ляхи были благодѣтелями Украины, ея цивилизаторами и культиваторами, и только не многіе изъ нихъ, въ видѣ исключенія, дозволяли себѣ не справедливыя отношенія къ украинцамъ. Притомъ-же и не удивительно, если ляхи мстили иногда украинцамъ за свою утраченную славу, за свою погубленную отчизну, за своихъ отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, за свои имѣнія на Украинѣ и проч. Теперь-де для обоихъ народовъ настало время забыть историческія неправды съ обѣихъ сторонъ и подать другъ другу руку примиренія.

Мы не беремся разбирать историко-соціологическіе абсурды г. Кулиша, предоставляя это дѣло спеціалистамъ-историкамъ. Не будемъ также сопоставлять сообщаемыхъ Кулишомъ свѣдѣній о кирило-меѳодіевскомъ кружкѣ съ болѣе достовѣрными свидѣтельствами одного изъ главныхъ дѣятелей этого кружка, Н. И. Костомарова [1]). Но для болѣе полной оцѣнки послѣднихъ произведеній г. Кулиша считаемъ не лишнимъ поставить эти произведенія

[1]) Русская Старина, за мартъ 1880 года, и предисловіе къ пражскому изданію сочиненій Т. Г. Шевченко, 1876 года.

въ связь съ прежнею его литературною дѣятельностію, дабы видѣть, на сколько г. Кулишъ остался вѣренъ самому себѣ.

Еще въ 1878 году, по поводу „Исторія возсоединенія Руси" г. Кулиша и его статьи „о козакахъ въ отношеніи къ государству и обществу", Н. И. Костомаровъ замѣтилъ въ г. Кулишѣ рѣзкую перемѣну прежнихъ его убѣжденій и писалъ о немъ слѣдующее: „Въ первыхъ годахъ текущаго царствованія (Александра II) въ умственной жизни русскаго общества совершались большія перемѣны. Между прочимъ тогда намъ надоѣла давно усвоенная въ Россіи и на всѣ лады расхваленная система устраивать все подъ одинъ уровень, изглаживающій всякія частныя особенности; намъ, на примѣръ, захотѣлось жизни самобытной. Начали у насъ и словесно и печатно прославлять децентрализацію; создавался въ нашихъ головахъ такой идеалъ общественнаго бытія, чтобы, съ сохраненіемъ единства и неразрывности государственнаго цѣлаго, части его имѣли бы всѣми признаваемое право на своеобразную физіономію, сообразно историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ условіямъ. Тогда южнорусскій или малорусскій край представилъ для такихъ стремленій наиболѣе подходящія условія. Не удивительно, что при такихъ условіяхъ возникло у малороссовъ стремленіе высказать свою дѣятельность въ собственныхъ, отъ многаго другаго отличныхъ пріемахъ; отсюда попытки собирать памятники пѣсеннаго народнаго творчества, изучать мѣстную исторію и современный бытъ народа, наконецъ поднять уровень народнаго образованія и дать мѣстной рѣчи края права гражданства въ литературной семьѣ. Тогда въ числѣ умственныхъ дѣятелей между малороссами видное и почетное мѣсто занималъ П. А. Кулишъ, какъ мѣстный малорусскій историкъ, мыслитель, этнографъ, беллетристъ. Онъ пользовался по достоинству уваженіемъ не только въ средѣ земляковъ, но и во всей читающей русской публикѣ". Но „по своему увлекающемуся характеру, П. А. Кулишъ менѣе всякаго другаго былъ способенъ къ увертливому благоразумію; его сужденія и отзывы отличались перехватомъ черезъ край, какъ бываетъ съ людьми, которые и любить и ненавидѣть могутъ только всецѣло, и притомъ одарены чрезмѣрнымъ самолюбіемъ". Его „считали фанатикомъ Малороссіи, поклонникомъ козаччины; имя его неотцѣпно прилипало къ такъ называемому украинофильству. Но вотъ П. А. Кулишъ, удалившись отъ печатной дѣятельности, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялся съ большимъ вниманіемъ изученіемъ

исторiи своего края и увидалъ, что прежде многое представлялось ему въ болѣе разцвѣченномъ видѣ, въ болѣе плѣнительныхъ, свѣтлыхъ образахъ, чѣмъ бы слѣдовало сообразно со строгою исторической истиною. Г. Кулишъ захотѣлъ быть трезвѣе, относиться строже къ своимъ ученымъ симпатiямъ и глубже вдуматься во всѣ изгибы прошедшей жизни, и совершенно измѣнилъ свои воззрѣнiя на все малорусское, и на протекшее, и на современное. Прежде онъ былъ фанатикомъ уваженiя къ малорусской старинѣ, теперь сталъ фанатикомъ безпристрастiя. И результатомъ этого вышло, что у г. Кулиша въ послѣднихъ его произведенiяхъ много стремленiй къ безпристрастiю, а безпристрастiя нѣтъ ни на волосъ. Послѣ своего перерожденiя, П. А. Кулишъ явился съ тремя томами „Исторiи возсоединенiя Руси", а въ двухъ тетрадяхъ „Русскаго Архива" за 1877 годъ (№№ 3 и 6) напечаталъ статью „Козаки въ отношенiи къ государству и обществу", статью, которая, заключая въ болѣе сжатомъ объемѣ тѣже воззрѣнiя на козачество, какiя въ подробности развиваются въ трехъ томахъ его исторiи, можетъ назваться, такъ сказать, катехизисомъ ученiя г. Кулиша. Цѣль Кулиша—убѣдить своихъ читателей, что козаки были не болѣе, какъ разбойники, притомъ самые отвратительные по своей безнравственности и по своимъ злодѣянiямъ, вовсе не достойные той идеализацiи, съ какою относились къ нимъ нѣкоторые писатели (а самъ г. Кулишъ паче всѣхъ), а, напротивъ, достойные всяческаго порицанiя и презрѣнiя" [1]).

Прошло съ того времени нѣсколько лѣтъ, и съ г. Кулишомъ произошла новая, не менѣе удивительная, метаморфоза. Въ своей „Исторiи возсоединенiя Руси" и въ статьѣ о козакахъ г. Кулишъ, унижая козачество, искалъ болѣе устойчивыхъ основъ для малорусской народности, чѣмъ козачество, и находилъ эти основы въ городскомъ или, если угодно, въ среднемъ сословiи, которое „въ исторiи цивилизацiи Европы играетъ роль питомника всѣхъ жизненныхъ идей". Это городское или среднее сословiе и въ Южной Россiи имѣло, по представленiю г. Кулиша, заправляющую роль, тянуло въ московскую сторону и роковымъ образомъ предрѣшило возсоединенiе Малороссiи съ Россiею. Слѣдовательно актъ возсоединенiя Россiи представлялся г. Кулишу дѣломъ вполнѣ нацiональнымъ, исторически необходимымъ и законнымъ. Но въ послѣднихъ своихъ брошюрахъ г. Кулишъ бранитъ не только ко-

---

[1]) Русская Старина, 1878 г., т. XXI, „О козакахъ", Н. И. Костомарова.

заковъ, но и Москву, признаетъ возсоединеніе Россія исторической несправедливостію и всею душою и всѣмъ сердцемъ своимъ льнетъ къ истиннымъ ворогамъ Малороссіи и Россіи—полякамъ.

Конечно, измѣнять свои убѣжденія не только не предосудительно, но и похвально, если такое измѣненіе совершается изъ любви къ истинѣ. Иногда такое измѣненіе обусловливается обстоятельствами жизни и, направляясь въ худую сторону, скорѣе вызываетъ чувство сожалѣнія къ писателю, заѣденному средой или отдавшемуся случайнымъ вліяніямъ. Именно подобное чувство возбуждаетъ литературная дѣятельность покойнаго В. И. Аскоченскаго. Изъ печатающагося теперь „Дневника" его мы видимъ, что въ лучшую пору своей жизни онъ высказывалъ такія либеральныя мысли и сужденія, которыя потомъ рѣшительно опровергались въ его злосчастной „Домашней Бесѣдѣ". Тутъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ крутое, безповоротное обращеніе отъ однихъ убѣжденій и взглядовъ къ другимъ, совершенно противоположнымъ. Къ сожалѣнію нельзя этого сказать о г. Кулишѣ. Намъ кажется, что рядъ его превращеній не служитъ выраженіемъ внутренняго обновленія писателя или перемѣны его убѣжденій. Каждая изъ метаморфозъ г. Кулиша, каждое изъ его крайнихъ мнѣній имѣютъ свои зачатки во всей предыдущей его литературной дѣятельности и періодически выступаютъ наружу, съ большею или меньшею силою, подъ вліяніемъ перемѣны вѣтра и даже мѣстожительства. Подтвердимъ нашу мысль нѣсколькими примѣрами.

О непостоянствѣ взглядовъ г. Кулиша на козачество мы уже приводили отзывъ Н. И. Костомарова. Также колебались въ различное время взгляды Кулиша на москвичей и поляковъ. Первоначальная козакоманія и украинофильскія тенденція г. Кулиша должны были, повидимому, стоять въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ симпатіями къ Москвѣ или Польшѣ; но у Кулиша они входятъ, по временамъ, въ какую-то не естественную мировую сдѣлку.

Будучи еще студентомъ кіевскаго университета, г. Кулишъ до того увлекся польскимъ этнографомъ Свидзинскимъ, что готовъ былъ бросить грязью въ русскихъ дѣятелей науки, напр. М. А. Максимовича [1]). Въ 1857 г., во II томѣ своихъ „Записокъ о южной Руси", г. Кулишъ помѣстилъ статью поляка Грабовскаго о при-

---

[1]) См. объ этомъ статью г. Бунге въ „Русскомъ Вѣстникѣ", за 1857 г.

чинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ въ XVII вѣкѣ, которая замѣчательнымъ образомъ сходится въ мысляхъ съ нынѣшнею „Крашанкою“ г. Кулиша и въ свое время принята была имъ съ сочувствіемъ. Эти симпатіи г. Кулиша къ полякамъ ослабѣли нѣсколько, когда сталъ издаваться журналъ „Основа“. Здѣсь, между прочимъ, явился его отвѣтъ „Полякамъ объ украинцахъ“ (февраль, 1862 г.). Съ прекращеніемъ „Основы“, г. Кулишъ оказался въ ряду сотрудниковъ „Вѣстника югозападной и западной Россіи“, основаннаго для борьбы съ поляками и, между прочимъ, помѣстилъ здѣсь рядъ статей „О паденіи шляхетскаго господства въ Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра“. Нынѣ, какъ извѣстно, г. Кулишъ опять стоитъ за поляковъ, и стоитъ крѣпко, вооружившись давно извѣстными ему историческими идеями г. Грабовскаго.

Поочередно испытывала гнѣвъ и милость г. Кулиша и Москва. Въ своей повѣсти объ украинскомъ народѣ г. Кулишъ не благоволилъ къ Москвѣ, убившей будто-бы украинскую народность. Но чрезъ 10 лѣтъ по выходѣ этой повѣсти г. Кулишъ въ предисловіи къ своему роману „Чорна Рада“ съ очевиднымъ усиліемъ старался отклонить отъ себя подозрѣніе въ „узкомъ мѣстномъ патріотизмѣ“ и явиться даже сторонникомъ московской централизаціи въ политическомъ отношеніи. „Кромѣ всего того,—говоритъ онъ здѣсь,—что читатель увидитъ въ немъ (романѣ) безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертаціей, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость слiянiя въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ“. Это заявленіе, однако, не мѣшало Кулишу нападать въ „Основѣ“ на московскую централизацію во имя самобытныхъ началъ украинской жизни. По прекращеніи „Основы“, г. Кулишъ опять является защитникомъ московской централизаціи въ „Вѣстникѣ югозападной и западной Россіи“ и особенно въ своемъ сочиненіи „Исторія возсоединенія Руси“. Послѣднее сочиненіе представляетъ ту особенность, что здѣсь впервые, на сколько мы знаемъ, г. Кулишъ пытался примѣнить соціологическія идеи Конта и другихъ подобныхъ мыслителей къ разработкѣ украинской исторіи. Но эти идеи сами по себѣ такъ гибки, такъ эластичны, что онѣ скользятъ только по поверхности историческихъ фактовъ и даютъ имъ произвольное освѣщеніе. Поэтому соціологическія идеи не только не

спасли Кулиша отъ дальнѣйшихъ колебаній въ разныя стороны, но и сдѣлали его еще болѣе воспріимчивымъ къ случайнымъ впечатлѣніямъ и способнымъ на историческіе абсурды и внутреннія противорѣчія. Разгнѣвавшись на то, что его „Исторія возсоединенія Руси“ не благосклонно была принята въ Россіи и что его не цѣнятъ болѣе, г. Кулишъ удалился, въ качествѣ добровольнаго изгнанника, въ Галицію и здѣсь доказываетъ совершенно противное тому, что недавно доказывалъ въ своей „Исторіи возсоединенія Руси“, хотя руководится тѣми-же самыми соціологическими началами и пользуется тѣми-же самыми историческими матеріалами и источниками. Очевидно,—тутъ не идеи, не историческіе матеріалы и источники опредѣляютъ взглядъ автора, а нѣчто другое; что же именно,—всякому, надѣемся, не трудно отгадать.

Будемъ ждать, не повернется ли еще г. Кулишъ фронтомъ въ какую нибудь другую сторону, отрекшись отъ того, что проповѣдуетъ въ настоящее время.

Н. П.

Исторія Сѣверской земли до половины XIV ст. Димитрія Багалѣя. Кіевъ. 1882 г.

Эта историческая монографія удостоена историко-филологическимъ факультетомъ университета св. Владиміра золотой медали и Пироговской преміи. Она состоитъ изъ введенія и семи главъ. I-я и IV-я посвящены географіи и колонизаціи Сѣверской земли, при чемъ авторъ разбиваетъ этотъ отдѣлъ на двѣ части: колонизація до половины XI в. и колонизація отъ половины XI в. до половины XIII в. Глава III посвящена внутреннему быту Сѣверской земли, а гл. VI внутренней ея исторіи съ половины XI в. до половины XIII в. II-я, V-я и VII-я главы заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли.

Говоря о географіи и колонизаціи Сѣверской земли, авторъ на основаніи лѣтописныхъ данныхъ, арабскихъ и византійскихъ извѣстій, матеріала, доставляемаго топографіей, рисуетъ колонизаціонное движеніе племени Сѣверянъ въ области ихъ сосѣдей— радимичей, вятичей, муромы. Къ числу самыхъ интересныхъ выводовъ принадлежитъ сдѣланный авторомъ выводъ о существованіи Сѣверянскихъ поселеній по Дону, въ Хазаріи и на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ имъ принадлежала Тмуторакань. Не ме-

нѣе интересна глава, въ которой авторъ опредѣляетъ границы Сѣверской земли съ сосѣдними княжествами и внутреннія между главными ея областями. Въ концѣ главы приложенъ списокъ Сѣверянскихъ городовъ, при чемъ опредѣляется ихъ мѣстонахожденіе, по возможности, на современной картѣ. Эти главы безспорно можно отнести къ самымъ удачнымъ, важнымъ и интереснымъ. Онѣ заслуживаютъ признательности всякаго занимающагося русской исторіей.

Въ главѣ, касающейся внутренняго быта, въ первой ея части, дѣлается выводъ, что количество Сѣверскихъ городовъ было значительно уже въ XI в., чему доказательствомъ служатъ остатки множества городищъ и лѣтописныя данныя. Во второй части, большей по объему, авторъ рисуетъ намъ религіозный, семейный и общественный бытъ Сѣверянъ, ихъ культуру, и говоритъ о распространеніи у нихъ христіанства. Христіанство, по мнѣнію автора, распространялось у Сѣверянъ быстро, безъ всякихъ препятствій, чему способствовали ихъ обширныя торговыя сношенія съ Византіей и отсутствіе жреческаго элемента. Для воспроизведенія религіознаго, семейнаго и общественнаго быта автору служили главнымъ образомъ этнографическій матеріалъ, данныя археологіи и извѣстія арабскаго путешественника X в., Ибнъ-Фоцлана. Авторъ видитъ въ Руссахъ этого писателя Сѣверянъ и ихъ вѣрованія въ загробную жизнь. Если, относительно первой части этой главы, можно спорить о способѣ доказательства автора, то по отношенію второй половины никакъ нельзя согласиться съ пріурочиваніемъ извѣстій Ибнъ-Фоцлана именно только къ Сѣверянскому племени. Такой взглядъ на эти извѣстія высказанъ еще раньше г. Самоквасовымъ въ статьѣ о его раскопкахъ въ Сѣверской землѣ. Мы не можемъ не согласиться съ авторомъ, что Сѣверяне жили въ Хазаріи, что ихъ поселенія простирались до Азовскаго моря, но отсюда еще никакъ не можетъ слѣдовать, что Руссы Ибнъ-Фоцлана суть Сѣверяне. Во первыхъ, въ Хазаріи жили не одни Сѣверяне, но и другія вѣтви русскихъ славянъ; во вторыхъ, арабъ видѣлъ не мѣстныхъ жителей, а пріѣзжихъ, купцовъ, которые могли принадлежать и не къ Сѣверянскому племени. На какомъ основаніи мы можемъ утверждать, что описанные имъ обычаи принадлежатъ такой-то именно вѣтви русскихъ славянъ, а не иной? Нельзя основывать такой выводъ на томъ только, что извѣстія Ибнъ-Фоцлана представляютъ какъ-бы протоколъ раскопокъ Черной Могилы. Вѣдь можно указать

сожженіе, которое будетъ соотвѣтствовать извѣстіямъ араба, и въ кіевской и въ новгородской губерніи, слѣд. не у Сѣверянъ. Нѣкоторыя вѣрованія и обычаи, упоминаемые Ибнъ-Фоцланомъ, мы встрѣчаемъ и у другихъ славянъ. Такъ Хорутане и Словаки, въ своихъ преданіяхъ, представляютъ рай зеленымъ садомъ, какъ и дѣвушка у Ибнъ Фоцлана. Анты, предки Уличей и Тиверцевъ, по извѣстію Маврикія, держались обычая, что ихъ жены чрезъ удавленіе слѣдовали за своими мужьями на тотъ свѣтъ. Вѣдь извѣстію лѣтописи о кроткихъ нравахъ Полянъ довѣрять нельзя. При томъ она писана въ XII в., а въ VIII, IX и X вв. Поляне имѣли точно такіе же „норовы поганьския". Сама лѣтопись приводитъ извѣстія и о тризнѣ у Полянъ, о поклоненіи идоламъ, о жертвахъ. Припомнимъ, какъ на Дунаѣ дружина Святослава сожигала мертвыхъ съ разными обрядами. Тамъ вѣдь были не одни Сѣверяне. Да еще и были-ль они тамъ? Мнѣ кажется, что отождествленіе руссовъ Ибнъ-Фоцлана съ Сѣверянами представляетъ крупный промахъ, но, къ чести автора, едвали не единственный у него. Извѣстія Ибнъ-Фоцлана даютъ *„общія данныя"*, которыя слѣдуетъ относить не къ одному какому-либо племени, а ко всѣмъ вообще, *данныя „вообще"*. А разъ мы признаемъ за извѣстіями арабскаго путешественника такой характеръ, то едва ли можно говорить объ оригинальныхъ чертахъ религіи Сѣверянъ. Какъ-бы ни было, все таки эта глава представляетъ большой интересъ: авторъ собралъ много интереснаго матеріала и искусно нарисовалъ картину религіознаго, семейнаго и общественнаго быта Сѣверянъ, *какъ части великаго русско-славянскаго племени.*

Въ главѣ VI разсматривается положеніе въ Сѣверской землѣ составныхъ элементовъ древней русской жизни: князя, вѣча и дружины. Авторъ приходитъ къ заключенію, что здѣсь всѣ эти три начала взаимно уравновѣшивали другъ-друга; въ княжеской семьѣ Сѣверской земли строже, чѣмъ гдѣ-либо, соблюдалось право старѣйшинства; вѣче всегда защищаетъ свою излюбленную вѣтвь князей, Святославичей, помогаетъ имъ въ оборонительныхъ войнахъ, но рѣшительно противится ихъ замысламъ наступательнымъ. Намъ кажется, что отсюда нельзя вывести заключенія о слабости вѣча Сѣверской земли. Авторъ не согласенъ съ мнѣніемъ г. Соловьева, который видитъ въ Святославичахъ князей, ратующихъ за общность владѣнія всею русскою землею, въ противоположность Мономаховичамъ (собственно Мстиславичамъ), которые хотятъ удержать кіевскую землю въ своемъ семействѣ. Стремле-

ніе Святославичей въ Кіевъ объясняется, какъ слѣдствіе географическаго положенія ихъ земли, слѣдствіе размноженія ихъ рода. Размѣры статьи не позволяютъ войти въ подробный разборъ этого мнѣнія. Мы съ нѣкоторымъ ограниченіемъ признаемъ мнѣніе г. Соловьева и думаемъ, что нельзя смѣшивать единства, къ которому стремился Мономахъ, объявляя князей „изгоями", захватывая ихъ области, съ единствомъ въ духѣ Ярослава I. Андрей Боголюбскій работалъ для единства русской земли во вкусѣ Мономаха; Ольговичи, называя себя внуками одного дѣда, Ярослава, говорили объ единствѣ, завѣщанномъ послѣднимъ. Сѣверская земля, какъ отдѣльная племенная единица, стремилась къ обособленности; ея князья преслѣдовали ту же цѣль; но они не оставляли мысли о единствѣ русской земли. Когда области обособились, въ видѣ автономныхъ единицъ, связь ихъ могла являться только въ видѣ правильнаго преемства на Кіевскомъ столѣ по старѣйшинству изъ всѣхъ линій княжескаго дома. Этимъ единственно не только поддерживалась ихъ политическая связь, но и признавалась равноправность князей всѣхъ земель, и ни одна область не выдвигалась. Къ такому-то единству и стремились Ольговичи. Но осуществить его было не возможно: для этого было необходимо, чтобы Кіевъ не имѣлъ за собой области, а служилъ бы только центромъ единенія.

Въ концѣ укажу на неправильное отнесеніе основанія елецкаго монастыря ко времени прихода въ Черниговъ св. Антонія. Съ его прибытіемъ связано образованіе ильинскаго монастыря на Болдиныхъ горахъ, въ дикой, живописной мѣстности. До сихъ поръ тамъ существуютъ пещеры, начало которымъ положено св. Антоніемъ. Ходъ въ нихъ изъ церкви св. Иліи. Въ пещерахъ храмъ св. Антонія и Өеодосія.

Главы II, V и VII заняты изложеніемъ внѣшней исторіи Сѣверской земли. Тутъ, въ строгомъ систематическомъ, хронологическомъ порядкѣ, проходятъ событія, нѣкогда волновавшія цѣлую Русь. Авторъ почти вездѣ воздерживается отъ оцѣнки фактовъ, отъ какихъ-бы то ни было обобщеній. Нѣчто въ видѣ этого онъ дѣлаетъ въ VI-й главѣ, на которую я уже указывалъ.

Масса матеріала собрана авторомъ въ его трудѣ какъ въ источникахъ первой руки, такъ и въ видѣ историческихъ статей, относящихся къ данному вопросу. Весь матеріалъ переработанъ съ большимъ искуствомъ, и, кажется, можно сказать, что нѣтъ ни одного факта въ исторіи Сѣверской земли, имѣющаго инте-

ресъ, на который авторъ не обратилъ-бы своего вниманія. Сѣверская земля получила наконецъ свою исторію. Мы можемъ желать, чтобы ея исторія и послѣдующаго времени была разработана такъже тщательно, какъ это сдѣлано авторомъ указанной книги.

П. Голубовскій.

Кіевъ.
1882 года, мая 5.

Szujski. Die Polen und Ruthenen in Galizien. Wien und Teschen, 1882.

(Шуйскій—Поляки и Русины въ Галиціи. Вѣна и Цѣшинъ. 1882).

Одинъ изъ молодыхъ австрійскихъ ученыхъ, г. Карлъ Прохазка, отличающійся весьма энергическою издательскою дѣятельностью, задумалъ составить описаніе разныхъ областей и народовъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи въ отношеніяхъ: географическомъ, этнографическомъ, статистическомъ, экономическомъ и историческомъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ, изъ которыхъ четыре посвящены германскому племени, 4 славянскому и 4 мадьярамъ, румынамъ, евреямъ и цыганамъ. Составленіе отдѣльныхъ томовъ приняли на себя ученые спеціалисты, занимавшіеся изученіемъ быта и исторіи различныхъ областей австрійской имперіи. Книга, заглавіе которой выписано выше, составляетъ девятый томъ всей коллекціи и принадлежитъ перу самаго даровитаго галицко-польскаго историка, г. Шуйскаго, извѣстнаго какъ по своей эрудиціи и критическимъ пріемамъ такъ и, сравнительно съ другими польскими писателями, по своимъ болѣе объективнымъ отношеніямъ къ фактамъ польской исторіи.

Все сочиненіе г. Шуйскаго раздѣлено на 7 главъ, изъ которыхъ 1, 2, 5 и 6 посвящены описанію географіи, этнографіи, статистикѣ экономическаго состоянія и умственнаго развитія страны; 3 и 4 гл. излагаютъ ея исторію и наконецъ 7-я заключаетъ исторію словесности. Географическій и этнографическій очеркъ Галиціи составлены весьма живо и наглядно; авторъ умѣлъ въ сжатомъ видѣ передать все существенное, избѣжавъ въ разсказѣ сухихъ перечней фактовъ. Этнографическія группы, на которыя распадается народонаселеніе Галиціи, какъ польской, такъ и русской народности, охарактеризованы весьма наглядно, и схвачены весьма

удачно оттѣняющіе ихъ существенные признаки какъ наружнаго быта, такъ и духовныхъ способностей. Такъ очерчены группы русиновъ, живущихъ въ горахъ и въ подгоріи: западные горцы, бойки, лемки, тухольцы и гуцулы, и русскіе жители равнинъ: белзане (между Саномъ и Бугомъ), бужане (на западной сторонѣ Буга), подоляне (на плоской возвышенности къ сѣверу отъ Днѣстра), днѣстровяне и покутяне (къ югу отъ Днѣстра). Въ очеркѣ этихъ многоразличныхъ групъ указаны всѣ отличительныя черты быта, наружнаго вида, характера, способностей, обычаевъ и т. д., а типическія ихъ особенности изображены весьма наглядно.

Гораздо меньшимъ безпристрастіемъ отличаются въ сочиненіи г. Шуйскаго главы, посвященныя исторіи вообще и исторіи литературы; здѣсь авторъ почти исключительно обращаетъ вниманіе на историческую судьбу польской народности и на развитіе ея культуры, оставляя почти совершенно въ сторонѣ русскую народность. Разсказывая въ бѣгломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отчетливомъ, очеркѣ общій ходъ польской исторіи, г. Шуйскій говоритъ о Руси лишь настолько, насколько это необходимо для поясненія событій польской исторіи, притомъ эти не многіе эпизоды не отличаются объективностью и безпристрастіемъ, которыхъ можно было-бы ожидать отъ почтеннаго автора. Указывая, какъ на причину разслабленія польскаго государственнаго организма, на ту конституцію, которая была установлена сеймомъ послѣ прекращенія династіи Ягеллоновъ, авторъ признаетъ, что первымъ симптомомъ паденія Польши были козацкія возстанія; при этомъ происхожденіе и значеніе козачества онъ опредѣляетъ на старый ладъ избитыми фразами польскихъ публицистовъ, странными и не умѣстными подъ перомъ серьезнаго историка. „Здѣсь, въ степи, говоритъ онъ, ожидала Польшу историческая Немезида". Козакъ это сынъ польской колонизаціи на востокѣ, но сынъ блудный; не покорный крестьянинъ, преслѣдуемый за проступки приговорами гродскихъ судовъ, обанкротившійся мѣщанинъ — поляки и русины наравнѣ — искали простора и безнаказанности въ козачествѣ и составляли вооруженныя шайки подъ начальствомъ выборныхъ атамановъ" и т. д. Очевидно старая, излюбленная польскими писателями фикція, желавшая представить козачество скопищемъ бѣглыхъ преступниковъ и не признававшая въ нихъ представителей народнаго южно-русскаго начала, воскресаетъ еще разъ подъ перомъ г. Шуйскаго, не въ пользу, какъ полагаемъ, его

заслуженной репутаціи солиднаго историка. Очерчивая въ отдѣльной главѣ исторію Галиціи за послѣднее столѣтіе, г. Шуйскій относится съ явнымъ нерасположеніемъ къ реформамъ Іосифа II и утверждаетъ, что польскіе дворяне были расположены облегчить положеніе крѣпостного населенія по собственной инициативѣ, и что мѣры, принятыя съ этою цѣлью Іосифомъ II, были лишь совершенно излишнимъ и напрасно раздражавшимъ дворянъ насиліемъ. Затѣмъ онъ одобряетъ національную нетерпимость бывшаго намѣстника Галиціи, графа Голуховскаго (запретившаго между прочимъ русинамъ употреблять кирилловскую азбуку), утверждая, что онъ „твердо противудѣйствовалъ чрезмѣрнымъ вымогательствамъ русиновъ". Наконецъ, правда съ большою неохотою, г. Шуйскій приступаетъ къ разъясненію „въ высокой степени щекотливаго вопроса — русинскаго". Въ очеркѣ этомъ г. Шуйскій является вполнѣ пристрастнымъ публицистомъ, забывая свое призваніе историка и ученаго. Правда, онъ въ сдержанныхъ и приличныхъ выраженіяхъ старается представить возрожденіе русинской народности въ Галиціи, но трактуетъ оное, какъ плодъ недомыслія и интриги: претензіи русиновъ на учрежденіе русинскихъ гимназій, по его мнѣнію, суетны, ибо въ нихъ никто не будетъ учиться; участіе галицкихъ русиновъ въ дѣлѣ обращенія холмскихъ уніатовъ, политическія симпатіи русинскихъ газетъ, связи галицкой русской молодежи съ „русскими соціалистами"—все это, по мнѣнію г. Шуйскаго, признаки, заставляющіе относиться съ большимъ недовѣріемъ къ стремленіямъ галицкой русской интеллигенціи. Впрочемъ, замѣчаетъ г. Шуйскій, эта интеллигенція состоитъ исключительно изъ духовныхъ лицъ и ихъ сыновей и потому, вслѣдствіе бѣдности и многосемейности этого сословія, расположена *a priori* къ оппозиціи и недовольству. Вся вообще его характеристика русинскаго движенія совмѣщаетъ въ краткихъ чертахъ всѣ тѣ скудные аргументы, до которыхъ додумалась съ большимъ усиліемъ галицко-польская пресса за 30 лѣтъ полемики съ русинами. Конечно, научное ничтожество этихъ аргументовъ и ихъ нравственная неразборчивость не требуютъ особыхъ указаній. Приходится лишь сожалѣть, что человѣкъ, носящій почтенное имя въ наукѣ, не имѣлъ гражданскаго мужества высказать мнѣніе не согласное съ шовинистическимъ настроеніемъ своего общества, и, присоединившись къ его положеніямъ, долженъ былъ повторять неразумную и нѣсколько пошлую его аргументацію. Желая, впрочемъ,

нѣсколько стушевать впечатлѣніе своей характеристики русинскаго вопроса, г. Шуйскій признаетъ, что русины надѣлены богатыми способностями, что изъ среды ихъ вышли многіе даровитые ученые, публицисты и общественные дѣятели и что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, „гдѣ не были посѣяны плевелы національной вражды, сліяніе (Amalgamierung) русиновъ съ поляками дало прекрасные плоды“. Очевидно, что производство этой амальгамы и составляетъ единственный желательный исходъ даннаго вопроса въ глазахъ автора, поддавшагося шовинистическому настроенію галицко-польскаго общества.

Въ главѣ, посвященной исторіи литературы, г. Шуйскій представляетъ подробный очеркъ польской словесности, сообщаетъ біографіи и оцѣнку произведеній болѣе выдающихся ея дѣятелей и прилагаетъ въ нѣмецкомъ переводѣ образчики ихъ творчества. Русинской литературѣ посвящено едва нѣсколько страницъ: въ немногихъ словахъ упомянута дѣятельность князя К. Острожскаго и возникновеніе въ южной Руси типографій въ XVI столѣтіи; три строки посвящены Петру Могилѣ, при чемъ похвалены писатели его времени за то, что составляли мистеріи, „въ которыхъ замѣчательно хорошо подражали польскимъ образцамъ“; затѣмъ въ 10 строкахъ сообщена характеристика козацкихъ лѣтописей. Южно-русская словесность конца XVIII и начала XIX столѣтія занимаетъ полъстраницы, гдѣ обращается вниманіе на сочиненія Котляревскаго, Основьяненка и Сковороды „оригинальнаго самоучки—мистическаго богослова, поэта и моралиста, представляющаго образецъ литературнаго цыгана (sic)!“ Наконецъ четыре страницы посвящены новѣйшей малорусской и червонорусской литературѣ: Шевченко признанъ писателемъ, одареннымъ замѣчательнымъ творчествомъ, хотя нѣкоторыя его произведенія, какъ „Тарасова Ничь“ и „Гайдамаки“ до того проникнуты ненавистью къ полякамъ, что, по мнѣнію автора, „не могутъ не вызвать отвращенія къ поэту“. Затѣмъ сказано нѣсколько словъ объ изданіи „Основы“ и самымъ бѣглымъ образомъ упомянуто о галицко-русской литературѣ; въ качествѣ ученыхъ ея дѣятелей названы имена гг. Петрушевича, Шараневича и Огоновскаго, при чемъ помѣщена оговорка, что эти ученые состоятъ членами краковской академіи наукъ.

В. А.

Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne, z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi, zebrała i opisała Józefa Moszyńska. W Krakowie, 1881. in 8°, стр. 78.

Почтенный трудъ г-жи Мошинской заслуживаетъ полнаго вниманія изслѣдователей мѣстной этнографіи, и желательно было бы, чтобы онъ вызвалъ возможно большее количество подражателей трудолюбивой собирательницѣ между образованными жителями нашихъ селъ и деревень, какъ русскими, такъ и поляками; на почвѣ фактическаго мѣстнаго изученія одни другимъ мѣшать не могутъ, а только другъ друга пополнять. Г-жа Мошинская не задавалась вовсе научнымъ анализомъ собираемыхъ ею матеріаловъ; она заботилась только объ ихъ полнотѣ и добросовѣстной передачѣ, въ чемъ и состоитъ ея преимущественная заслуга. Мы имѣемъ уже довольно богатую литературу разнаго рода сборниковъ по малорусской этнографіи, почти не прерывающуюся съ пѣсенъ, изданныхъ кн. Цертелевымъ еще въ 1819 году. Слѣдуетъ однако замѣтить, что большинство нашихъ сборниковъ, и притомъ лучшіе изъ нихъ, представляютъ своды матеріала со всей почти южной Россіи. Конечно, это составляетъ одно изъ ихъ существенныхъ достоинствъ въ научномъ отношеніи. Но въ наукѣ этнографіи одинаково необходимы два пріема, въ смыслѣ территоріальномъ: объединеніе матеріала со всей области извѣстнаго племени и затѣмъ сопоставленіе его со сходными данными другихъ племенъ и народностей, а съ другой стороны столь же полезны и плодотворны для науки всестороннія собранія этнографическихъ данныхъ по отдѣльнымъ небольшимъ и однохарактернымъ околодкамъ. Чѣмъ мельче, въ послѣднемъ случаѣ, изучаемая единица, тѣмъ лучше, такъ какъ здѣсь-то иногда и можно уловить неосложненное вліяніе различныхъ условій и прослѣдить пути ихъ распространенія. Сборникъ г-жи Мошинской принадлежитъ къ числу трудовъ послѣдняго рода. Хотя издательница придаетъ словамъ „окрестности Бѣлой Церкви“ значеніе довольно широкое, захватывая нѣкоторыя мѣстности уѣздовъ таращанскаго, каневскаго и даже звенигородскаго, но мѣстности эти она каждый разъ обозначаетъ съ точностью, такъ что каждое описаніе обряда не носитъ здѣсь характера обобщенія, а представляетъ точный отпечатокъ реальной дѣйствительности. Такихъ описаній купальскихъ обря-

довъ, съ пѣснями, составлено ею по различнымъ мѣстностямъ *семнадцать*, и нѣкоторыя особенно цѣнны тѣмъ, что записаны со словъ старухъ, удержавшихъ въ памяти подробности обрядовъ, на дѣлѣ уже исчезнувшія. Это очень важное пріобрѣтеніе для мѣстной этнографіи, такъ какъ, кромѣ очень рѣдкаго нынѣ изданія Терещенка „Бытъ русскаго народа", позднѣйшіе сборники сообщаютъ по большей части только пѣсни, безъ описаній обрядовъ.

Указавши значеніе и достоинства труда г-жи Мошинской, переходимъ къ самому матеріалу. Конечно, не мѣсто въ рецензіи вдаваться въ его подробный разборъ; наша замѣтка будетъ имѣть характеръ исключительно библіографическій, и цѣль ея—выдѣлить изъ разбираемаго сборника матеріалъ совершенно новый отъ варіантовъ уже извѣстнаго. Мы указали, что описанія всѣ имѣютъ интересъ новизны, и остановимся только на текстахъ пѣсень. Упомянемъ при этомъ, что пѣсни празднованій весны и лѣта, (веснянки, великодныя или гаивки, троицкія и купальскія) по мѣстностямъ нерѣдко переносятся съ одной поры на другую: что здѣсь веснянка или гаивка, то въ другомъ мѣстѣ поется на Купайла, и наоборотъ. Для ссылокъ мы ограничимся 3-мъ томомъ „Трудовъ экспедиціи И. Р. Геогр. Общества", такъ какъ въ немъ сведены годовыя пѣсни и изъ болѣе раннихъ сборниковъ. Сличая съ этимъ томомъ пѣсни г-жи Мошинской (кромѣ свадебныхъ и т. наз. уличныхъ), мы нашли, что большая часть ихъ хотя уже и извѣстна, но представляетъ весьма любопытные варіанты. Нѣкоторыя пѣсни въ бѣлоцерковскихъ окрестностяхъ пріурочены къ празднованію Купайла, но въ другихъ мѣстностяхъ онѣ поются во всякое время, не принадлежа къ числу обрядовыхъ или такъ называемыхъ годовыхъ. Таковы, напримѣръ: „Та ходить дівка надъ водою, пуска долю за водою" (стр. 7), „Ой попідъ лужкомъ, та оре Иванъ плужкомъ"(стр. 8), „Ой тихо, тихо Дунай воду несе" (стр. 13). Купальская же пѣсня: „Ой черезъ наше сельце везено деревце" (№ 4, стр. 5)—въ другихъ мѣстахъ веснянка (Труды, стр. 130), а „Ой въ ліску на кленку" (№12, стр. 6)—троицкая или русальная (также стр. 190, сл. стр. 226, № 39). Новыхъ пѣсень между купальскими мы насчитали одинадцать (№№ 1—3, 5, 9, 14, а также на стр. 11: „Сіяла зіронька", 12 и 20 „На городі катранъ родить", 20 „Ой въ городі підъ вербою", и 19 „Противъ Ивана Купайла тамъ зузуля купалась"), и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ варіанты одного и того же. Между гаивками новыми оказываются №№ 1 (стр. 26), 3 (стр. 27) и „Груша" (стр. 32). Варіанты остальныхъ

тоже значительно разнятся отъ извѣстныхъ уже въ печати. Повторимъ, впрочемъ, еще разъ, что главный интересъ разбираемаго изданія составляють не одни только тексты и варіанты пѣсень, а еще болѣе—подробныя описанія сопровождающихъ или сопровождавшихъ ихъ въ прежнее время обрядовъ.

Въ концѣ приходится сдѣлать еще одно замѣчаніе, къ сборнику г-жи Мошинской не относящееся и для пишущаго эти строки крайне непріятное: до сихъ поръ я не имѣлъ случая прослѣдить обстоятельно, пѣсня за пѣснею, составъ III тома „Трудовъ экспедиціи"; сдѣлавъ это для настоящей замѣтки, я съ грустью убѣдился, что въ изданіе это пошелъ далеко не весь матеріалъ, бывшій въ распоряженіи экспедиціи. По крайней мѣрѣ, я не нашелъ здѣсь многихъ годовыхъ пѣсень и ихъ варіантовъ, которые очень хорошо, хотя и отрывочно, помню изъ переданныхъ мною экспедиціи матеріаловъ, записанныхъ какъ мною лично, такъ и другими лицами. Часть ихъ должна была уцѣлѣть въ оставшихся у меня черновыхъ спискахъ,—послѣдніе предоставлены мною во временное пользованіе другому лицу, и потому не могу сдѣлать провѣрки; но многое, бывшее въ уникатахъ, судя по извѣстной мнѣ судьбѣ черновыхъ матеріаловъ экспедиціи, слѣдуетъ считать погибшимъ безвозвратно...

Ив. Новицкій.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

РѢЧЬ Д. Г. БИБИКОВА КЪ ДВОРЯНСТВУ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Кому изъ кіевлянъ (и однихъ-ли кіевлянъ?) не извѣстны имя и личность Д. Г. Бибикова, б. кіевскаго военнаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора, правившаго юго-западнымъ краемъ въ теченіи 14-ти лѣтъ (1838—1852 г.) и оставившаго глубокіе слѣды во всѣхъ отрасляхъ его управленія и строя политическаго и общественнаго? Предлагаемая рѣчь его сказана имъ дворянству трехъ губерній во время дворянскихъ выборовъ 1852 г., случайно совпавшихъ съ временемъ отъѣзда его за границу въ четырехъ-мѣсячный отпускъ, изъ котораго Бибиковъ не возвратился уже въ Кіевъ, но перешелъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Она была слѣд. заключительнымъ его словомъ по управленію юго-западнымъ краемъ, послѣднимъ прощальнымъ словомъ, обращеннымъ къ дворянству этого края, которое, какъ и весь край, долго не могло забыть его. Изъ самаго содержанія рѣчи видно, что такъ смотрѣлъ на нее и самъ авторъ оной. Въ ней въ сжатомъ видѣ онъ представилъ, съ своей, конечно, точки зрѣнія, всю свою продолжительную и многостороннюю дѣятельность по управленію краемъ. Не смотря на офиціальный характеръ рѣчи, въ ней въ каждомъ почти словѣ слышится живой человѣкъ, тотъ своеобразный, но во всякомъ случаѣ умный и энергическій *эпархъ* края, съ несомнѣнно честнымъ и патріотическимъ направленіемъ, котораго имя и дѣла должны занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ исторіи этой древнѣйшей части нашего отечества. Опираясь на глубокое довѣріе къ себѣ Монарха, сознавая свою мощь и силу, сановный ораторъ бравируетъ своимъ словомъ и вліяніемъ; но вы сразу слышите голосъ живого

дѣятеля, человѣка мысли и дѣла, а не чиновнаго администратора, какихъ и въ то время было не мало. Тутъ видѣнъ весь Бибиковъ, какимъ онъ слылъ въ живой молвѣ,—слышится духъ его управленія и высшій духъ того времени и правленія. Въ этой рѣчи мы готовы видѣть одинъ изъ важнѣйшихъ и характернѣйшихъ документовъ нашего недавняго прошлаго. Наибольшій ея интересъ въ томъ, что она открываетъ доступъ для различныхъ точекъ зрѣнія на ея содержаніе и личность самаго оратора, хотя истинная точка зрѣнія возможна, конечно, только одна. Какая,—сказать не беремся, ибо еще слишкомъ свѣжа въ памяти всѣхъ оригинальная личность и дѣятельность этого наиболѣе выдающагося администратора николаевскаго времени, еще не улеглись страсти, волновавшія тогда и долго спустя различные элементы края и классы общества, и не совсѣмъ прекратились живыя къ нему многихъ живущихъ отношенія, не умолкли пристрастныя въ одну и другую сторону голоса, не выяснилось многое, что въ то по своему героическое время казалось грандіознымъ и приводило въ восторгъ, а нынѣ способно навести смущеніе, и на оборотъ—не раскрыто многое изъ того, что и въ ту пору считалось однимъ лишь произволомъ, гнетомъ, на самомъ-же дѣлѣ имѣло совсѣмъ иную подкладку. Пожелаемъ одного,—чтобы замѣчательная во многихъ отношеніяхъ личность Д. Г. Бибикова и его широкая и памятная здѣсь дѣятельность скорѣе стали достояніемъ исторіи, которой они несомнѣнно принадлежатъ, чтобы относящіеся къ нимъ документы и свѣжія преданія приводимы были въ извѣстность и мало по-малу накоплялся-бы матеріалъ для вѣрнаго изображенія той эпохи въ жизни нашего края, которую не безъ основанія называютъ *бибиковскою*. Въ ряду этихъ матеріаловъ всегда видное мѣсто займетъ помѣщаемая здѣсь рѣчь Бибикова [1]).

Милостивые государи!

Четырнадцать лѣтъ я нахожусь въ этомъ краѣ, и уже нѣсколько разъ имѣлъ честь быть съ вами во время выборовъ дворянскихъ. Я хочу пройти съ вами весь періодъ моего управленія отъ самаго пріѣзда моего,—съ 1838 года до настоящаго времени.

[1]) За сообщеніе этой рѣчи приносимъ искреннюю признательность о. Серапіону Подгаецкому.

Я хочу сдѣлать это не въ видѣ отчета, ибо генералъ-губернаторъ западныхъ губерній отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ только Одному, котораго тронъ на сѣверѣ, который владѣетъ пространствомъ отъ Вислы до Байкала, отъ Ахалцыха до Ледовитаго моря, кому повинуются 60 милліоновъ людей. Мы всѣ, господа, должны ежедневно, и въ каждую минуту, и во всѣхъ помыслахъ нашихъ молиться Всевышнему о долгой жизни, спокойствіи и счастіи нашего добраго великаго Государя для нашего счастія и спокойствія Европы. Я хочу разсмотрѣть съ вами мои дѣйствія въ политическомъ, финансовомъ, административномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Въ 1838 году, пріѣхавъ сюда, засталъ я въ каждомъ уѣздѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ демократическія общества, даже въ учебныхъ заведеніяхъ, въ Бердичевѣ [1]), въ женскомъ пансіонѣ. Всѣ эти общества стремились къ одному—чтобы уничтожить законы, всѣ дворянскія права и преимущества, весь общественный порядокъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Одна консисторія, которой имени не назову, дошла даже до того, что проповѣдывала во всеуслышаніе, будто Іисусъ Христосъ не есть сынъ Божій, Матерь Божія—простая женщина, а папа—шарлатанъ. Я преслѣдовалъ ихъ со всею злостію, которая во мнѣ находилась, и истребилъ зло въ самомъ его началѣ.

Приступаю къ финансовой системѣ.—Пріѣхавъ въ этотъ край, я засталъ въ Бердичевѣ такъ называемую Агенцію польскаго банка, въ которой были въ заставѣ и въ залогѣ почти всѣ помѣщичьи имѣнія. Эта Агенція привлекала только именемъ управлявшаго ею. Она брала не по 6 и 8, а по 11 и 14 процентовъ. Въ послѣднее время была только въ курсѣ польская облигація, а золотая и серебряная монета почти совершенно исчезла, и многіе помѣщики разорены были въ пухъ. Фельдмаршалъ [2]), по моему представленію, послалъ курьера къ Государю Императору, и Агенція уничтожена. Для денежныхъ оборотовъ помѣщиковъ и коммерческихъ операцій учреждена была въ Кіевѣ Контора государственнаго коммерческаго банка...

---

[1]) По другому списку въ Житомірѣ и, кажется, гораздо вѣрнѣе, да и вся фраза имѣетъ слѣд. видъ: «духъ революціонный распространился въ такой степени, что проникъ даже въ женскіе пансіоны и въ одномъ изъ нихъ, къ стыду ихъ и прискорбію моему, я долженъ былъ принять *отеческія* мѣры». Живой голосъ указывалъ на Житоміръ.—*Ред.*

[2]) Разумѣется, Паскевичъ.

Кто-же на нее имѣетъ жаловаться? Кого тамъ притѣсняютъ? Кто замѣтилъ тамъ злоупотребленіе? Скажите, кто?...

Перехожу къ правамъ дворянства.—Когда я пріѣхалъ, засталъ здѣсь, что всѣ были дворяне! Помѣщикъ ѣхалъ въ каретѣ—дворянинъ, лакей за каретою—дворянинъ, форрейторъ—дворянинъ, сторожъ—дворянинъ, въ кухнѣ стряпалъ—дворянинъ, дворянинъ подавалъ ему сапоги, и когда онъ, разсердясь, хотѣлъ взыскать съ него, тогда служитель говорилъ: не имѣешь права,—я тебѣ равенъ. Государь Императоръ именуетъ себя первымъ дворяниномъ въ Россіи,—спрашивается: можетъ-ли онъ подать руку, также дворянину, повару или лакею? Была фабрика дворянскихъ документовъ въ Бердичевѣ, гдѣ продавались патенты по рублю сереб. Были коммисіи для повѣрки дѣйствій депутатскихъ собраній, но не принесли никакой пользы. Я собралъ эти коммисіи въ одну центральную, которая по разборѣ такъ называемаго дворянства, исключила изъ этого благороднаго сословія 64,000 семействъ, не имѣющихъ права оставаться въ немъ. Они приписались въ разныя податныя сословія и сдѣлались на своемъ мѣстѣ полезными членами гражданскаго общества. Когда герольдія, утвердивъ многіе дворянскіе роды, окончитъ разсмотрѣніе дѣлъ дворянскихъ, то каждый изъ насъ, господа, будетъ увѣренъ, подавая руку подобному себѣ, что подаетъ ее такому-же дворянину, какъ онъ самъ. Многіе въ этомъ краѣ возставали противъ законнаго правительства, желая ниспровергнуть религію и престолъ. Они были преслѣдуемы по всей строгости законовъ и получили заслуженное наказаніе; нѣкоторые изъ нихъ уже прощены, другіе на жительствахъ въ среднихъ губерніяхъ, и два только главные преступника не прощены, но и тѣхъ участь облегчена: они уже не въ каторжной работѣ, а въ Сибири на поселеніи. Я былъ строгъ, я долженъ былъ употребить всѣ мѣры для прекращенія и предупрежденія тѣхъ горестныхъ послѣдствій, которыя мы видѣли въ иныхъ мѣстахъ. Нашъ великій Государь хочетъ, чтобы западныя губерніи были душею и тѣломъ возсоединены съ Россіею и потому введено въ этотъ край русское законодательство. Нѣкоторые хвалили Статутъ Литовскій, а многіе-ли изъ васъ читали его? Нѣкоторые помѣщики мнѣ признавались, что никогда не читали, и никто не читалъ, и никто не знаетъ, какія въ немъ законоположенія, которыя при нестройномъ смѣшеніи съ множествомъ

противурѣчащихъ себѣ конституцій, устарѣли, не удобопримѣнимы къ настоящимъ гражданскимъ отношеніямъ и дѣламъ, замедляютъ ихъ только и умножаютъ до безконечности... Да и отыскать его очень трудно: я досталъ въ оригиналѣ два только экземпляра!

И такъ, введены русскіе законы въ одинъ день, въ одинъ часъ, и теперь не гораздо-ли меньше дѣлъ, не проще-ли, не быстрѣе-ли дѣлопроизводство?...

Случилось въ 1850 г., что два помѣщика радомысльскаго и овручскаго уѣздовъ имѣли одного крестьянина Іосифа, который въ недѣлю работалъ одному помѣщику 3 дня и другому 3 дня,—спрашиваю я васъ: что-же ему оставалось? Было много злоупотребленій помѣщичьей власти,—введены инвентари; много было недовольныхъ,—сулили большія публичныя бѣдствія, сулили бунты, возмущенія, назначали день и часъ, когда начнется рѣзня; но Богъ миловалъ: зарѣзали-ли кого изъ помѣщиковъ или экономовъ, били-ль кого?.. Никогда!.. Было-ли у насъ что либо подобное тому, что въ Галиціи? Напротивъ, м. г., инвентари сдѣланы для блага помѣщиковъ, усилили ихъ власть, возвысили ихъ значеніе въ государствѣ, опредѣлили отношенія крестьянина къ владѣльцу, опредѣлили крестьянскія права и обязанности. Случались отступленія отъ инвентарныхъ правилъ, но не со стороны самыхъ помѣщиковъ, а только отъ ихъ управляющихъ, ихъ экономовъ, поссесоровъ или же тѣхъ старыхъ бабъ, которымъ не платятъ, а которыя сами платятъ своимъ любовникамъ, во зло употребляющимъ помѣщичью власть. Послѣ введенія инвентарей,—спрашиваю я васъ,—пала-ль цѣна на имѣнія? Я имѣю оффиціальныя свѣденія, которыя доказываютъ противное.

Въ прошедшіе выборы я имѣлъ честь вамъ сказать, что на мѣста, зависящія отъ выборовъ дворянства, нынѣ замѣщенныя чиновниками коронными, будутъ выбираемы дворяне по вашему усмотрѣнію, когда они ознакомятся съ русскимъ языкомъ, и тѣмъ не менѣе я въ настоящую минуту поставленъ въ невозможность не назначить на эти мѣста чиновниковъ, по опредѣленію отъ правительства; но это перемѣнится, и для этой цѣли я посылаю молодыхъ людей въ должности стряпчихъ, чтобы они, привыкнувъ практически къ дѣлопроизводству, могли быть въ послѣдствіи времени полезны при дворянскихъ выборахъ, и тогда уже всѣ мѣста, согласно коренному закону, будутъ замѣщены дворянами, по выборамъ дворянства.

Нынѣ, по моей болѣзни и по милости великаго Государя, я для излѣченія уволенъ въ отпускъ за границу на 4 мѣсяца. Вмѣсто меня вступитъ въ управленіе тремя губерніями князь Васильчиковъ. Это человѣкъ благороднѣйшихъ чувствъ; вы имъ будете довольны, и онъ исполнитъ превосходно всѣ тяжелыя обязанности того тяжкаго бремени, которое я несу 14 лѣтъ. Вашъ [1]) начальникъ губерніи исполнилъ свое призваніе отлично. Онъ никому изъ васъ не сдѣлалъ зла, а многимъ сдѣлалъ добро, и вы не можете не отдать ему этой справедливости. Популярности я не искалъ, любви отъ васъ я не имѣю, но уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поколѣнія вспомнятъ мою службу въ этомъ краѣ. Ваши дѣти будутъ благодарить моимъ дѣтямъ, я въ томъ увѣренъ. Теперь вы приступите къ выборамъ; надѣюсь, что давнія службы найдутъ у васъ преимущество, что вы постараетесь оцѣнить по достоинству тѣхъ, которыхъ отличаетъ Государь и которые всегда защищали права дворянства и облегчали мнѣ это бремя, которое я такъ долго двигаю.

Прощайте, прощайте, прощайте! Если я умру, не поминайте лихомъ.

ЗЕМЛЯНЫЕ ВАЛЫ БЛИЗЪ С. КУДИНКИ

(летичевскаго уѣзда, подольской губерніи).

Югозападный край, долгое время служившій театромъ войнъ между козаками и поляками и, гораздо раньше ихъ, — между аборигенами страны и проходившими чрезъ нее и нападавшими на нее дикими народами, сохранилъ на поверхности своей не мало историческихъ памятниковъ своего прошлаго, въ видѣ каменныхъ вежъ, городищъ, кургановъ, разныхъ формъ валовъ и т. под.

Болѣе важные изъ такихъ памятниковъ уже описаны историками, какъ русскими, такъ и польскими, а нѣкоторые остаются до сихъ поръ еще не описанными, и память объ нихъ хранится лишь въ искаженномъ отъ времени народномъ преданіи да въ отрывочныхъ замѣткахъ бытописателей. Еще много въ этомъ краѣ такихъ мѣстъ, гдѣ даже опытный наблюдатель не сразу отгадаетъ, что стоитъ передъ памятникомъ прошедшаго времени и не въ со-

[1]) Кіевскій—И. И. Фундуклей.

стояніи опредѣлить его историческое значеніе, указать время его появленія и проч. Нѣтъ еще въ нашей литературѣ историческихъ и географическихъ монографій такихъ памятниковъ, но дороги были-бы и отрывочныя о нихъ свѣденія. Такія свѣденія и мы хотимъ дать въ настоящей замѣткѣ о валахъ села Кудинки.

Село Кудинка, близъ котораго находятся подлежащіе нашему описанію валы, лежитъ въ летичевскомъ уѣздѣ подольской губерніи и раскинуто на лѣвомъ берегу рѣки Буга, который отдѣляетъ его отъ мѣстечка Ново-Константинова. Отъ уѣзднаго города Летичева Кудинка отстоитъ на четырнадцать верстъ, отъ губернскаго—Каменца Подольскаго на 150 верстъ. Валы находятся передъ селомъ, надъ самимъ Бугомъ. Выше ихъ, т. е. далѣе отъ Буга, расположено сельское кладбище, а между нимъ и валами пролегаетъ дорога, огибающая валы и ведущая чрезъ устроенную на Бугѣ плотину къ мельницамъ, находящимся на противоположной отъ валовъ сторонѣ рѣки. Валы эти устроены амфитеатромъ, имѣютъ четыре гребня и посрединѣ площадку [1]). Дуги всѣхъ валовъ постепенно понижаются, по мѣрѣ приближенія ихъ къ берегу, и въ долинѣ, между первымъ и вторымъ гребнемъ, бьетъ въ настоящее время ключъ прекрасной воды, которою пользуются сосѣдніе крестьяне. Если стать на самой срединѣ площади, то съ нея открывается великолѣпный видъ на окрестности, по направленію къ сѣверо-востоку, съ крайняго-же гребня вала горизонтъ расширяется, и зрѣніе охватываютъ далѣе мѣстность къ юго-западу, гдѣ находятся села Редченцы, Поповцы, Рожны, которые съ площадки валовъ не видны. Вообще, мѣсто, гдѣ находятся валы, въ высокой степени живописное. Вечеромъ, предъ закатомъ солнца, при тихой и ясной погодѣ, стоя на площадкѣ валовъ, поддаешься невольно впечатлѣнію, вызываемому видами окружающей мѣстности. У подошвы валовъ течетъ

---

[1]) Несомнѣнно по изслѣдованнымъ доднынѣ городищамъ, что тѣ изъ нихъ, которые состоятъ, подобно описываемому, изъ нѣсколькихъ концетрическихъ колецъ валовъ, относятся хронологически къ княжескому періоду русской исторіи (X—XIII ст.). Въ доказательство можно указать на городища, существующія на территоріи кіевскаго древняго княжества: въ Витичевѣ, кіевскомъ Звенигородѣ, у с. Пирогова, въ Бѣлгородѣ, въ древнемъ Пересѣчинѣ (что у Китаевской пустыни) и особенно въ Вышгородѣ. *Прим. ред.*

тихій Бугъ, способный, однако, рокотать и шумѣть тамъ, гдѣ разсчетъ предъусмотрительнаго человѣка хочетъ помѣшать его свободному теченію и заставить его работать на себя. У самыхъ валовъ устроена плотина, поглотившая собою у владѣльца этой мѣстности, князя Кочубея, не мало денегъ. Въ то время, когда послѣдніе лучи солнца горятъ на куполѣ летичевскаго костела, а на Бугѣ ложатся тѣни пригорковъ, избъ и деревьевъ, когда водяная птица, преимущественно дикія утки, своимъ крикомъ и пискомъ даютъ знать о себѣ болѣе чѣмъ днемъ, когда угрюмый мельникъ на утломъ челнѣ ѣдетъ обирать попавшую въ разставленныя снасти рыбу и поетъ свою заунывную пѣсню про казацкую славу,—ваша мысль невольно уносится въ даль вѣковъ; но, любуясь дивной красой природы, забываешь всѣ бури, пронесшіяся надъ этой страной, всѣ ужасы переиспытанныхъ сю войнъ и разореній, всѣ бѣдствія человѣка, всякое горе—свое и чужое, и при этомъ такъ свободно дышется, такъ легко вѣрится въ счастье человѣка, минувшее и грядущее. Но обратимся къ предмету нашего изслѣдованія, точнѣе—догадокъ и предположеній.

Ни въ какихъ историческихъ сказаніяхъ намъ не приходилось встрѣчать прямаго и яснаго указанія на время и причины, вызвавшія происхожденіе валовъ близь села Кудинки [1]). Только въ общей исторіи событій, связанныхъ такъ или иначе съ мѣстностью, на которой находятся интересующіе насъ валы, можно искать основаній для болѣе или менѣе вѣроятныхъ предположеній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Къ какой глубокой древности ни относилось-бы на самомъ дѣлѣ происхожденіе кудинскихъ валовъ, они не могли имѣть иного значенія, кромѣ военнаго. Очень можетъ

---

[1]) Названіе села Кудинки почти тождественно съ названіемъ города «Кудина», упоминаемаго въ Ипатской лѣтописи подъ 1241 годомъ въ числѣ такъ называемыхъ «Болоховскихъ городовъ». О томъ, что лѣтописный Кудинъ находился на мѣстѣ описываемаго авторомъ села Кудинки, было высказано предположеніе, обставленное весьма вѣскими доводами, въ сочиненіи г. Дашкевича: «Болоховская земля» (см. стр. 16 и 19). Описываемые авторомъ валы и ихъ характерное очертаніе подкрѣпляютъ еще однимъ, новымъ доказательствомъ предположенія г. Дашкевича. См. также Барсова: «Матеріалы для историко-географическаго словаря Россіи», стр. 109 и 11-я. *Прим. ред.*

быть, что эти валы насыпаны въ эпоху доисторическую или въ періодъ прохожденія по этой странѣ дикихъ народовъ, когда вообще самая селитьба требовала уже надежной охраны и защиты; но ничто не мѣшало пользоваться ими для тѣхъ-же цѣлей и последующимъ поколѣніямъ, поддерживать и приспособлять ихъ къ измѣнившимся потребностямъ времени. Оставаясь при той мысли, что разрѣшеніе вопроса о времени первоначальнаго устройства этихъ валовъ можетъ быть произведено только съ помощью раскопокъ спеціалистовъ-археологовъ, мы съ тѣми скудными свѣденіями, какія могутъ быть доступны живущему въ сельской глуши, останавливаемся для освѣщенія даннаго вопроса на томъ великомъ переворотѣ въ нашемъ краѣ, который ближайшимъ образомъ касался описываемой мѣстности и могъ представить надобность въ такихъ насыпяхъ и укрѣпленіяхъ, какъ кудинскіе валы. Разумѣемъ войны Хмельницкаго, и послѣдующія, сохранившіяся въ народномъ преданіи подъ именемъ „Великой Руины."

Въ 1648-мъ году Богданъ Хмельницкій, направляясь съ войскомъ къ Старому Константинову на помощь дѣйствовавшему въ Немировѣ, Марковкѣ и Бердичевѣ своему полковнику Кривоносу, остановился въ селѣ Скаржинцахъ и простоялъ тамъ недѣли три [1]). Отсюда онъ двинулся къ Пилявцамъ, и тутъ 13-го сентября 1848-го года произошла кровопролитная битва съ поляками. *Самовидецъ* такъ говоритъ объ этой войнѣ: „въ Полонномъ и Константиновѣ Старомъ кровью рѣки плынули. Въ Старомъ Константиновѣ ставки и болота были полны труповъ лядзкихъ". Разбивъ здѣсь поляковъ на голову, а оставшуюся часть обративъ въ бѣгство, Богданъ Хмельницкій отсюда отправился чрезъ Новый Константиновъ въ Баръ. Въ то время въ Новомъ Константиновѣ былъ соумышленникъ козаковъ, мѣщанинъ Харько, который говорилъ, что когда лядское войско вступитъ въ этотъ городъ, то онъ зажжетъ городъ, а въ Сенявцѣ мѣщанинъ Яцко увѣрялъ козаковъ, что онъ насыплетъ въ пушки (конечно, польскія) песку, такъ-что они нисколько вредить не будутъ [2]). Привели-ли въ исполненіе это обѣщаніе давшіе его

---

[1]) Самовидецъ. Хмельницкая лѣтопись.

[2]). Памятники, изданные временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ въ Кіевѣ. Т. I, стр. 64.

мѣщане или нѣтъ, не извѣстно; но несомнѣнно, что когда Богданъ Хмельницкій шелъ изъ Стараго Константинова въ Баръ, то сжегъ Старый и Новый Константиновы, жители-же этихъ городовъ—кто бѣжалъ за Днѣпръ, а ляховъ и жидовъ участвовавшіе въ войскахъ Хмельницкаго татары—нѣкоторыхъ убивали, а нѣкоторыхъ брали въ плѣнъ [1]). Такъ-какъ село Кудинка отдѣляется отъ м. Новаго Константинова только Бугомъ, то историческіе факты, имѣвшіе вліяніе на это мѣстечко, должны безспорно относиться и къ мѣстности, занимаемой Кудинкой, и всякіе памятники старины, оказавшіеся теперь на ея территоріи, должны быть объясняемы исторической судьбой мѣстечка Новаго Константинова. Поэтому, напавъ на слѣды исторической жизни этого мѣстечка въ XVII в., выше нами указанные, мы въ правѣ думать, что еще Хмельницкій со своимъ войскомъ, проходя эту мѣстность, могъ оставить въ ней слѣды своего пребыванія въ видѣ укрѣпленной земляными насыпями временной стоянки; но мы имѣемъ болѣе ясное указаніе на то, что на указанную нами мѣстность въ то-же время было обращено вниманіе польскихъ военачальниковъ, какъ на мѣсто весьма удобное для лагеря. Такъ, когда разбитые подъ Пилявцами поляки ушли къ Збаражу (нынѣ уѣздному городу въ Галиціи) и тамъ стали лагеремъ, съ цѣлью дать отпоръ нападенію Хмельницкаго, Янъ Казиміръ далъ приказаніе польскимъ воеводамъ собраться лагеремъ подъ Новымъ Константиновымъ, хотя остатки разбитаго войска и должны были двинуться къ Збаражу. Коронный Подчашій писалъ тогда къ Коронному Канцлеру, что подъ Збаражемъ мѣстоположеніе имѣетъ свои невыгоды, а подъ Новымъ Константиновымъ есть мѣсто удобное для лагеря. Кто знаетъ, быть можетъ отмѣченное по своимъ удобствамъ мѣсто и было то самое, о которомъ мы говоримъ.

Когда въ слѣдующемъ 1649-мъ году Хмельницкій одержалъ надъ польскими войсками рѣшительную побѣду подъ Зборовымъ и польскій король Янъ-Казиміръ, участвовавшій лично въ этой экспедиціи, увидѣвъ свое войско окончательно разбитымъ и находя единственное средство для спасенія себя отъ плѣна и остальнаго войска

---

[1]) Т. І-й Памятниковъ, № 44.

отъ окончательнаго истребленія, обратился къ Богдану Хмельницкому съ предложеніемъ о мирѣ, то, по условіямъ зборовскаго трактата 19-го августа 1649 года, границы Малороссіи были опредѣлены тогда по городъ Любаръ, Баромъ, Днѣстромъ, *Новымъ Константиновымъ* и рѣкою Случемъ. Въ это время Новый Константиновъ, какъ пограничный пунктъ, и могъ обратить на себя вниманіе козацкаго вождя и получить значеніе укрѣпленнаго пункта. Были-ль задолго или не задолго до этого времени тѣ земляные валы близъ с. Кудинки, о которыхъ рѣчь, или, быть можетъ, онъ велѣлъ, въ видахъ огражденія новыхъ границъ отъ нападенія поляковъ, вновь вырыть и насыпать эти укрѣпленія, ничего объ этомъ, кромѣ однихъ догадокъ, сказать нельзя; но мы не можемъ не обратить вниманія на то обстоятельство, что валы при селѣ Кудинкѣ расположены амфитеатромъ именно къ юго-западу, по направленію къ польскимъ тогдашнимъ владѣніямъ, и съ этой стороны имѣютъ самый высокій гребень, съ постепенными пониженіями всѣхъ остальныхъ, и что всѣ они вмѣстѣ могли-бы обезпечить вполнѣ и возможность отражать нападеніе врага, и безпрепятственный доступъ къ водѣ. Итакъ, кудинскіе валы, когда-бы они ни были насыпаны, во время войнъ Хмельницкаго и особливо послѣ зборовскаго трактата, имѣли значеніе оборонительнаго или вообще стратегическаго укрѣпленнаго пункта.

Высказывая такое предположеніе наше, мы думаемъ, что оно подтвердилось-бы и опредѣлилось-бы еще болѣе, если-бы кто-нибудь занялся раскопкой этихъ валовъ. Сокрытое въ нихъ оружіе, разныя принадлежности боевой жизни и деньги могли бы служить самымъ лучшимъ освѣщеніемъ вопроса о происхожденіи и значеніи описываемаго нами памятника. Къ свѣдѣнію тѣхъ, кого это можетъ интересовать, замѣтимъ, что въ настоящее время играющія на валахъ дѣти-пастухи и вообще крестьяне с. Кудинки находятъ на нихъ старинныя монеты, а проливные дожди, размывая насыпи, обнажаютъ человѣческія кости и даже цѣлые скелеты. Во всякомъ разѣ намъ кажется, что этотъ важный историческій памятникъ достоинъ того, что-бы на помощь мѣстнымъ догадкамъ и соображеніямъ о немъ пришло со своими средствами и знаніемъ какое-либо Русское археологическое общество; при его содѣйствіи можно было-бы достичь богатыхъ результатовъ для мѣстной, а можетъ быть и во-

обще русской исторіи. Словомъ: тутъ есть надъ чѣмъ покопаться.

Получивъ при Хмельницкомъ начало или только новое опредѣленное значеніе пограничнаго укрѣпленнаго пункта, валы при селѣ Кудинкѣ не переставали, вѣроятно, служить военнымъ цѣлямъ то поляковъ, то козаковъ и въ дальнѣйшей жизни юго-западнаго края, вплоть до приведенія его въ состояніе мира и водворенія въ немъ порядка и гражданственности. Такъ, когда вскорѣ послѣ зборовскаго договора, вслѣдствіе не благопріятно сложившихся для Малороссіи обстоятельствъ, границы ея, опредѣленныя по этому миру, съузились, и мѣстности, о которыхъ мы говорили, снова отошли къ Польшѣ, валы при селѣ Кудинкѣ могли служить службу уже полякамъ. Ими могъ пользоваться и Янъ Выговскій, кіевскій воевода и бывшій козацкій гетманъ, когда, находясь въ декабрѣ 1659 года подъ Хмѣльникомъ (мѣстечкомъ летичевскаго уѣзда, подольской губ.), далъ отпоръ русскимъ войскамъ, напавшимъ было на него подъ начальствомъ Шереметьева. Въ этой неудачной битвѣ Шереметьевъ долженъ былъ отступить и удалился на милю отъ Хмѣльника [1]). Но занимаемая Новымъ Константиновымъ мѣстность побывала подъ властью не только козаковъ и поляковъ, но и турокъ. Король польскій Михаилъ Вишневецкій, по договору, заключенному съ ними въ Бучачѣ 1672 г., уступилъ имъ Каменецъ-Подольскъ и все подольское воеводство; для опредѣленія новой границы была образована тогда польско-турецкая коммисія, которая предполагала провести границу по Меджибожъ и Новый Константиновъ, а видимыми знаками этой границы должны были служить частыя земляныя насыпи, „копці" [2]). Можно допустить, что такъ-какъ валы при селѣ Кудинкѣ находятся на томъ берегу р. Буга, который ближе къ Каменецъ-Подольску, чѣмъ противоположный берегъ Буга, то турки, забравъ подъ свою власть и Каменецъ-Подольскъ и мѣстность между нимъ и Новымъ Константиновымъ, пользовались въ свою очередь земляными валами, какъ пограничнымъ, болѣе или менѣе укрѣпленнымъ, пунктомъ. Можетъ быть сохраненіемъ до настоящаго времени, въ теченіи болѣе двухъ

---

[1]) Т. III-й Памятниковъ, стр. 394-я

[2]) Памятники, т. 2-й, стр. 501-я.

вѣковъ, своихъ первоначальныхъ формъ земляные валы при селѣ Кудинкѣ обязаны именно тому, что, сохраняя за собою въ теченіи этого времени значеніе болѣе или менѣе важнаго стратегическаго пункта, они были постепенно поддерживаемы ихъ дальнѣйшими, послѣ Хмельницкаго, обладателями. Другихъ свѣдѣній, касающихся данной мѣстности въ это и послѣдующее время, мы не имѣемъ; судьба ея и кудинскихъ валовъ, теряется во мракѣ гетманскихъ междоусобій и русско-польско-турецкихъ войнъ; сама западная Украйна, сдѣлавшись поприщемъ продолжительной борьбы могущественныхъ сосѣдей, пришла въ совершенное разореніе; въ частности города и села, расположенныя по Бугу, сдѣлались въ такой степени не обитаемы, что когда молдавскій господарь Дука, получивъ отъ Турціи власть надъ всею областью между Днѣстромъ и Днѣпромъ, отправилъ своего намѣстника въ Немировъ для избранія ему резиденціи и постройки дворца, то этотъ послѣдній нашелъ на Бугѣ случайно уцѣлѣвшее одно лишь село—Печара.

Въ концѣ XVII ст. козачество въ западной Украйнѣ стало снова усиливаться во время гетманства Самуся, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности бѣлоцерковскаго полковника Семена Палія. Извѣстны однако и его печальная участь и послѣдовавшее послѣ, по силѣ прутскаго договора, совершенное уничтоженіе козачества на правой сторонѣ Днѣпра. Но съ переводомъ козацкихъ полковъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ населеніи западной Украйны не умеръ духъ козацкій, выражавшій свой постоянный протестъ противъ польскаго господства и насилія, хотя въ другой уже формѣ: козачество, въ силу новыхъ условій жизни, явилось въ формѣ гайдамачества. Изъ среды народа на защиту вѣры и народности стали выдѣляться отдѣльныя личности изъ крестьянъ и мѣщанъ, формировались въ небольшіе отряды подъ названіемъ гайдамакъ и гайдамацкихъ купъ и шли рѣзать поляковъ и грабить при этомъ ихъ богатства. Долго, въ теченіи всего почти XVIII ст., гайдамацкіе отряды дѣйствовали на всемъ пространствѣ собственно Украйны, Волыни и Подолья. Изъ свѣдѣній о нихъ въ нашей мѣстности мы имѣемъ лишь не многія. Такъ напр. извѣстно, что гайдамацкія шайки изъ мѣщанъ и крестьянъ не разъ въ теченіи XVIII ст. формировались и дѣйствовали въ окрестностяхъ Ново-Константинова, Дунаевецъ, Студеницы, Гусятина, Стрижовки и т. д. Извѣстный

предводитель шайки гайдамакъ, ватажокъ Чуприна ознаменовалъ себя пятнадцатью набѣгами на Польшу и, наконецъ, былъ убитъ въ Янтушковскомъ лѣсу.

Въ 1750 г. гайдамаки напали на монастырь отцовъ доминиканов въ Летичевѣ; перебивъ монаховъ, они ограбили монастырь. Въ томъ-же году они напали на винницкій замокъ и тамъ, выломавъ дверь въ городской канцеляріи, истребили всѣ находившіеся въ ней письменные акты, считая ихъ хранилищами неправды помѣщиковъ и собственнаго своего угнетенія. Очень можетъ быть, что валы кудинскіе не разъ и для гайдамакъ служили мѣстомъ убѣжища и прикрытія, ибо извѣстно, что и они, по примѣру козаковъ, ограждали себя въ своихъ убѣжищахъ и стоянкахъ земляными насыпами и окопами. Кудинскіе валы въ особенности могли быть на руку тѣмъ изъ гайдамацкихъ шаекъ, которыя дѣйствовали въ Летичевѣ и Винницѣ; при разбитіи и преслѣдованіи, засѣвъ за этими валами, они храбрѣе и дольше могли отстаивать собственную жизнь.

Съ присоединеніемъ въ 1793 г. Подолья къ Россіи, перевелась и гайдамаччина, и лишь валы, пѣсни, замки и могилы, свидѣтельствуютъ теперь о бурной жизни этого края.

Вотъ все, что могли мы сказать о кудинскихъ валахъ, предоставляя болѣе насъ свѣдущимъ сказать больше и опредѣленнѣе. Что касается народнаго преданія о нихъ, сохранившагося у крестьянъ с. Кудинки и мѣстечка Новаго Константинова, то оно является въ такомъ туманномъ и искаженномъ видѣ, что его нельзя брать за основу какихъ-бы то ни было догадокъ и соображеній въ данномъ вопросѣ. Замѣчательно однако, что въ немъ упоминается о битвѣ подъ Хмельникомъ, хотя оно относитъ ее къ царствованію Екатерины II и не приводитъ никакихъ подробностей этой битвы.

Села Кудинки свящ. **Петръ Кудлаевичъ.**

СТАРИННЫЕ ТРАКТЫ, ИЛИ ДОРОГИ ВЪ ЮЖНОЙ РОССІИ.

Изколесивши въ теченіи своей жизни въ разныхъ направленіяхъ Южную Русь, мнѣ не разъ приходилось слышать названія дорогъ: *Ромоданъ, Черный шляхъ, Шпаковъ шляхъ* и другія, и они

до того меня заинтересовали, что я рѣшился поподробнѣе изслѣдовать происхожденіе тѣхъ дорогъ. По нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ напримѣръ по „Ромодану" и „Черному шляху", мнѣ случалось проѣзжать самому; другіе извѣстны мнѣ по наслышкѣ, наконецъ о третьихъ мнѣ только случалось начитывать въ книгахъ.

Шляхъ Ромоданъ начинается отъ города Конотопа и идетъ къ г. Ромнамъ, а оттуда, повернувъ на юго-западъ, идетъ почти прямою линіею на гг. Лохвицу, Лубны, на сел. Рублевку—до Кременчуга. По мѣстному преданію, этою дорогою въ 1670-тыхъ годахъ двигались русскія войска подъ начальствомъ князя Ромодановскаго противъ гетмана Дорошенка.

Шрамківській шляхъ[1]) проходитъ отъ г. Пирятина до сел. Черняховки.

Шляхъ Сагайдакъ начинается у г. Гадяча (полт. губ.) и идетъ черезъ г. Сумы и Краснополье, а потомъ проходитъ по грайворонскому уѣзду курской губерніи.

Муравській шляхъ начинается отъ Перекопа, проходитъ по екатеринославской губерніи и потомъ, пройдя мимо Полтавы, Харькова и Бѣлгорода, входитъ въ курскую губернію, далѣе проходитъ по нижнедѣвицкому уѣзду воронежской губерніи и оканчивается у г. Ливенъ (орл. губ.). Этимъ путемъ дѣлали набѣги крымцы на Малороссію и Великороссію.

Черный шляхъ, начало котораго на картѣ Рѣчи Посполитой, 1772-го года, Риччи Зенони (*Carte de Pologne etc. 1772*) показано близъ *Чорнаго лѣса* (въ александр. уѣздѣ херс. губ.), кружитъ по кіевской губерніи, то раздѣляясь на нѣсколько рукавовъ, то сливаясь въ одинъ путь. Изъ упомянутой карты видно, что та дорога, обходя населенныя мѣста, проходитъ въ слѣдующемъ направленіи: изъ подъ Чорнаго лѣса она идетъ на западъ, къ Ново-Миргороду, здѣсь дѣлится на три рукава, изъ которыхъ южный идетъ въ западномъ-же направленіи (по херсон. губ.) на Ольховатку, Кутинъ, Журавку, Ново-Архангельскъ, гдѣ, повернувъ въ кіевскую губернію, около Торговицы, идетъ близъ с. Нерубайки, потомъ, обойдя съ южной стороны г. Умань, направляется мимо селъ Килечка,

---

[1]) Шрамко былъ однимъ изъ сподвижниковъ гетмана Богдана Хмельницкаго.

Краснополя, Босовки, м. Монастырища и до с. Бабина. Сѣверный рукавъ отъ г. Ново-Миргорода проходитъ близь с. Турія, а средній близь селъ—Тризи и Свинки, и оба соединяются въ одинъ путь близь м. Ольшаны. Далѣе *Чорный шляхъ* проходитъ близь селъ Сидоровки и Луки, м. Кошеватой, с. Лукьяновки, г. Таращи, м. Ставища, с. Войнаровки, м. Городища, с. Пятигоръ и близь с. Бабина и м. Кальники (липов. уѣзда) соединяется съ южнымъ рукавомъ, о которомъ мы упомянули выше. Далѣе *Чорный шляхъ* идетъ на с. Мадіёвку, Любинецъ, сѣвернѣе г. Липовца, близь с. Іосева, сѣвернѣе Збаражи, близь с. Любаневки, м. Острожки, сс. Улянова, Безпечной, Чосной, Ляшовки, Новой и Старой Сренявы (подол. г.) и оканчивается у с. Лозовой (старо-конст. уѣзда, вол. губ.). Сверхъ того одна вѣтвь его отъ Торговицы пошла на западъ черезъ м. Совронь (балтс. у. под. г.) на соединеніе со Шпаковымъ шляхомъ близь с. Попелюховъ. На картѣ Риччи Зенони на томъ мѣстѣ означенъ Крестъ Собѣсскаго (Krzyż Sobieskiego) [1]). Слыхалъ я также про *Мазепинъ и Искринъ* или *Пьяный шляхъ*. Небольшой Мазепинъ шляхъ идетъ отъ с. Мазепинецъ (васильк. уѣзда) до с. Пологи. Искринъ шляхъ, начинаясь отъ г. Бѣлой-Церкви, идетъ на с. Яновку, а оттуда къ Днѣпру. Эта дорога идетъ въ отдаленіи отъ жилыхъ мѣстъ. Чуть-ли не эта-же дорога называется иначе *Самусевымъ шляхомъ*.

Шляхъ *Караванскій* начинается въ васильковскомъ уѣздѣ у с. Мытницы Аксаковой (названіе Мытница показываетъ, что тамъ была таможня) и идетъ черезъ с. Трилисы, м. Фастовъ и далѣе по сквирскому уѣзду и поперекъ подольской губерніи до буковинской границы. Во времена Польши это былъ торговый трактъ, которымъ товары изъ Молдавіи шли въ Кіевъ, а въ Мытницѣ была граница польскихъ владѣній. Въ книгѣ *Podania i Legendy przez Siemeńskiego* [2]) упоминается еще о *Сермяжиномъ шляхѣ*, проходящемъ близь г. Канева. Въ этой книгѣ говорится, что тамъ существуетъ преданіе, что этою дорогою везли какого-то Сермягу. Мо-

---

[1]) Я слышалъ, что этотъ крестъ, поставленный Собѣсскимъ въ память какой-то побѣды надъ турками, существуетъ и нынѣ близь такъ называемой *малёваной корчмы*, недалеко отъ станціи жел. дор. *Попелюхи*.

[2]) Poznań. 1845 г., стр. 82.

жетъ быть народная память сохранила преданіе о гетманѣ Серпягѣ или Подковѣ, казненномъ во Львовѣ. Тотъ-же авторъ говоритъ, что существуетъ проклятіе: *а щобъ ты попавъ на серпяжинъ шляхъ!*

Вдоль всей подольской губерніи самымъ водораздѣломъ рр. Днѣстра и южнаго Буга проходитъ *Шпаківъ*[1]) *шляхъ*, названный, на вышеупомянутой картѣ Риччи Зенони, *Kuczmeński szlach*. Онъ начинается близъ с. Бирзулы и оканчивается, сколько помню, у м. Чорнаго-Острова. Двумя рукавами онъ соединяется съ Чорнымъ шляхомъ: на югѣ, какъ я уже сказалъ, близъ селенія Попелюховъ у такъ называемой Малеваной корчмы или Креста Собѣскаго, а на сѣверѣ—рукавомъ, отдѣлившимся отъ Шпаковаго шляха, близъ м. Хмельника. Вдоль этой дороги теперь прошла значительная часть кіево-балтской желѣзной дороги.

Въ херсонской губ. отъ Очакова идетъ на западъ, на с. Лубянку и м. Рясниполь—*Злодійскій шляхъ*. Тамъ-же, въ ананьевскомъ и тираспольскомъ уѣздахъ, я слышалъ про *Бендерскій шляхъ*[2]), которымъ прежде ходили чумаки, но онъ повидимому въ настоящее время существуетъ только мѣстами.

Г-нъ Якушкинъ, въ своихъ „Путевыхъ Запискахъ", упоминаетъ еще о *Царевомъ шляхѣ*, идущемъ отъ г. Погара (черн. г.) въ орловскую губернію.

ИСКОРОСТЬ—ДРЕВНІЙ КОРОСТЕНЬ ИЛИ СКОРОСТЕНЬ.

Проѣзжая по почтовому тракту изъ Житоміра въ Овручъ, вамъ на второмъ или третьемъ перегонѣ попадется по дорогѣ жалкое, растянувшееся въ одну линію, во всю ширину почтовой дороги, жидовское мѣстечко Искорость, называемое мѣстными жителями *Скорость*.

---

[1]) Можно думать, что свое названіе эта дорога получила отъ Шпака, избраннаго жителями брацлавскаго воеводства своимъ полковникомъ въ 1704 году, при появленіи въ тѣхъ мѣстахъ украинскихъ войскъ подъ начальствомъ гетмана Мазепы. Прим. В. Б. Антоновича.

[2]) Преданіе говоритъ, что по ней уходилъ изъ подъ Полтавы въ Турцію Карлъ XII-тый.

Иному проѣзжему не придетъ и въ голову, что онъ проѣзжаетъ по исторической мѣстности, по древней столицѣ древлянъ. Чтобы перенестись воображеніемъ въ древнія времена, надо, проѣхавши половину мѣстечка, повернуть на право, на мостъ чрезъ рѣку Ушъ, переѣхавши который, вы увидите древніе валы, болѣе 4 саж. ширины, современные Игорю и Ольгѣ. Валы эти чуть-ли не лучше всего сохранились въ саду нынѣшняго владѣльца Искорости, Любовицкаго (?). Тамъ вы совершенно неожиданно попадете на довольно живописную мѣстность, такъ какъ р. Ушъ течетъ тамъ по гранитному дну, въ гранитныхъ берегахъ. Въ одномъ мѣстѣ Ушъ образуетъ небольшой водопадъ: гранитный порогъ заставляетъ всю массу воды этой рѣки падать съ высоты около $^3/_4$ аршина. Ниже этого водопада имѣется въ гранитномъ днѣ родъ естественной небольшой ванны, въ которой можно усѣсться такъ удобно, что вся масса падающей воды будетъ лить вамъ на плечи. Эта естественная ванна по книжному называется купѣлью св. Ольги; мѣстные жители называютъ ее просто *Сижа* [1]).

По дорогѣ отъ Искорости на сс. Злобичъ и Лѣсовщину есть нѣсколько большихъ могилъ, которыя мѣстными жителями называются *Древлянскими*. По этой-же дорогѣ, верстахъ въ 5—7 отъ Искорости среди лѣса, на пространствѣ около $^1/_4$ версты, слышенъ при проѣздѣ какой-то особый гулъ, показывающій, что тамъ должно быть огромное подземное пространство или пещера!

Я забылъ упомянуть, что не далеко отъ Сижи, въ скалистыхъ берегахъ Уши, имѣется нѣсколько пещеръ, входъ въ которыя, сколько помню, не больше 1 арш. возвышается надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ.

По мѣстнымъ преданіямъ, въ этихъ пещерахъ жили разбойники.

Во II томѣ „Starożytna Polska“ W. Balinskiego, про Искорость говорится: Игорь убитъ въ ней въ 945 году; на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло войско Олега, овладѣвшаго Коростенемъ въ 883 г., нынѣ существуетъ деревушка *Шатрище;* на разстояніи 7 вер. отъ Искорости есть могила, называемая Игоревою, на клад-

---

[1]) Сижею въ тѣхъ мѣстахъ называютъ приспособленіе для ловли рыбы, при которомъ устраивается сидѣнье для рыболова.

бищѣ въ Искорости имѣется нѣсколько большихъ могилъ, поросшихъ огромными дубами—нѣмыми свидѣтелями древности. Со временъ Ольги Искорость въ исторіи нигдѣ не упоминается.

ГДѢ ИМЕННО ЖИЛИ ЗАПОРОЖЦЫ ВО ВРЕМЯ ПОДЧИНЕНІЯ СВОЕГО КРЫМСКОМУ ХАНУ. (1709—34 г.)

Въ 1859 г. мнѣ пришлось прожить безвыѣздно нѣсколько мѣсяцевъ въ Херсонѣ. Время свободное отъ моихъ занятій я посвящалъ преимущественно на ознакомленіе съ городомъ и его окрестностями. По Днѣпру плавалъ много разъ на небольшихъ парусныхъ лодкахъ, называемыхъ мѣстными жителями *шаландами*. Проѣзжая по одному рукаву Днѣпра, я узналъ отъ лодочника, что тотъ рукавъ называется—річка *Кошова́*, и что существуетъ другой протокъ меньшихъ размѣровъ, который носитъ названіе *Кошова́тки*. Островъ, образуемый Кошовою и Днѣпромъ, носитъ названіе „*Запорожскаго* острова". Я высадился на этотъ островъ,—гдѣ можно было, походилъ по немъ и нашелъ слѣды какихъ-то валовъ или, вѣрнѣе сказать, укрѣпленій. Такъ какъ это было раннею весной, когда водою затоплена значительная часть острова, то я не могъ весь островъ обойти, а поэтому и не могъ составить себѣ яснаго понятія о дѣйствительной его величинѣ. Распрашивая у мѣстныхъ жителей, я узналъ, что запорожцы никогда не жили на противоположномъ берегу Днѣпра, въ нынѣшнемъ алешковскомъ уѣздѣ, а жили на островахъ Запорожскомъ, Двухъ Братьевъ и другихъ ближайшихъ къ правому берегу Днѣпра, а можетъ быть и на твердой землѣ праваго берега. Къ тому же заключенію пришелъ и другой изслѣдователь старины, молодой ученый Матвѣевъ, состоящій нѣсколько лѣтъ преподавателемъ въ херсонскихъ учебныхъ заведеніяхъ. По его предположенію, село *Козачьи Лагери* расположено на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли таборомъ черноморцы подъ начальствомъ Чепиги и Головатого, откуда они брали островъ *Березань*, иначе *Ада*, и тѣмъ способствовали къ овладѣнію Очаковымъ.

М. Левченко.

ПОСЕЛЕНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ ВЪ БАНАТѢ.

Послѣ упраздненія Запорожья указомъ императрицы Екатерины II въ 1775 году, многіе братчики упраздненной общины поселились въ разныхъ мѣстностяхъ Малороссіи и новороссійскаго края и возвратились къ земледѣльческимъ занятіямъ; другіе поступили въ военную службу, были зачислены въ гусарскіе полки, потомъ, во время второй турецкой войны, вошли въ составъ организованнаго княземъ Потемкинымъ новаго козацкаго войска и, наконецъ, послѣ окончанія компаніи, переселились на Тамань и на берега Кубани, составивъ ядро населенія черноморскаго (впослѣдствіи кубанскаго) козачьяго войска.

Не всѣ однако запорожцы рѣшились сразу разстаться съ традиціей своей общины, съ ея именемъ и устройствомъ. Уже во время „руйнування Січи" генераломъ Текеліемъ въ 1775 году, многіе братчики испрашивали у русскаго генерала пропускные билеты для цѣлыхъ артелей подъ предлогомъ обычнаго занятія рыбнымъ промысломъ въ устьяхъ Днѣпра и на берегу Чорнаго моря. Текели охотно выдавалъ пропуски, разсчитывая на то, что, при уменьшеніи числа „товариства" въ Сѣчи, онъ успѣетъ съ большимъ удобствомъ привести въ исполненіе возложенную на него обязанность—разоренія запорожскаго городка. Къ ватагамъ, ушедшимъ на поморье изъ Сѣчи, присоединились „братчики" изъ хуторовъ и зимовниковъ запорожскихъ и „голота", „аргаты" и „забродчики", т. е. многочисленные выходцы изъ польской Украйны, искавшіе заработка, воли и пріюта въ запорожскихъ степяхъ и находившіе занятіе на запорожскихъ хуторахъ, рыболовныхъ и соляныхъ заводахъ. Собравшіеся на взморьѣ запорожцы и покровительствуемая ими „голота" рѣшили выселиться въ турецкіе предѣлы, признать надъ собою власть султана, за обязательство военной службы, испросить землю для поселенія и основать на ней новую Сѣчь въ турецкихъ владѣніяхъ. Какъ извѣстно, турецкое правительство приняло предложеніе запорожцевъ и имъ отведены были земли на устьяхъ Дуная въ Добруджѣ, по сосѣдству съ болѣе давними выходцами изъ Россіи, донскими раскольниками, такъ называемыми некрасовцами, или липованами. На новомъ мѣстѣ жительства запорожскіе выходцы основали новую Сѣчь „Устьдунайскую", по образцу

старой приднѣпровской, и продолжали жить по запорожскому обычаю.

Но вскорѣ новое мѣсто поселенія оказалось не вполнѣ удобнымъ. Вслѣдствіе-ли недостаточности земли, отведенной турецкимъ правительствомъ, или по другимъ, не выясненнымъ еще, обстоятельствамъ, значительная часть эмигрантовъ оказалась недовольною мѣстомъ своего пребыванія и стала думать о новой родинѣ. Десять лѣтъ спустя послѣ переселенія въ Добруджу запорожцы обратились къ австрійскому правительству съ просьбою объ отведеніи имъ земли для жительства на австрійской военной границѣ; съ ходатайствомъ этимъ они обратились къ начальнику австрійскаго гарнизона въ Яссахъ, капитану Будеусу. Предложеніе это было доложено императору Іосифу II, который изъявилъ согласіе на принятіе запорожцевъ въ свою службу и опредѣлилъ имъ для поселенія мѣстности въ Банатѣ на берегахъ Тиссы и въ Бачскомъ комитатѣ около города Ченты (Zenta); на отведенныя имъ мѣста запорожцы должны были переселяться отрядами, постепенно, слѣдуя по указаннымъ маршрутамъ черезъ Трансильванію и Венгрію.

Условія переселенія, на основаніи которыхъ запорожцы были приняты австрійскимъ правительствомъ, состояли въ слѣдующемъ: они входили въ составъ военныхъ австрійскихъ поселеній, какъ отдѣльный полкъ, получали землю на вѣчныя времена, за что обязаны были въ военное время отбывать военную службу, смотря по надобности,—конную, пѣшую или-же на гребной, рѣчной флотиліи по Дунаю. Во внутреннемъ устройствѣ своего полка они удерживали полное самоуправленіе по запорожскимъ обычаямъ, сохраняли право выбирать Кошеваго и куренныхъ атамановъ, которые признавались въ одномъ рангѣ съ полковникомъ и ротмистрами австрійскаго войска. Судъ надъ членами общины, администрація въ предѣлахъ ея земель и распредѣленіе поземельныхъ участковъ предоставлялись самой общинѣ. Въ военное время запорожцы должны были получать жалованье за время своей службы въ томъ размѣрѣ, въ какомъ оно выдавалось солдатамъ и офицерамъ австрійскихъ форпостовъ. Запорожцы удержали свою одежду и не обязаны были носить мундира, а также сохранили собственное вооруженіе, причемъ они выговорили себѣ право служить въ конницѣ съ „ратищами“ (копьями), которыя не употреблялись тогда въ венгерской

кавалеріи. Послѣ утвержденія Іосифомъ II этихъ условій, началось немедленно и самое переселеніе, которое и совершилось въ томъ-же 1785 году. Всѣхъ переселенцевъ оказалось числомъ до 8,000, и первое основанное ими центральное поселеніе получило названіе Сѣчи (Setschá).[1])

Появленіе запорожцевъ въ предѣлахъ Австріи возбудило къ нимъ вниманіе въ повременной австрійской прессѣ и вызвало даже появленіе отдѣльной брошюры, авторъ которой, австрійскій офицеръ Гендльовичъ[2]), объяснялъ поводъ появленія своей книжки въ слѣдующихъ словахъ: „Извѣстно, что значительная часть запорожскихъ козаковъ обратилась къ Его Императорскому Величеству съ просьбою разрѣшить имъ поселиться въ Его владѣніяхъ и поступить на службу для защиты границъ; извѣстно также, что Его Величество склонился къ просьбѣ этихъ людей и указалъ имъ для жительства мѣстности въ Бачскомъ комитатѣ у Ченты, а также въ Банатѣ. Такъ какъ теперь объ этихъ переселенцахъ очень много пишутъ въ газетахъ и для многихъ читателей было-бы интересно встрѣтить точное и правдивое описаніе этого народа, то я предпринялъ этотъ трудъ и составилъ это краткое описаніе, за правдивость котораго могу вполнѣ поручиться, такъ какъ я довольно долго находился въ мѣстности, гдѣ они обитаютъ“. Сочиненіе Гендльовича раздѣлено на три главы: одна представляетъ краткій и довольно вѣрный историческій очеркъ возникновенія и минувшей судьбы Запорожья, другая посвящена описанію устройства и быта запорожской общины во время пребыванія ея еще на Днѣпрѣ, третья, наконецъ, содержитъ этнографическій очеркъ запорожцевъ, видѣнныхъ авторомъ въ ихъ австрійскихъ поселеніяхъ; къ этой главѣ

---

[1]) Подробности эти заимствованы изъ сочиненія: «Etnographie der Österreichischen Monarchie von Karl Freiher von Czoernig». Wien. 1857.

[2]) Сочиненіе Гендльовича носитъ слѣдующее заглавіе: «Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporoger kosaken vom Fähndrich von Händlowick, der sich geraume zeit um die Gegend der Wohnungen dieser Leute aufgehalten hat. Pappenheim in Franckeu». 1789. (Подробное и правдивое изображеніе запорожскихъ козаковъ, сочиненіе Фендриха Гендльовича, который въ теченіи продолжительнаго времени пребывалъ въ области, гдѣ они поселились. Папенгеймъ въ Франконіи. 1789 г.).

приложенъ рисунокъ, изображающій кошеваго атамана банатскихъ запорожцевъ. Къ несчастію, вслѣдствіе незнанія, повидимому, авторомъ языка и не точныхъ этнографическихъ пріемовъ, эта глава, представляющая для насъ самый значительный интересъ, составлена весьма небрежно. Гендльовичъ, описывая одежду, вооруженіе и бытъ запорожскихъ переселенцевъ и приводя техническія слова ихъ рѣчи, смѣшиваетъ постоянно частности быта сербскихъ граничаръ съ запорожскими и не даетъ возможности установить точныя этнографическія данныя.

О дальнѣйшей судьбѣ запорожскихъ переселенцевъ въ Австрію до послѣдняго времени ничего не было извѣстно; не многіе изслѣдователи, знавшіе о фактѣ переселенія въ 1785 году, предполагали, что запорожцы слились съ окружающимъ ихъ сербскимъ населеніемъ и что потомки ихъ не сохранили особаго этнографическаго типа. Такъ Я. Θ. Головацкій, помѣстившій въ львовскомъ „Науковомъ Сборникѣ" короткую замѣтку о переселеніи запорожцевъ въ 1785 году, заключаетъ ее слѣдующими словами: „но такъ якъ они отказались отъ женитьбы, то вскорѣ и вымерло все племя [1])." Оказалось впрочемъ, что предположенія эти были ошибочны: въ 1878 году львовское общество „Просвіта" получило письмо изъ бачскаго комитата, въ которомъ г. Юрій Весловскій, „землевладѣлецъ, дьякъ и школьный учитель" въ селѣ Керептурѣ, заявляетъ на чистомъ малорусскомъ языкѣ просьбу о снабженіи его школы изданіями „Просвіты", такъ какъ онъ не находитъ возможности преподавать науки потомкамъ запорожцевъ на венгерскомъ языкѣ и по венгерскимъ учебникамъ. „Просвіта" поспѣшила удовлетворить просьбу г. Весловскаго безвозмездною высылкою всѣхъ своихъ изданій и завязала съ нимъ постоянныя сношенія, письмо-же его напечатала въ одномъ изъ номеровъ издаваемаго ею журнала „Правда".

В. А.

НЕИЗВѢСТНЫЕ ПАМЯТНИКИ ПАМЯТНЫХЪ ЛИЦЪ.

По прочтеніи письма извѣстнаго политическаго дѣятеля Филиппа Орлика („Кіевск. Старина", апрѣль), мнѣ вспомнилось нѣчто

---

[1]) Науковый сборникъ 1867 года, стр. 109—110.

касающееся его, чѣмъ и хочу подѣлиться съ читателями „Кіевской Старины". Воспоминаніе это относится ко времени моего знакомства съ наслѣдникомъ извѣстнаго пчеловода, воспитанника кіевской академіи, Петра Ивановича Прокоповича,—Степаномъ Великданомъ, нынѣ умершимъ. Извѣстенъ хуторъ его пчеловодства; лежитъ онъ у села Пальчики, въ 8-ми верстахъ отъ Батурина. До него это было заброшенное болото. Прославившійся впослѣдствіи, какъ пчеловодъ, Петръ Ивановичъ Прокоповичъ, благодѣтель народа и знатокъ его духовной и экономической жизни, память котораго и теперь чтится въ народѣ подъ именемъ „прозорливаго", почувствовавъ призваніе къ пчеловодству, купилъ эту пустую болотину у села Пальчики, кажется, мѣсто истока рѣчки Дочи, уразумѣвая изъ болотныхъ травъ и затиши пригодность сего мѣста для пасѣки. Исторія пчеловодства украинскаго тѣсно связана съ именемъ сего мудреца-пчеловода (жизнеописаніе котораго дало-бы образъ богатаго самородка-таланта), а слѣдовательно и съ хуторомъ Пальчики, въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ имѣвшихъ громкую извѣстность.

Въ этомъ-то болотномъ пустырѣ, который Прокоповичъ воздѣлалъ въ прекрасный садъ и паркъ, приспособивъ ихъ для установки ульевъ, во время покупки онаго, какъ и впослѣдствіи, сохранились аллеи правильно посаженныхъ сосенъ, о которыхъ вмѣстѣ съ другими деревьями самъ Прокоповичъ говорилъ, на основаніи какого-то преданія, что это былъ *садъ генеральнаго писаря Филиппа Орлика*. Прокоповичъ былъ знатокъ и любитель козачьей старины; родъ его извѣстенъ въ козачествѣ. Самъ онъ ближайшій сосѣдъ историческаго Батурина. Начавъ службу при генералѣ де-Воланѣ, при основаніи Одессы, въ 90-хъ годахъ, въ должности адъютанта, и близко стоя къ времени Мазепы, онъ не могъ поставить ложно фактъ названія сада Филиппа Орлика.

Въ знаменитой пасѣкѣ Прокоповича и наслѣдника его Великдана сохранилась еще и другая древность, пріобрѣтенная Прокоповичемъ у крупецкаго монастыря: это келья *Димитрія Ростовскаго*, въ которой великій святитель писалъ свои *Четьи-Минеи*.

Неизвѣстно, какая участь постигла или постигнетъ зеленѣющія величественныя сосны Орлика и скромный домикъ симпатичнѣйшаго святителя. Если хуторъ уже въ рукахъ *цивилизато-*

ровъ страны (евреевъ), то судьба его извѣстна:—на ср—чъ или хлѣвъ; если же за долги перешелъ въ другія руки, то можетъ быть и уцѣлѣлъ пока. Странная игра судьбы: *достоянія двухъ историческихъ дѣятелей различныхъ направленій, по смерти ихъ, сошлись вмѣстѣ: тѣнь сосенъ Филиппа Орлика прикрываетъ келью религіозныхъ твореній святителя.*

Ст. фонъ-Носъ.

ПѢСНЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ

о выселеніи въ Турцію по уничтоженіи Сѣчи.

Ой изъ 1763 года
Пише, пише
Восточна цариця
Зъ Петербурга-города...
А на решті Січь поруйновала,
Степы, поля
И клейноды запорожські
Москалеви отдала.
Ой устань, Харьку,
Да устань, батьку,
Изъ того світу!
Ой підемъ у столицю,
Будемо просити царицю;
Ой чи не верне намъ
Степи, поля
И всі клейноды наши.
Не на то я, славни запорожці,
Січь розруйновала,
Щобъ назадъ вамъ
Степи, поля и клейноды вертала.
Ой великій світъ, мати Катерина!
Ой щожъ ти зробила?
На що усі степи и клейноды
Москалеви доручила?

Ой ходимъ, братця,
Турка просити,
Чи не дасть намъ земли
Віка дожити.
    Ой давъ намъ турчинъ землю
    Отъ Дністра до Богу,
    А гряницею давъ намъ
    По Бендерськую дорогу.
Ой будемо жити
Та Бога хвалити,
И до ляха въ гости
Все таки ходити.

ПѢСНЯ ЧЕРНОМОРСКИХЪ КОЗАКОВЪ

НА ВЗЯТІЕ Измаила.

Ой стояли мы да на якорі
Противъ Тилигула;
Тамъ била насъ хуртовина
Изъ Чорнаго моря.
А якъ хуртовина стала утихати,
Тогди ставъ панъ Кошовый
У трубу на війско гукати:
Ой піднимайте, та черноморці,
Паруса у гору;
Бье турчинъ изъ Кермену
Зъ пушокъ на тревогу.
Якъ увійшли черноморці
Въ Лиманъ лодками водою,
Паша керменскій у ночи
Выйшовъ зъ кріпости зъ ордою.
Мы одъ Кермена до Сафьяну
Бекетами стали,
На Дунаі турецького
Языка достали:
Скажи, скажи, татарюго,

Скажи ты намъ правду,
Черезъ що мы не можемо
Змаилова взяти?
Підіть, славни черноморці,
Дунаемъ—водою,—
Отберете весь запасъ турецкій
И лодки зъ ордою.
Пидійшли славни черноморці
Дунаемъ—водою,
Отбили весь запасъ турецькій
И полонили пашу зъ ордою.

Сообщилъ **Г. Ба—скій**.

ОБМАНУТЫЙ СОЛДАТЪ.

(стихотвореніе)

Помѣщаемое подъ этимъ заглавіемъ стихотвореніе принадлежитъ перу извѣстнаго любителямъ малорусской поэзіи доктора Руданскаго, большаго любителя и собирателя малорусскихъ пѣсень, автора множества бывшихъ и не бывшихъ въ печати стиховъ и пѣсень, а также ходящаго доселѣ въ рукописи и имѣющагося и у насъ перевода Иліады Гимера. Покойный Руданскій, обладая большимъ поэтическимъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ малорусскаго языка, при иныхъ условіяхъ, могъ бы выработаться до степени весьма примѣтнаго поэта и оказать солидныя услуги южнорусской этнографіи, поэзіи и литературѣ, но не достигъ надлежащаго развитія и преждевременно сошелъ въ могилу по причинѣ того печальнаго недостатка, отъ котораго страдали и истинно великіе таланты, начиная съ отца русской науки М. В. Ломоносова и кончая величайшимъ нашимъ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ.

Помѣщаемое стихотвореніе воспроизводитъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, обращающихся въ изустной мѣстной литературѣ разсказовъ, которые такъ живо рисуютъ отношенія перекочевывающихъ съ мѣста на мѣсто солдатъ къ ихъ кормильцамъ — крестьянамъ. Отношенія эти полны самыхъ разнообразныхъ эпизодовъ: любов-

ныхъ, мирныхъ и враждебныхъ,—трагическихъ, комическихъ и другихъ. Многіе изъ такихъ разсказовъ давно стали достояніемъ исторіи, хотя и въ формѣ анекдотовъ или сказокъ, и характеризуютъ прежнее положеніе нашихъ солдатъ, обираемыхъ со всѣхъ сторонъ и вынужденныхъ пополнять свой скудный паекъ на счетъ подневольныхъ ихъ хозяевъ, въ избахъ которыхъ находили они болѣе или менѣе продолжительный пріютъ. Къ числу такихъ разсказовъ относится и составляющій содержаніе настоящаго стихотворенія. Извѣстно, что въ прежнее время расквартированные по деревнямъ солдаты получали отъ крестьянъ не только пріютъ, но и все почти продовольствіе. Отношенія тѣхъ и другихъ устанавливались въ большей части на началахъ взаимныхъ услугъ: постойный солдатъ помогалъ хозяевамъ въ домашнихъ ихъ работахъ, а тѣ его кормили и подъ часъ даже поили. Не рѣдко солдатъ становился какъ-бы членомъ семьи, совсѣмъ роднымъ. Но не всегда сходились желанія и вкусы хозяевъ и квартирантовъ, и тамъ, гдѣ оканчивались такъ сказать правовыя и свободныя отношенія, начинался рядъ обходовъ съ той и другой стороны. Иногда хозяева попадались скупые, иногда же солдатъ очень лакомый: тогда—кто кого перехитритъ. Въ большей части ходячихъ разсказовъ солдатъ является болѣе изобрѣтательнымъ, чѣмъ его хозяева. Извѣстна напр. вошедшая даже въ букварь сказка о томъ, какъ солдатъ учитъ скупую хозяйку варить щи съ гвоздемъ и, положивъ въ горшокъ гвоздь, постепенно вытягиваетъ отъ нея все необходимое для щей, неимѣніемъ чего такъ отговаривалась хозяйка. Иногда на оборотъ хозяйка перехитряетъ солдата и преграждаетъ путь его къ лакомству. На такой основѣ ведется разсказъ стихотворенія, но къ нему примѣшана и другая особенность—различіе національностей и языка объясняющихся сторонъ, которыя однако хорошо понимаютъ другъ друга, но каждая себѣ на умѣ. Въ этомъ комизмъ сцены и юморъ стихотворенія.

Сидить москаль на прилавку,
Прищурюе очи,—
Такъ и видно, що бідняка
Варениківъ хоче.
Хоче, бідный, варениківъ,
Ничого казати,

Та не знае по нашому,
Якъ бы ихъ назвати.
„Хозяюшка, голубушка,—
Почавъ говорити,—
„Свари-ка мнѣ вонъ-энтого...
„Вотъ какъ разъ забылъ уже!
„Тѣсто сыромъ накладають,—
„Какъ это зовется?"
—А Господь васъ святый знае,
Що вамъ, служба, гоже!
Тісто сыромъ накладають,—
Це галушки може?
„Не галуши, не галуши,
„Я галуши знаю.
„Свари-ка мнѣ, бишъ, энтого...
„Все, бишь, забываю".
Тісто сыромъ накладають,—
Чи не пирігъ буде?
„Не пирогъ, не пирогъ,
„Экая досада!
„Да знаешь ли, туда масла
„Да сметаны нада".
А хозяйка добре знае,
Чого москаль хоче,
Та чекае барабана,
Закимъ заторкоче.
Якъ почула барабанъ,—
Слава Тобі Боже!
Тоді каже москалеви:
Варениківъ може?
Ажъ підскочивъ москалина,
Та ніколи ждати.
„Варениковъ, варениковъ!"
Тай пішовъ изъ хаты.

Сообщ. **А. Я. Креминскій.**

Указатель личныхъ и географическихъ именъ,

встрѣчающихся во II томѣ «Кіевской Старины» *).

*) Цифры указываютъ страницы тома.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ II. 1882 г.

Апрѣль.

Май.

Іюнь.
